

ОБЛАДАТЬ И НЕНАВИДЕТЬ

Роман и сценарий для киноверсии

Р.С. ГРЕЙ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

Выйти замуж за человека, которого я едва знаю, чтобы спасти свою семью от разорения. Все могло бы быть просто, будь моим женихом кто-то другой.

В день нашей свадьбы мой будущий муж прибыл в здание суда мрачным, как черная туча, нависшая над Манхэттеном. Уолт не улыбался и не сыпал любезностями, пока мы обменивались пустыми клятвами перед судьей.

Его презрение ко мне было настолько ощутимым, что я предполагала, что после церемонии мы разойдемся, как в море корабли.

Но потом судьба сказала: «Подержи мое пиво, у меня другие планы».

Мне отчаянно нужна была помощь, поэтому у меня просто не было выбора, кроме как проигнорировать важнейшее правило в нашем контракте, которое гласило, что «я буду обращаться к мистеру Дженнингсу II только в случае крайней необходимости». Но эй, что значит мелкий шрифт, когда речь идет о супругах?

Оказывается, Уолт приверженец юридического языка — я думаю, он может быть его языком любви. О, и его поведение в здании суда не было притворством. Мой так называемый муж — придурок. Он берет то, что хочет, не учитывая желания других людей — особенно МОИ, его краснеющей, связанной контрактом жены!

Я знала, что жизнь с Уолтом не будет сладкой, но брак любого рода все равно должен сопровождаться несколькими стандартными гарантиями:

Быть рядом и оберегать.

В богатстве и бедности.

В болезни и в здравии.

Но после того, как я испытала то, что по версии Уолта являлось супружеским счастьем, я говорю: давай забудем обо всем этом любовном дерьме и просто перейдем к части «пока нас не разлучит смерть».

Перевод: Женя

Редактор: Cloud Berry

Обложка: Cloud Berry

Оформление: Eva_Ver

Глава 1

Я выделяюсь, как бельмо на глазу. Даже в Нью-Йорке люди, как правило, выбирают кремовый или белый цвет, когда дело касается свадебного наряда. Я же не выбрала ни тот, ни другой. Хуже того, мое платье оказалось короче, чем, вроде бы, оно было, когда я выходила из гостиничного номера. Подол словно подскочил на несколько дюймов, пока я шла к зданию суда. Хочется верить, что леопардовый принт не слишком заметен, но мои черные ботинки Doc Martens точно не заметить нельзя. Они у меня уже много лет. Это моя версия башмачков Дороти (*туфли героини из книги «Волшебник страны Оз» — прим. пер.*).

Очередной порыв ветра раздувает подол, и я, дрожа в своих ботинках, оглядываюсь по сторонам в ожидании, когда придет он. Удивительно, сколько хихикающих парочек проносятся мимо, стремясь поскорей забежать в тепло и начать свое супружеское блаженство с церемонии в здании суда.

Скоро она ждет и меня. Опускаю глаза на безымянный палец и представляю, как он будет выглядеть, утяжеленный огромным бриллиантом, затем вспоминаю вчерашний телефонный звонок.

Мама звонит мне редко. Я даже подумала, что зрение обманывает меня, когда на экране вспыхнуло ее имя.

— Мама? — произнесла я, настороженная странным поворотом событий. Может, звонок был ошибкой — возможно, она перепутала цифры в быстром наборе? Но потом мама заговорила, и от ее резкого тона у меня по спине пробежала дрожь.

— Элизабет Брайтон, где ты находишься? Что там за ужасающий шум?

Музыканты, выступающие в центре фойе музея, играли все громче.

— Я в МоМА (*музей современного в Нью-Йорке — прим. пер.*).

Она фыркнула, как будто ответ ей не понравился, и я, не дожидаясь просьбы, пошла прочь от толпы зевак, пока не нашла тихий уголок.

— Теперь слышно лучше? — спросила я, прощупывая почву.

— Да. Слава богу. А теперь, прежде чем я начну, ты должна знать, что звонить тебе мне не хотелось.

Я рассмеялась, слегка ошеломленная ее откровенностью.

— Спасибо, мам. Мне тоже приятно тебя слышать.

— Не говори со мной таким тоном.

Не желая усугублять ситуацию, я стиснула зубы, заставив себя прикусить язык и обуздать сарказм. У нас с мамой, мягко говоря, натянутые отношения. Будь ее воля, я бы встала в один ряд со своими братьями и сестрами, вернулась в Коннектикут и пошла по ее стопам.

Я предполагала, что именно об этом и пойдет разговор. Думала, что сценарий будет обычным и сначала мне скажут: «Тебе обязательно быть настолько упрямой? Ты действительно думаешь, что сможешь оплачивать своими каракулями счета?». Затем последует ультиматум: «Мы с твоим отцом не поддерживаем это и не будем продолжать финансировать тот богемный образ жизни, к которому ты так стремишься!». Который в итоге завершится слезливым: «Элизабет, я не понимаю, как ты могла с нами так поступить».

Пока я росла, маме нравился мой интерес к искусству, но лишь потому, что она полагала, будто в конце концов он иссякнет и я построю другую карьеру — более достойную по мнению матери и ее великосветских друзей. Одно дело культивировать мягкое стремление к консультированию по вопросам искусства или управлению выставками. Совсем другое — быть настоящим художником и жить рядом с чернью.

Я приготовилась к разговору, который мы уже вели миллион раз, но потом мать глубоко и тяжело вздохнула. Последовала долгая пауза, и мое сердце упало. Что-то было не так.

— Мама? — нерешительно спросила я. — Все в порядке?

— Нет, — ответила она резким тоном. — Все далеко не в порядке. Твоя сестра сбежала со своим водителем.

Если честно, я не горжусь тем фактом, что засмеялась. Но это было так неожиданно! Моя сестра всегда идеально вписывалась в образ дочки мечты. Самая популярная девочка в школе. Красивая классической красотой. Достаточно умная, чтобы попасть в Лигу Плюща (*ассоциация самых престижных американских университетов — прим. пер.*), но не настолько, чтобы считаться занудной интеллектуалкой. Я никогда не видела ее без макияжа. Никогда не видела ее в чем-то, кроме дизайнерской одежды. Думала, она на пути к тому,

чтобы выйти замуж за какого-нибудь принца голубых кровей, и вот теперь эта новость. Сбежала со своим водителем?! Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

По крайней мере, так мне казалось, пока мама не начала плакать.

Мой смех сразу иссяк, как только я поняла, что ее невероятно драматичные рыдания в ближайшее время не прекратятся.

— Мама? О боже. Прости меня, ладно? Все будет хорошо. Ну и что с того, что Шарлотта сбежала с водителем? Главное, что она счастлива!

— Нет, Элизабет. Это ужасно. *Ужасно.*

Я боролась с желанием закатить глаза, инстинктивно догадываясь, почему для матери это стало таким сильным ударом.

— Какая разница, что подумают твои друзья?

— Мои друзья?! — Ее пронзительный тон привлек мое полное внимание. — Мне нет до них дела! Ты не понимаешь, Элизабет. Твоя сестра была помолвлена не абы с кем!

Мои воспоминания о вчерашнем телефонном звонке прерываются громким гудком, когда две машины чуть не сталкиваются на улице перед судом. Опускаются окна, и водители начинают ругаться. «Да пошел ты, мудака!» — звучит прощальный выпад, после чего они разъезжаются, и мое внимание переключается на пешеходов, пересекающих улицу в моем направлении. Позади толпы, засунув руки в карманы шерстяного пальто и устремив взгляд на горизонт, идет мужчина, которого я узнаю, но не знаю. Он почти незнакомец — и скоро станет моим мужем.

Бабочки начинают порхать у меня в животе, и волнение смешивается со страхом. Не могу поверить, что согласилась на это — занять место сестры... На самом деле, я до сих пор не уверена, что это решение было мудрым, но теперь, когда он пришел и предстал передо мной во плоти, такой высокий, красивый, я понимаю, что разорвать соглашение не смогу.

Он отрывает взгляд от тротуара и замечает меня. Я замираю, пока он приближается, оценивая меня и не давая ни намека на то, что он на самом деле думает. Его темные глаза скользят вниз по моему платью, надолго задерживаются на ботинках, а затем, когда он наконец останавливается передо мной, возвращаются к моему лицу.

Я сглатываю и жду, когда он улыбнется и поздоровается. Уголки моих губ начинают приподниматься, зарождаюсь в улыбку, готовясь ответить взаимностью.

Но вместо приветствия он коротко спрашивает:

— Ты уверена, что хочешь это сделать?

Мрачные слова для мрачного дела.

— А ты что, передумал? — спрашиваю. Расправляю плечи и выпячиваю подбородок, пытаюсь излучать уверенность, которой не ощущаю.

Он видит, что уверенность моя ложная, и прищуривается так, что его черные ресницы сходятся вместе, еще больше подчеркивая его пронзительный взгляд.

Я не двигаюсь ни на дюйм, ни один волосок на моем теле не вздрагивает, пока он пристально изучает меня. Он делает это так долго, что мне начинает казаться, что из земли вот-вот вырастут виноградные лозы, которые опутают мои ноги и прикуют к месту, но в итоге он жестом велит мне идти. Я секунду колеблюсь, инстинктивно боясь поворачиваться к нему спиной.

Кто этот человек?

Нет, кто он такой для всех, я, конечно, знаю.

Уолтер Дженнингс II, он же Уолт.

Почти столетие назад наши деды вместе работали над изобретением кардиостимулятора с батарейным питанием, основав затем компанию «Диомедика». Сегодня она превратилась в крупнейшую корпорацию по производству медицинского оборудования в мире, специализирующуюся на разработке и распространении робототехники для черепно-мозговой и позвоночной систем, хирургических инструментов и инсулиновых помп. В «Диомедике» работает более ста тысяч человек по всему миру. Это также основная причина, по которой я нахожусь сейчас здесь, желая побыстрее зарегистрировать этот поспешный брак.

Я сталкивалась с Уолтом на нескольких обедах и праздничных вечеринках. В последний раз — лет десять назад. Он на десятилетие меня старше, а значит в прошлом нам вряд ли было что сказать друг другу, помимо обязательных приветствий. Он, конечно, казался мне довольно-таки сексуальным для взрослого парня, но ничем больше мое внимание не привлекал, а я определенно не привлекала его. Пытаюсь вспомнить, как выглядела в нашу последнюю встречу. Без сомнения я была очень худой и долговязой и, вероятно, безуспешно старалась выглядеть хорошо в своем слишком свободном платье. Скорее всего, я читала где-нибудь в одиночестве, забившись в углу. Я всегда брала с собой книгу, когда родители затаскивали меня на вечеринки.

Интересно, чем он там занимался. Заводил нужные знакомства? Флиртовал с женщинами, включая мою сестру?

У входа в суд он открывает мне дверь. Проходя мимо него, улавливаю легкий запах одеколona и немного смущаюсь при мысли о том, как я, должно быть, пахну по сравнению с ним. Я привезла с собой мало вещей. Это мое самое модное платье, и я надевала его вчера, а значит у меня не было времени, чтобы до сегодняшнего утра отдать его в стирку.

Уолт одет куда более уместно, чем я. На нем шерстяное пальто и черный костюм, на левом запястье виднеются часы с кожаным ремешком. Его начищенные до блеска ботинки, зловеще стучащие по кафельному полу, намного изысканнее, чем мои неуклюжие «мартенсы».

Я не уверена, куда он ведет меня. Да и вообще не уверена, как все это должно происходить. Смотрю на него краешком глаза, но его взгляд, словно лазер, направлен вперед. Мы продолжаем идти, затем он останавливается, чтобы вызвать лифт, и мне приходится неловко затормозить, чтобы меня не занесло вбок. Он, кажется, не замечает, что я пошатнулась. На самом деле, не думаю, что он в принципе замечает меня.

Хочется задать ему много вопросов — у меня их миллион, — но я вдруг чувствую, что язык прилип к небу. Пока я пытаюсь понять, почему онемела, мы входим в лифт и становимся рядом. Во всем виноват его рост, говорю я себе. Его высота на меня давит. Как и его ширина. Он здоровенный — это слово, наверное, не очень годится для описания человека, поскольку больше подходит для мешков с мусором или чего-то увесистого, но он здоровенный. Сильный и широкоплечий.

У меня же, напротив, такое строение тела, будто мясо не задерживается на костях. С такими длинными ногами я могла бы стать балериной — будь у меня грация и талант к еще одному, помимо рисования, виду искусства. Я отношусь к тем людям, которые обещают начать заботиться о себе завтра, и это завтра — вот удивительно — так никогда и не наступает. Фитнес-залы просто не имеют для меня никакой привлекательности. Я предпочитаю сгорбиться над рабочим столом или мольбертом, пачкая пальцы пастелью и позволяя дням сливаться в один.

Лифт везет нас наверх, и я снова задаюсь вопросом, куда мы направляемся. Я знаю, что у нас должно быть разрешение на брак, прежде чем нам разрешат пройти саму церемонию. Предполагаю, что сегодня мы, может быть, завершим предварительные шаги к свадьбе, которая состоится в какую-то неопределенную дату в будущем, но эта надежда начинает покидать меня, когда мы выходим из лифта и видим двух человек, стоящих возле закрытого зала суда. Пожилая дама в черной судейской мантии смеется, разговаривая с молодым блондином в круглых акриловых очках. В руках у него черный кожаный блокнот, записная книжка и телефон, аккуратно уложенные одно на другое. Заметив нас, они замолкают.

— Судья Мазерс. — Уолт кивком здоровается с дамой. — Спасибо, что пошли нам навстречу.

Она широко и искренне улыбается.

— Ну что вы. Я очень благодарна вашему деду, и можете назвать меня сумасшедшей, но даже в своем преклонном возрасте я верю в любовь.

Заканчивая предложение, она переводит взгляд на меня, и я улавливаю в нем неподдельную радость. О господи. Похоже, она думает, что женит двух голубков, отчаянно желающих быть вместе. Я быстро выдавливаю улыбку, надеясь, что моя маска еще на месте.

— Вы, должно быть, Элизабет Брайтон, — говорит судья. — Должна сказать, что мне нравится ваше платье.

Я опускаю взгляд на леопардовый принт и краснею.

— Спасибо. — Затем ощущаю, что на меня — почти выжидающе — смотрит и Уолт, поэтому торопливо благодарю ее за то, что она нам поможет.

— Как я уже сказала, поженить вас будет для меня удовольствием, — уверяет нас судья. — Я не хочу вас торопить, но у меня есть только десятиминутное окно в расписании. Если вы готовы, тогда... — Она кивает в сторону зала суда, и все понимают намек.

Блондин начинает действовать и распахивает перед нами дверь. Судья Мазерс заходит первой, а затем Уолт машет блондину, чтобы тот шел вперед, и придерживает дверь для меня. Когда я иду мимо, свободная рука Уолта на мгновение касается моей поясицы, и это прикосновение запускает цепную реакцию в теле. Один нерв срабатывает за другим, пока меня всю не охватывает тревога.

Я быстро поворачиваюсь и понижаю голос, чтобы меня слышал лишь он:

— Не понимаю. Разве мы не должны сколько-то дней подождать между тем, когда получим разрешение на брак, и тем, когда сможем официально пожениться?

— Такие люди, как мы, — нет, не должны.

Он смотрит на меня сверху вниз почти скучающим взглядом. И мою панику, очевидно, не разделяет.

— О... ясно. — Я кошусь на зал суда, затем оглядываюсь на коридор, как будто прикидывая варианты побега.

— Но если ты передумала, тебе достаточно только сказать...

Я выпрямляю спину и резко разворачиваюсь к залу суда.

— Нет. Конечно, нет. Я просто не была уверена в процедурах. Давай... поженимся.

Глава 2

Я не из тех девушек, которые фантазируют с самого детства о том, какой будет их свадьба. Я не мечтала о вечеринке, о пышном платье от Веры Вонг, о шумном девичнике или о романтическом медовом месяце. Тем не менее, я не могу не признать, что даже вообразить не могла *такой* своей свадьбы: когда мы быстро пересекли зал суда и поспешно поставили

подписи на брачном договоре. И вот теперь я стою напротив мужчины, с которым обменялась всего парой слов. Честно говоря, мой разговор с таксистом по дороге сюда был дольше.

Краем уха улавливаю классические свадебные слова. Судья Мазерс произносит брачную клятву, затем говорит мое имя, побуждая за ней повторить. Кажется, я повторяю все правильно, но точно не знаю. Все происходит будто во сне — словно голова Уолта в любую секунду превратится в тысячу змей, после чего я проснусь в поту, попытаюсь понять, что это значит.

— Не желаете ли обменяться кольцами? — спрашивает судья Мазерс Уолта.

Он качает головой.

— Не сегодня.

Ответ не смущает судью, но смущает меня.

Я сцепляю руки в замок и большим пальцем провожу по безымянному, пытаюсь понять, почему отсутствие кольца, которое абсолютно ничего не символизировало бы, ранит мои чувства. Дело не в самом кольце. Я не жажду бриллиантов. Мне было бы все равно, из какого металла было бы сделано это кольцо или с каким оно было бы камнем. Наверное, я просто хотела хотя бы чего-то. Хоть какого-то признака, что в основе фарса со свадьбой лежит не просто бизнес. Что ж, хотеть этого было по-детски. Мама вчера изложила условия достаточно ясно, и я никогда не забуду, каким отчаянием был пропитан ее голос.

«Нищие» — это слово, которое до вчерашнего дня я никогда от Джулианны Брайтон не слышала. Всего лишь за один телефонный звонок я узнала, как много мои родители скрывали от меня и моих братьев и сестер на протяжении долгих лет. Им грозил полный крах. Оказавшись по уши в долгах, они столкнулись с неминуемыми последствиями: их дома, машины, одежда — все это будет конфисковано банком. Они останутся без гроша и без возможности позаботиться о себе и о моих младших братьях и сестрах. В их сплоченном социальном кругу они, без сомнения, столкнутся с публичным унижением. Их репутация будет навеки запятнана. Сначала, пока я слушала, как мать описывает их печальные обстоятельства, голос внутри меня тихо радовался — вот и хорошо, им давно следует получить дозу реальности, — но потом злорадство иссякло. Мама все плакала, и я поняла масштаб катастрофы. Я понятия не имела, сколько долгов у них накопилось. Я понятия не имела, что можно уйти так далеко за точку невозврата. Мой отец брал кредиты, а когда в банках ему стали отказывать, занял деньги у своего друга Уолтера Дженнингса-старшего.

Все это не укладывалось в голове. Отец унаследовал от моего деда тьму денег — больше, чем один человек способен потратить за целую жизнь. И тем не менее они — раз! — и исчезли.

— А его акции в «Диомедике»? — спросила я ее, предполагая, что последний вариант у них еще есть.

— Какие акции? — выплюнула в ответ моя мать с таким ядом в голосе, что я почти испугалась. — Все, что было у твоего отца, он десять лет назад продал в попытке спасти свою гребаную издательскую компанию. *Миллионы*, Элизабет. Он вложил в умирающую отрасль миллионы. Почему? Потому что он верит в печатные СМИ. Ему невыносима мысль о том, что люди больше не читают газеты. *Господи боже*.

— И знаешь, что еще? Дело не только в этом. Он вкладывал деньги в умирающие предприятия направо и налево. В абсолютно нелепые предприятия.

Я хотела заметить, что часть вины лежит и на ней, что она тратит, тратит и тратит, как

будто деньги растут на деревьях.

У судьи жужжит телефон, отвлекая ее от церемонии, а меня от моих мыслей.

Она проверяет уведомление и морщит лицо.

— Давайте поторопимся. Я опаздываю.

— Все в порядке. — Уолт машет мужчине в очках. — Почему бы нам просто не подписать свидетельство о браке? Мейсон?

Мужчина подходит к судейской трибуне с хрустящим листом бумаги в руке.

— Спасибо, — говорит Уолт Мейсону, который, как я теперь предполагаю, является его помощником.

Судья Мазерс берет свидетельство и быстро ставит внизу свою подпись.

— Извините, что тороплю, но думаю, вы и сами не против побыстрее пожениться. Поцеловать невесту и все остальное сможете наедине, — говорит она, подмигивая.

Уолт откашливается, и я заливаюсь краской и опускаю взгляд в пол. Знать не желаю, увидел ли он, что я покраснела.

Думаю, что даже по стандартам гражданской церемонии наше бракосочетание прошло экстремально молниеносно.

Судья Мазерс выходит с нами из зала суда, поторапливая нас, чтобы она могла вернуться к работе. Кажется, никто не возражает, поэтому я говорю себе, что тоже не возражаю.

Она уходит по коридору, а Мейсон говорит Уолту, что будет ждать его снаружи. Затем он уходит вперед, решив спуститься по лестнице, а не воспользоваться лифтом. Интересно, это Уолт ему приказал? Или он интуитивно понял, что я была бы признательна за минутку наедине со своим новоиспеченным мужем?

Есть миллион вещей, которые хочется спросить у Уолта, но я останавливаюсь на вопросе, который стоит во главе моего списка.

— Просто любопытно... зачем тебе жениться на мне? Что тебе от этого будет?

Наверное, следовало задать ему этот вопрос до того, как мы рука об руку вошли в зал суда, но я все равно хотела бы знать.

— Так наши семьи смогут сохранить контроль над «Диомедикой», — отвечает он, целеустремленно возвращаясь к лифту. Кажется, он не способен замедлиться, даже когда очевидно, что мне трудно за ним поспевать.

— Сохранить контроль? Ты имеешь в виду доли акций? — Упс. Не повезло ему. Разве он не знает, что мы разорены? — Надеюсь, это не единственная причина, потому что ты ошибаешься — мой отец давным-давно продал все свои акции. Я их не унаследую.

Когда мы подходим к лифту, он вздыхает, как будто ему неприятно вводить меня в курс дела. А когда заговаривает, в его голосе слышится резкое нетерпение.

— Да, он продал свои личные акции. Их доля была несущественной, и она меня мало волнует. Основная часть акций вашей семьи сохранена в трасте. Разве родители тебе это не объяснили?

Мама коротко упомянула о трасте во время нашего телефонного разговора. Но потом наговорила еще столько всего, что неудивительно, что у меня в голове все смешалось.

— До вчерашнего вечера меня держали в полном неведении, — отвечаю я, пытаюсь подражать его резкому тону. Пусть знает, что и я от происходящего не в восторге. — Слишком много информации нужно было усвоить. Особенно для человека, у которого абсолютно нет деловой хватки.

Его взгляд на мгновение падает на мое платье, после чего он выгибает бровь, словно лучшее тому доказательство — мой внешний вид. Я знаю, что он уже навесил на меня ярлыки. Поэтому и не удивился, услышав, что я не разбираюсь в бизнесе. Я скрещиваю руки на груди и прищуриваюсь — ровно в момент, когда он поднимает глаза.

Звякает прибывший лифт, дверцы раздвигаются, но мы еще секунду стоим и глядим друг на друга. Затем Уолт презрительно усмехается, качает головой и шагает в лифт первым. Встав рядом с ним, я подумываю, не нажать ли на кнопку аварийной остановки, чтобы мы могли продолжить разговор. Спуск слишком быстрый, а я хочу получить ответы.

Мы стоим бок о бок, глядя прямо перед собой. Такое впечатление, что я ему полностью безразлична. Но почему? Я же ничего ему не сделала.

— Так как это работает? — неуверенно спрашиваю.

Он бросает на меня косой взгляд.

— Что именно?

Я стараюсь не сглотнуть.

— Траст.

— У меня нет времени объяснять тебе, что такое трастовый фонд...

— Нет. Как это работает в нашей ситуации?

Боже, он всегда так бесит?

— Если коротко, то наши деды создали траст сразу после того, как «Диомедика» стала публичной компанией. Они видели, что происходило с традиционными семейными династиями той эпохи: отцы пахали и сколачивали состояния, их сыновья вырастали избалованными транжирами, а легионы внуков ссорились и растрачивали оставшиеся от фамильного богатства гроши. Наши деды хотели поступить по-другому. Они изолировали основную часть богатства наших семей, надеясь, что наши отцы зарекомендуют себя как неиссякаемые факелы, а не как недолговечные фонарики на батарейках. Что ж... сделав так, они поступили умно.

— Почему?

— Без обид, но твой отец идиот, когда дело доходит до денег, а мой — алкоголик со склонностью к азартным играм, поэтому будущее наших семей — это мы.

Лифт резко останавливается. Мы уже на первом этаже здания суда, и Уолт уже снова уходит, шагая так, как будто ему нужно побывать еще в миллионе мест.

— Как старший внук, я являюсь доверенным лицом, ответственным за надзор за активами траста. Эта работа только что стала намного сложнее, чем была пять минут назад.

— Потому что мы поженились? — предполагаю я.

— Да. Наш брак стал спусковым крючком для передачи активов всем бенефициарам. Вообще-то... было бы достаточно любого брака между Дженнингсом и Брайтоном. Я мог бы жениться на любой из твоих сестер, а ты могла бы выйти замуж за моего брата, но что ж... поженились мы.

Какие до нелепого устаревшие правила.

— Все равно не понимаю. Что случилось бы со всеми этими деньгами, если бы никто из нас не женился?

Он вновь вздыхает и смотрит на часы. Затем снова качает головой.

— Твои родители оказали тебе медвежью услугу, скрыв от тебя эту информацию.

Сложно не согласиться.

— Если бы мы не поженились, то через неделю «Диомедика» стала бы

институциональным инвестором, и тогда компания контролировала бы управление трастом. Другими словами, правила изменились бы.

— И наши семьи потеряли бы все эти деньги, — говорю я, сложив данные воедино.

— Именно так. Акции были бы повторно поглощены «Диомедикой». Наши деды, возможно, и хотели нас поддержать, но по-настоящему они всегда были преданы только компании.

— Ясно.

Он коротко кивает, после чего поворачивает к главным дверям.

Я спешу догнать его.

— Однако ты так и не ответил на мой вопрос. Для чего это тебе самому? Я имею в виду, твои личные мотивы.

Он улыбается, но несколько не искренне.

— Нет никаких личных мотивов, Элизабет. Это все бизнес. Так случилось, что я тоже верю в будущее «Диомедики». Я генеральный директор и хотел бы остаться у власти, чтобы продолжить наследие наших дедов.

Ничего личного. Точно. Снова ощущаю укол разочарования. Я знаю, откуда это берется: из совершенно нелепой части моей психики, сформированной детством. Подозреваю, что именно по этой причине я сегодня пришла сюда.

Уолт открывает дверь, и ветер с улицы хлещет меня по лицу. Словно отрезвляющий душ.

Прошло менее получаса, и я теперь новобрачная. Из меня, словно шампанское из бутылки, рвется смех. Какое безумие!

— И что теперь? — шокированно спрашиваю Уолта.

— Скажи родителям, что к концу дня они получают банковский перевод. У них должно получиться погасить большую часть долгов, как мы и обсуждали.

Боже. Неужели обязательно быть настолько прямолинейным? Он будто не замечает, как это странно — брак с совершенно чужим человеком.

Он идет напрямик к черному «эскалейду», припаркованному у обочины. Рядом с внедорожником стоит Мейсон. Увидев Уолта, он быстро открывает для него дверцу и отступает назад. Прежде чем сесть в машину, Уолт оглядывается на меня.

— Скоро с тобой свяжется мой помощник.

Я хочу потребовать больше ответов, но потом понимаю, что я все утро приставала к Уолту с вопросами и что устала вести себя, как потерявшаяся собачонка. Уж лучше останусь в неведении, чем буду и дальше выставлять себя перед ним душой.

Я киваю.

— Окей. Желаю хорошо провести... — я запинаясь на единице времени, чтобы закончить прощание. День? Неделю? Месяц?

Уолт замечает мое замешательство и, склонив голову, отвечает за меня:

— Хорошо провести жизнь. — Затем садится в машину и захлопывает за собой дверцу.

Я понимаю, что хмурюсь, лишь после того, как его внедорожник сворачивает за угол и оставляет меня на тротуаре одну.

Глава 3

Возвращаясь в отель, я ожидаю, что люди будут смотреть на меня странно из-за того, что я только что сделала. В моей голове они все знают. Бьюсь об заклад, что человек в котелке, выгуливающий собаку, отводит глаза просто из доброты. А женщина в ярко-красной парке умирает от желания высказать мне, какой надо быть идиоткой, чтобы пойти на такой

брак. Но ни один прохожий не останавливает меня по пути. В небе не взрываются фейерверки. А в гостиничном номере меня даже не ждет свадебный торт. Все как обычно, и из-за этого все почему-то кажется еще хуже.

Может, позвонить на стойку регистрации и спросить, могут ли они поменять мой обычный номер на люкс для новобрачных? Хотя вряд ли у этого бюджетного Radisson с выцветшими, местами отстающими от стен бордовыми обоями есть приличные номера для молодоженов.

Я плюхаюсь на кровать грудой бесполезных мышц и костей. Пару секунд смотрю в потолок, потом уступаю желанию проверить на телефоне свой банковский счет. Утром, перед тем как отправиться в суд, я уже заглядывала в приложение, но делаю это снова — просто чтобы убедиться, что ничего не изменилось. С облегчением вижу, что там еще достаточно денег, чтобы продержаться на плаву месяц-два, если я правильно разыграю карты. Баланс на кредитке — предмет моей гордости, учитывая, как сильно моей матери нравится угрожать лишить меня средств. Мама думает, что для меня это станет концом света, но она не знает, что последние несколько лет я копила наличные так усиленно, как будто Казначейство США собиралось прекратить их печатать. Мои чрезвычайный фонд невелик, ведь я только-только закончила Школу дизайна Род-Айленда, но сейчас у меня, вероятно, денег побольше, чем у родителей. Я улыбаюсь, и мне сразу же становится стыдно.

Хотела бы я перестать метаться взад и вперед, переходя с одного конца спектра эмоций к другому. Я завидую по-настоящему злым социопатам, бессердечным животным, которые, не моргнув глазом, оставят свою семью в нищете. Или киношным злодеям, которые уходят от взрыва, не оглядываясь назад.

Я же слишком слаба, слишком восприимчива к человеческим страданиям и бедам. Я слишком добрая. Слишком правильная.

Закрыв банковское приложение, я звоню старшей сестре. Мы не особенно дружим, даже переписываемся нечасто, но время от времени разговариваем. После откровений вчерашнего вечера я умираю от желания узнать, что она затеяла.

Шарлотта отвечает после бесконечной череды гудков каким-то запыхавшимся голосом.
— Лиззи?!

И... да, это прозвище она использовала всю мою жизнь, хотя оно действует мне на нервы.

— Привет, Шарлотта. У тебя есть минутка, чтобы поговорить, или ты занята?

Съезживаюсь от того, как это звучит — словно я не хочу выводить ее из себя, хотя именно я пожертвовала собой ради семьи. Это у меня новая фамилия.

— О, думаю, несколько минут у меня есть. Я только что пробежалась на лыжах и жду, когда остальные догонят меня, чтобы потом пойти завтракать.

— Ты в Аспене?

— Боже, нет. В Вейле. Аспен бывает чересчур... многолюдным. Каждая знаменитость, которая стоит больше двух центов, приезжает со сноубордом и надеется вписаться в компанию.

Я издаю, как я надеюсь, сочувственный стон, пока она продолжает просвещать меня о различиях между двумя горными курортами.

— Не говоря уже о том, что по сравнению с Аспеном сюда легче прилететь частным джетом. Тамошний аэропорт переполнен всякими инстаграмщиками, позирующими на летном поле перед своими *арендованными* самолетами. Печально смотреть, честное слово.

Если не остановить сестру, она будет продолжать целую вечность, поэтому я высоким и нервным голосом прерываю ее.

— А твой водитель? Его зовут Джек, верно? Он тоже с тобой?

— Кто?

— Джек, — повторяю я громче. — Твой водитель. Разве вы с ним не...

Я даю ей возможность договорить за меня, но она так долго молчит, что начинает казаться, что звонок вообще прервался. Отодвигаю телефон, смотрю на него, затем вновь прижимаю к уху — как раз вовремя, чтобы услышать ее хриплый, пронизывающий смех.

— О боже, ты про историю, которую я выдала маме? Будто я сбежала со своим водителем или типа того? Вот умора. Господи, Лиззи, только не говори, что ты на это купилась. Ты что, совсем меня не знаешь?

Я чувствую, как пол номера уходит у меня из-под ног. Перед глазами мутнеет, а сердце бьется в таком быстром ритме, что кажется, будто из моей груди вот-вот вылетит колибри.

— Шарлотта, что ты имеешь в виду?

Мои слова осторожны и взвешены, но сестра, не улавливая моего состояния, продолжает смеяться.

— Мама много лет вынашивала идею о моей помолвке с Уолтом Дженнингсом. Ты знала об этом? Боже мой. Выйти за него? Да никогда. В смысле, у меня есть глаза, и я понимаю, что он симпатичный, из хорошей семьи и все такое, но он жуткий зануда. Все, что он делает, — это работает. Вот сейчас, например, все, кто хоть что-то из себя представляет, находятся в Вейле — *без обид* — а где же он? Вероятно, в каком-нибудь душном конференц-зале. Нет уж, благодарю. Я хочу от своей жизни совершенно другого. Есть много симпатичных богатых мужчин, которые знают, как расслабляться.

— Значит, ты не сбежала с водителем, потому что безумно влюбилась? — спрашиваю я еще раз, просто чтобы уточнить.

— Нет, Лиззи. Разумеется, нет.

Телефон выскальзывает у меня из руки и мягко ударяется о кровать.

Я слышу, как сестра слегка раздраженно зовет меня, а затем звонок прерывается, и в гостиничном номере воцаряется тишина, какой я никогда раньше не слышала. Я чувствую себя абсолютно опустошенной.

Даже не знаю, как воспринимать эту новость. Она словно соломинка, способная переломить спину верблюду. До этого момента я гордилась собой за то, что я сделала. Моя семья попала между молотом и наковальней, и я была их последней надеждой. Я думала, что стала героиней, но на самом деле свалила огромного дурака. Моя сестра никогда бы не сделала то, что сегодня сделала я. Она никогда бы не пожертвовала собой. Может быть, это делает ее эгоистичной, а может быть, просто-напросто умной. Как бы там ни было, мне становится тошно.

Я скатываюсь с кровати и ухожу в маленькую ванную, чтобы умыться. Смотрю на себя в зеркало. Под глазами круги. Ночью я почти не спала, и это заметно по моему внешнему виду. Я зачесываю свои темно-каштановые волосы назад, а затем, все еще расстроенная новостями, накручиваю их на руку и завязываю в пучок балерины. Лучше, но лишь незначительно. От моих зеленых глаз до болезненно высоких скул я выгляжу точь-в-точь как мама — человек, о котором я не могу сейчас думать.

Я отворачиваюсь от зеркала и замечаю на полу свои чемоданы. Тот, что с моими художественными принадлежностями, — это то, что мне нужно. Кидаюсь к нему, дергаю за

молнию и, открыв, рассыпаю его содержимое вокруг себя.

Я роюсь в устроенном беспорядке, собирая все, что мне нужно, чтобы я могла сесть за столик в углу. Пытаюсь убедить себя, что сделанное сегодня не так уж и важно. Моя повседневная жизнь не изменится. Мои надежды и мечты о себе не должны исчезать. Конечно, юридически я замужем, но кого это волнует?

Я открываю коробку с пастелью, сдуваю пылинки и рассматриваю огрызки мелков, пытаюсь определить, сколько еще я смогу ими порисовать, прежде чем придется купить новый набор. Я заказываю их напрямую в бутике La Maison du Pastel в Париже, и доставка из в Штаты стоит невероятные деньги. Можно найти пастель подешевле в любом художественном магазине в Нью-Йорке, но я предпочитаю работать с натуральной пастелью ручной работы от компании, которая существует с 1700-х годов. Все великие импрессионисты, от Дега до Ренуара, использовали пастель из La Maison du Pastel, и я тоже.

Я тянусь за газетой, которую прихватила по дороге в отель, а затем бросаю ее на кровать. Откидываю в сторону разделы, которые мне неинтересны, пока не нахожу нужное. Улыбаюсь, зная, что история о быстрорастущих фондовых рынках станет идеальным фоном для танцоров, которых я планирую наложить поверх нее. Моя пастель очень пигментированная, поэтому я осторожно прижимаю мелки к газете. Я не хочу, чтобы рисунок был полностью непрозрачным. Нужно, чтобы сквозь цвет проступала газета, чтобы два мира столкнулись. Мои руки двигаются быстро. За годы я хорошо их натренировала. Одна рука рисует пастелью, а другая поворачивает бумагу, растирает пигмент и смахивает излишки.

Я рисую на листах газеты остаток утра и всю первую половину дня, пока не приходит время идти на встречу с риэлтором. Я наняла Лизу, чтобы она помогла мне найти квартиру. Я всегда планировала получить степень в колледже на семестр раньше, а затем перебраться в Нью-Йорк и построить карьеру. Я приехала сюда неделю назад, продав большую часть своего имущества на Род-Айленде. Которого было не так уж много. Почти вся моя мебель была подержанной, ветхой и не стоила затрат на ее доставку через границу штата.

Вчера Лиза написала мне о квартире, которая, по ее мнению, могла бы мне подойти. Она находится в Инвуде — районе, расположенном в самой северной части Манхэттена. Когда, проведя час в метро, я приезжаю туда, Лиза уже ждет меня снаружи. Мы впервые встретились лично, и я сразу могу сказать, что она из тех, кто тратит много времени на свою внешность: легкий загар, осветленные волосы, длинные блестящие ногти и розовая помада. Заметив меня, она с энтузиазмом машет рукой, затем указывает на дом рядом, как бы говоря: «Ты только взгляни!».

Дом представляет собой старое кирпичное здание на углу перекрестка, на первом этаже которого находится закусочная и продуктовый магазин.

— Знаю, снаружи он выглядит неказисто, но дай ему шанс. Квартира на седьмом этаже, — говорит Лиза, заводя меня внутрь и вверх по лестнице.

Мне неловко показывать, что я уже на четвертом этаже запыхалась, поэтому я делаю то, что делает каждый в такой ситуации: дышу незаметными неглубокими вдохами вместо больших глотков. Но обмануть Лизу не удастся. Она оглядывается на меня с веселой усмешкой.

— Здесь нет лифта, но ты накачаешь отличную задницу, если будешь каждый день подниматься и спускаться пешком.

Что ж, наверняка.

Остановившись у квартиры номер 703, она достает из сумочки связку ключей, отпирает дверь и широко распахивает ее с видом ведущей игрового шоу.

— Твое скромное жилище.

Скромное, это уж точно. Я не такая привередливая, как остальные члены моей семьи, но это самое унылое место для жизни по стандартам любого. Облупившаяся краска на стенах, затхлый воздух, следы протечек воды на потолке. Тем не менее, я стараюсь не заикливаться на плохом и ищу плюсы: в гостиной есть большое окно, в спальне поместится двуспальная кровать, а прошлый жилец оставил неуклюжее чудовище в виде шкафа, который я никогда не смогла бы поднять и затащить сюда самостоятельно. В нем идеально уместятся все мои художественные принадлежности.

Я поворачиваюсь к Лизе, которая еще стоит у двери, чтобы не мешать мне осматриваться.

— Я беру ее, — говорю как ни в чем ни бывало.

Ее брови в шоке взлетают на лоб. Бьюсь об заклад, она предполагала, что я дам деру отсюда, словно у меня загорелись штаны, но нет, я с радостью подпишу все бумаги. О чем я ей и сообщаю.

— Отлично! — объявляет она, направляясь пружинистой походкой ко мне. — Вот договор. Если заполнишь сейчас, я смогу отсканировать его, когда вернусь в офис. Также арендодателю потребуется оплата за первый и последний месяц аренды, плюс страховой депозит. Точную сумму не помню, но как только узнаю, сразу отправлю тебе на электронную почту.

Я киваю, пытаюсь прикинуть, какой может быть эта сумма. Надеюсь, мне хватит денег.

— Затем будет нужно проверить твою биографию, — продолжает она, передав мне договор. — И кредитную историю. А также им понадобятся данные о твоих доходах за последние два года.

Что?

— Зачем им нужны данные о доходах?

Она смущается, словно обычно ей не приходится объяснять это клиентам.

— О, просто чтобы подтвердить, что твоя зарплата соответствует минимальному порогу. Есть алгоритм, который любят использовать арендодатели. Обычно они просто хотят убедиться, что предлагаемая арендная плата значительно ниже твоего ежемесячного дохода. Ты же знаешь правила.

Вообще-то не знаю. В колледже я жила в общежитии, оплачиваемом за счет стипендии. А до учебы жила дома, в огромном особняке моих родителей в Коннектикуте — в том самом особняке, за который они, очевидно, годами не платили по ипотеке.

— А если у меня нет кредитной истории и данных о доходах? — мягко спрашиваю я. — Может, вместо этого я заплачу за аренду за несколько месяцев вперед?

Лиза хмурится.

— Боюсь, это не вариант. На удивление трудно выселить жильца из квартиры, как только он въехал. Для арендаторов существуют всевозможные меры защиты, поэтому арендодатели хотят убедиться, что человек в состоянии платить весь срок аренды, а не только за несколько месяцев. Их, в принципе, можно понять.

Я киваю, и она, вероятно, видит мое огорчение, потому что продолжает:

— Может, подключим посредника? Арендаторы твоего возраста обычно подписывают договор на одного из родителей или опекуна. Таким образом, и ты, и домовладелец оба

будете счастливы.

Угу. Ну конечно. Будь у меня кандидаты в посредники, я бы с радостью выбрала этот вариант. К сожалению, мои родители абсолютно ни на что не годны, учитывая, сколько у них долгов, а мои братья и сестры тоже не смогут помочь. Только двоим из них больше восемнадцати. Шарлотта не работает, а Джейкоб еще учится в колледже. У меня есть дядя в Миннесоте — брат моей мамы, — но я видела его всего несколько раз, и ни разу с тех пор, как мне исполнилось двенадцать, поэтому и его я о помощи попросить не смогу.

— Может, ты спросишь у домовладельца, не сделает ли он исключение на один раз? — спрашиваю я с умоляющей улыбкой. — Как я уже сказала, я буду не против заплатить месяца за три вперед, а если продам некоторые свои вещи, то смогу продолжать вносить предоплату.

Ее брови сходятся на переносице.

— Продашь свои вещи?

— Свои художественные работы.

Тут она теряет терпение.

— Значит, ты работаешь на фрилансе? Это делает все еще сложнее. Любой домовладелец в городе захочет, чтобы у тебя был поручитель.

— Но ты не могла бы просто спросить? Пожалуйста?

Лиза кивает, словно соглашается это сделать, но видно, что она уже списывает меня со счетов.

Выйдя на улицу, мы прощаемся, и, уходя, я чувствую безнадежность.

Придется какое-то время пожить вместо квартиры в отеле, что отстойно. Пусть это и бюджетное место, оно все равно истощает мои средства быстрее, чем мне хотелось бы, и номера там ужасно крошечные.

Во второй раз за день я ощущаю себя идиоткой. Я окончила колледж, вынашивая план переезда в Нью-Йорк, и мне стыдно признаться, что я думала, будто это получится проще, чем оказалось. В глубине души хочется обвинить родителей в том, что они не подготовили меня к реальному миру. Я жила невероятно уединенной жизнью, пока не уехала в колледж, и это сказывается на мне сейчас. Какой идиот не знает, что без кредитной истории и справок о прошлых доходах снять квартиру нельзя? Видимо, этот идиот — это я.

Пока жду в метро поезд и продолжаю корить себя, у меня звонит телефон. На секунду расцветает надежда, что это Лиза перезванивает с хорошими новостями, но номер мне незнаком. Обычно я отправляю такие звонки на автоответчик, но сейчас отвечаю — вдруг Лиза звонит мне с рабочего телефона или типа того.

— Алло?

— Здравствуйте. Я говорю с Элизабет? — спрашивает женский голос.

— Э-э, да. — Позади со скрежетом останавливается поезд, и я зажимаю открытое ухо, чтобы лучше слышать человека на другом конце линии. — Могу я спросить, кто звонит?

— Это Эйприл, ассистентка мистера Дженнингса, — отвечает она деловым, чопорным тоном.

— Помощница Уолта?

— Да, мистера Уолтера Дженнингса Второго.

Боже, как пафосно.

— О, хорошо.

— Да, извините, если я застала вас в неподходящее время, но мне нужно обсудить с

вами несколько вопросов.

— Подождите, не понимаю. Я думала, что помощник Уолта — Мейсон.

— Да, верно. Мейсон — *первый* помощник мистера Дженнингса. А я занимаюсь рутинной работой.

Думаю, она хотела, чтобы ее заявление прозвучало самоуничижительно, но наступает тяжелая пауза, и мы обе осознаем, что она только что назвала рутинной работой *меня*. Не выдержав, я смеюсь.

— Может, у нас получится сделать вид, что я этого не говорила? — спрашивает моя собеседница, и ее голос звучит ужасно смущенно и гораздо менее профессионально, чем в начале разговора. Думаю, мы обе решили отбросить притворство.

— Конечно, да. Все в порядке. О чем вы хотели поговорить? Я жду поезд, поэтому беспокоюсь, что звонок может оборваться в любую секунду.

— О! Тогда я буду кратка. У меня есть пакет информации от адвоката мистера Дженнингса для отправки вам по электронной почте. Нужно, чтобы вы просмотрели его, подписали и отправили обратно по электронной почте как можно скорее.

— Что в пакете?

— Не знаю. Он защищен паролем с вашим номером социального страхования, поэтому я не могу его просмотреть.

— Вы серьезно?

— Ну... да.

— Вам не кажется, что это несколько странно?

— Боже, да. — Она смеется. — Я думала, я единственная, кому так показалось.

У меня выскакивает смешок, и она понижает голос:

— Вы правда утром поженились с Уолтом в суде? По офису пошли слухи, но я не осмелилась в них поверить.

— Да... все так и есть.

— Обалдеть.

— Вы с ним друзья? — импульсивно спрашиваю я, желая раздобыть хоть какую-нибудь информацию об Уолте.

— Друзья? Э-э, совсем нет. — Она делает акцент на последних словах, будто хочет подчеркнуть этот факт. — Я работаю на него уже шесть месяцев, и, кроме обсуждений работы, он мне и пяти слов не сказал.

— Значит, он обращается со своими сотрудниками как мудака?

Она секунду обдумывает мой вопрос.

— Мудак — неподходящее слово. Он, в целом, нормальный, просто немного суровый. Или, вернее сказать, отчужденный. Вы понимаете, что я имею в виду — вы же вышли за него замуж.

Я бы и хотела признаться ей во всей правде, но вряд ли Уолту хочется, чтобы его помощники знали интимные подробности его жизни.

Подъезжает мой поезд, и я понимаю, что больше не могу задерживаться на телефоне. Я быстро диктую Эйприл адрес своей электронной почты, и та говорит, что он у нее уже есть. Она позвонила, чтобы просто предупредить меня, что документы срочные.

— Хорошо, хорошо.

— Что ж... это все. Полагаю, мне следует вас поздравить? — шутит она.

Ага. С замужеством меня.

Не теряя ни секунды, я возвращаюсь в отель. Сканирую свою карточку-ключ, распахиваю дверь и беру с кровати ноутбук. Конечно же, меня уже ждет письмо от Руперта Хирша, адвоката Уолта.

Глава 4

В письме Руперт кратко представляется и объясняет причину, по которой он пишет мне. Он акцентирует внимание на том, что это срочно, а затем сразу же переходит к делу. Под вводным абзацем есть четкие инструкции насчет того, к кому, когда и по каким поводам обращаться, а также сопроводительные номера телефонов и адреса электронной почты. Я бегло просматриваю письмо, и мое раздражение нарастает с каждой секундой.

По вопросам, касающимся фонда Брайтон-Дженнингс, обращайтесь, пожалуйста, к Руперту Хиршу, компания «Хирш и Дершовиц».

По вопросам, касающимся деталей гражданского союза между вами и мистером Уолтером Дженнингсом II, обращайтесь, пожалуйста, к Руперту Хиршу, компания «Хирш и Дершовиц».

По вопросам, которые могут быть адресованы мистеру Уолтеру Дженнингсу II, обращайтесь, пожалуйста, к Мейсону Каннингему. Если Мейсон Каннингем недоступен, то свяжитесь с Эйприл Грант.

С самим Уолтером Дженнингсом II можно связываться только в экстренных случаях, используя нижеприведенную контактную информацию.

Я могу связываться со своим мужем ТОЛЬКО В ЭКСТРЕННЫХ СЛУЧАЯХ? Какого черта? Честное слово, да кем он себя возомнил? Мне нельзя связываться с ним? С МУЖЧИНОЙ, ЗА КОТОРЫМ Я ЗАМУЖЕМ?!

Начинаю сердито расхаживать взад-вперед.

Я думала, что уж он понимает, каково мне приходится. Думала, что в какой-то момент он позвонит мне и скажет: «Привет, это все странно, но почему бы нам не выпить кофе и не узнать друг друга получше?», а не так, что он будет общаться со мной только В ЭКСТРЕННЫХ СЛУЧАЯХ.

Будучи воспитана в доме, где детей должно было быть не видно и не слышно, я не делаю ничего импульсивного, а выпускаю пар через прогулку по кварталу вокруг отеля. Потом останавливаюсь и разоряюсь на кренделек, потому что с завтрака ничего не ела. Я съедаю большую часть кренделька, а остатки скармливаю милой белке. Когда они заканчиваются, белка не принимает отказ в качестве ответа и не перестает следовать за мной по дороге обратно в отель. Кажется, у меня появился новый питомец. Я оглядываюсь и клянусь, она тоже приостанавливается, как будто спрашивая: «Мисс, куда дальше?».

Уже думаю, что она последует за мной прямо в вестибюль, но перед автоматическими дверями она начинает нервничать и убегает.

Порадовавшись, что избавилась от одной проблемы, я решаю заняться другой.

Как можно внимательнее перечитываю документы в письме, но текст в них очень сложный. Информация настолько окутана юридической терминологией, что я вряд ли усвоила хотя бы половину из нее. Большая часть письма посвящена нашему брачному соглашению, которое я подписала в суде, но у меня не было времени толком прочесть его. Теперь я понимаю, что в случае нашего развода все активы Уолта останутся у него. Если мы в итоге расстанемся, у меня не будет прав ни на что, даже на супружескую поддержку. Как великодушно с его стороны. Дело не в том, что я рвусь получить его деньги, просто приятно было бы знать, что мы готовы заботиться друг о друге. Теперь я понимаю, что должна вести

себя соответствующе.

В следующем разделе описывается, как и когда бенефициары траста получают компенсацию. Там имена моих родителей, а также Шарлотты, Джейкоба и мое. Мои младшие братья и сестры начнут получать наследство, когда им исполнится восемнадцать, и только в том случае, если они будут следовать тому же набору правил, что и остальные члены моей семьи. Есть довольно много условий, которые должны быть соблюдены: например, отрицательный тест на наркотики раз в квартал, минимальное количество часов общественных работ, отсутствие правонарушений или тяжких преступлений. Если мы выполним эти условия, то вместо того, чтобы единовременно получить крупную сумму, каждый из нас будет раз в месяц получать выплату. Мои родители по двадцать тысяч долларов, а мои братья, сестры и я — по десять. Мне приходится перечитать эту информацию дважды, потому что сначала я в это не верю. Для некоторых эта сумма может показаться поразительной. Но для моих родителей она будет словно пощечина. Да моя мать за один визит в бутик Chanel тратит больше. Но... это не моя проблема.

Десять тысяч долларов — хорошие деньги. Деньги, от которых отказываться не стоит, но я их не хочу. Мне нужно кое-что другое. Мне нужен поручитель для аренды квартиры, и я собираюсь попросить стать им Уолта. Сразу после того, как наберусь смелости и позвоню ему.

Я делаю первый решительный шаг и забиваю в свой сотовый его номер. На самом деле это страшнее, чем кажется, потому что я продолжаю переживать, что случайно нажму кнопку вызова своими ставшими вдруг неуклюжими толстыми пальцами, и что тогда?!

Выполнив эту маленькую задачу, которая почему-то кажется чем-то невероятно весомой, я принимаю душ и проверяю электронную почту. Затем переключаю телевизионные каналы, лежа под одеялом, и именно так засыпаю — сжимая в одной руке пульт, а в другой телефон. Утром я просыпаюсь как от толчка и с удивлением обнаруживаю, что прошло целых восемь часов, а я все еще слишком боюсь позвонить Уолту.

Просто смешно. Это всего лишь телефонный звонок, упрекаю я себя.

Я больше не позволяю себе никаких отговорок, чтобы его отложить. Конечно, у меня пахнет изо рта, и мне бы не помешало помыться, но Уолт не узнает об этом по телефону. Я сажусь, прислоняюсь к изголовью кровати и нажимаю вызов.

Отец небесный! Мои потовые железы работают на всю катушку — так, что ладони едва удерживают телефон. *Господи боже.*

Когда соединение устанавливается, я резко вдыхаю.

А потом звучит его голос:

— Алло?

Я запинаясь, стараюсь говорить одновременно быстро и членораздельно.

— Мистер Дженнингс, доброе утро. Э-э...

— Я Уолт, — с легким раздражением перебивает он.

— Ах да. Извини. Просто продолжаю видеть мистера Уолтера Дженнингса II во всех этих юридических документах, которые я читаю... вот и запуталась.

Наступает пауза, во время которой он должен сказать что-нибудь доброе, мягкое, чтобы мне стало легче, но этого не происходит. В трубке стоит тишина.

Черт возьми, все идет не очень-то хорошо.

— Я, э-э, я знаю, что должна связываться с тобой только в экстренных случаях...

Даю ему шанс рассмеяться и развеять это недоразумение. И снова никакого смеха.

Никакого прояснения.

— Просто мне нужно кое-что обсудить с тобой, и я подумала, что лучше поговорить напрямую, а не через Мейсона.

— Подожди, — произносит Уолт. Его голос становится тише, как будто он отодвинул трубку. — Андре, я скоро перезвоню. Да, я знаю. Дай мне пять минут. — Затем он снова обращается ко мне, громко и четко: — Что тебе нужно, Элизабет?

Похоже, он не очень доволен.

— С кем ты разговаривал?

— По работе.

— О... — Я бросаю взгляд на часы возле кровати. Сейчас только 7:23. — Но еще рано.

— Андре возглавляет сингапурский филиал «Диомедики». У него уже не рано.

Пристыженно зажмуриваюсь. Я даже не подумала, что Уолт, скорее всего, уже начал работать.

— Тогда давай я перезвоню позже! Я не думала... Черт. Извини. И еще извини за то, что несу бред!

— Ты уже прервала меня. Повторный звонок этого не исправит. Так о чем ты хотела поговорить?

— Я насчет трастовых выплат...

Он тяжело вздыхает, будто ожидал этих слов.

— Я не уступлю ни на...

— Дело не в сумме! — спешу внести ясность. — Дело в... ну, я хотела спросить, можно ли как-нибудь договориться?

— Что ты предлагаешь?

— Я готова отказаться от своей выплаты, если ты согласишься подписать для меня договор на квартиру.

Он отвечает не сразу, и я жалею, что мы не общаемся лицом к лицу. Тогда я бы могла попробовать догадаться, о чем он думает. Он удивлен, что я готова отказаться от денег? Раздражен тем, что я пристаю к нему, пока он на работе?

Узнать возможности нет, но я терпеливо жду, пока он ответит.

— Напиши Мейсону адрес квартиры, а также контактную информацию твоего риэлтора.

У меня отвисает челюсть.

— Ты серьезно?!

— Я еще не сказал «да». Напиши Мейсону, а дальше посмотрим.

— Хорошо, отлично! Спасибо! Хорошо, а теперь я тебя отпускаю.

Снова короткая пауза, как будто мы оба не знаем, как заканчивать разговор, поэтому я добавляю жизнерадостное «Пока!» и сразу вешаю трубку, чувствуя себя на седьмом небе от счастья.

Не теряя ни секунды, отправляю Мейсону все, о чем попросил Уолт. Мейсон отвечает почти так же быстро и подтверждает, что письмо получил.

Затем я встаю и принимаю душ, готовясь к новому дню. Пусть он будет лучше, чем то дерьмовое шоу, которое случилось вчера. Так и тянет скатиться к чувству стыда, к ощущению, будто меня использовали, и злости на родных, но я собираюсь смотреть на мир позитивно. Не ради них, а ради себя и своего собственного психического здоровья. Я сделала для своих родственников то, что должна была сделать, а дальше пусть разбираются сами. Не

желаю ни о ком из них ничего слышать — и подольше.

В душе я не спешу, долго намыливаю тело и волосы, бреюсь, отшелушиваюсь и просто стою под струями воды. Затем я хорошенько вытираюсь и достаю из чемодана наименее помятую блузку — оливково-зеленую льняную тунику, одну из своих любимых — и заправляю ее спереди в джинсы. Я надеваю украшения, которые собирала годами: несколько изящных колец, винтажные бабушкины часы *Patek Philippe* и маленький медальон в форме сердечка с крошечным бриллиантом в центре. Внутри, вместо портрета возлюбленного, находится миниатюра моей любимой картины «Рю Монтаргей, Париж» Клода Моне. Роюсь в чемодане в поисках итальянских кожаных туфель на плоской подошве, которые у меня еще со школьного путешествия на побережье Амальфи, и тут звонит телефон.

Это Лиза, звонит по поводу квартиры.

— Итак, плохая новость: домовладелец по-прежнему требует, чтобы у тебя был поручитель, но хорошая новость в том, что, похоже, у тебя уже есть один на примете?

Она объясняет, что только что ей звонил Мейсон, который хотел договориться о просмотре квартиры позже сегодня днем.

— В самом деле? Вот здорово.

Как бы. Здорово, что Уолт проявляет инициативу насчет квартиры, но я не знаю, хочу ли, чтобы он своими глазами увидел это жилье.

— Во сколько, ты сказала, назначена встреча?

— Ровно в 14:30. Уже скоро.

— Нет проблем. Я буду там вовремя. Еще раз спасибо, Лиза.

Я держу обещание. В полдень уже еду в метро в сторону Инвуда — просто на случай, если возникнет какая-нибудь непредвиденная задержка. Я прихожу незадолго до часа дня, покупаю салат и кофе и ем на скамейке в парке с видом на реку Гарлем. Уже не так холодно, как вчера, но я все равно наслаждаюсь горячим кофе, баюкая его в руках, чтобы не замерзнуть, пока жду.

В 14:15 я стою перед многоквартирным домом, засунув руки в карманы пальто, и беспокойно переступаю с ноги на ногу. Минуту спустя у тротуара напротив замедляет ход и останавливается черный «эскалейд» Уолта.

Впереди сидит водитель, который смотрит прямо перед собой. Открывается задняя дверца. Мейсон появляется первым, и, заглянув за него в салон, я вижу Уолта, который разговаривает по телефону.

Мейсон захлопывает дверцу и закрывает мне вид на Уолта. Затем он направляется в мою сторону, на ходу поправляя очки, и коротко кивает мне.

— Добрый день, — говорит он таким же официальным тоном, каким говорила Эйприл вчера. Потом отворачивается и смотрит на улицу, как будто не видит смысла в разговоре со мной. Интересно, это Уолт задает тон, и все сотрудники должны ему следовать? Странновато. Мейсон ненамного старше меня. Возможно, мы могли бы стать друзьями, если бы он сбросил маску.

Решаю взять инициативу на себя и растопить лед.

— Привет, по-моему, нас не представили. Я Элизабет, — говорю ему, протягивая ладонь.

Он поворачивается ко мне, затем опускает взгляд на мою руку и, кажется, удивляется, обнаружив, что она висит в воздухе, направленная в его сторону. Либо он незнаком с этим обычным американским приветствием, либо не ожидал его от меня. Спустя секунду

неловкости он принимает мое рукопожатие, после чего кивает на внедорожник.

— У мистера Дженнингса важный телефонный разговор, который должен завершиться через пару минут.

— О, хорошо. Ничего страшного, — отвечаю я. — Он довольно занятой тип.

— Очень, — подтверждает Мейсон.

— Давно на него работаешь? — спрашиваю, продолжая задавать те же вопросы, что и с Эйприл. Надеюсь, от Мейсона я узнаю побольше.

Он на мгновение задумчиво наклоняет голову.

— В следующем месяце будет четыре года. Я проходил стажировку в «Диомедике», когда заканчивал аспирантуру в Колумбийском университете, а после получения степени решил остаться работать.

— Впечатляет. И как тебе? Нравится помогать такому трудоголику, как он?

Он хмурится, словно затрудняясь с ответом.

Я улыбаюсь, пытаюсь обезоружить его.

— Понимаю. Ты не можешь сказать правду. Мы едва знаем друг друга. Что ж... — Я отступаю. — Хотя это не так. В смысле, ты же был на моей свадьбе.

Он никак не реагирует на мою шутку. Да у этого парня характер скалы.

— Отвечая на ваш вопрос — да, — коротко говорит Мейсон. — И даже если бы мне не нравилась моя работа, я бы все равно остался в «Диомедике». Я никогда не видел никого, кто работал бы усерднее, чем мистер Дженнингс. Он невероятно вдохновляет.

Я хмыкаю, как будто не совсем веря, и Мейсон прищуривается, словно я только что оклеветала его личного героя. Блин, может, и так.

— Прямо сейчас он на созвоне с одной из двух некоммерческих организаций, с которыми он сотрудничает, — несколько язвительно произносит Мейсон. — Он уже семь лет входит в совет директоров «Исцеляющих сердец».

— «Исцеляющих сердец»?

— Это благотворительная организация, которая помогает с уходом за пациентами детской кардиологии. Без его участия они провалились бы сквозь трещины в нашей системе здравоохранения.

На моем лице проявляется стыд. Мейсон смягчается и продолжает:

— Извините. Просто... я думаю, что такие люди, как мистер Дженнингс, могут снискать дурную репутацию по вине людей, которые на самом деле его совершенно не знают.

— Что ж, ты меня просветил. Признаю, что была неправа.

Мейсон прочищает горло, когда задняя дверь внедорожника открывается, и выходит Уолт. Мои щеки вспыхивают — как из-за разговора, который он чуть не подслушал, так и из-за того, как он выглядит. Немного смущает то, что я нахожу его таким привлекательным, ведь его внешность не должна влиять на наше деловое соглашение. Но ничего поделать с собой не могу. Со своими острыми скулами и немного волнистыми короткими волосами он похож на старых голливудских актеров. Его челюсть так четко очерчена, что у него была бы по-настоящему выразительная улыбка — если бы он захотел показать ее мне.

На нем вчерашнее шерстяное пальто, под которым хорошо сидящий темно-серый костюм. Сегодня галстука нет, только накрахмаленная белая рубашка.

Я вижу, как он отодвигает край рукава, чтобы посмотреть на часы время.

— Рассчитываю, что твой риэлтор будет здесь с минуты на минуту. У меня мало

времени.

До меня доходит, что ради встречи со мной он, скорее всего, отложил много дел. Я знаю, что офис «Диомедики» находится на Нижнем Манхэттене, так что ему было нелегко добраться до Инвуда.

Бросаю взгляд на старые бабушкины часы и обнаруживаю, что Лиза официально опаздывает на одну минуту.

— Вчера она пришла вовремя, — говорю с натянутой улыбкой.

Ни один из мужчин не отвечает. Мы продолжаем ждать в тишине. Уолт стоит в нескольких шагах ко мне в профиль и смотрит в телефон. Он отправляет электронное письмо или текстовое сообщение, и, глядя, как быстро движутся его пальцы, я гадаю, с кем он общается. Находиться в его присутствии странно. Я впервые осознаю, как сильно оно меня подавляет. Это не новое чувство. Тугой комок беспокойства в глубине моего существа был и вчера, но я подумала, что волнуюсь не из-за него, а из-за свадьбы.

Он определенно сильная личность. Из тех людей, которые сосредотачивают все свое внимание на том, что для них дорого. Держу пари, большую часть времени его внимание приковано к работе, но, возможно, время от времени фокус смещается. Наверняка у него была девушка... которая была ему дорога.

Его пальцы перестают двигаться, и я только спустя мгновение осознаю, что он оглянулся и заметил, что я смотрю на него. Торопливо бросаю взгляд налево, прищурив глаза, будто высматриваю на улице Лизу. Мои щеки пылают, что он, без сомнения, замечает.

Чувствую себя просто ужасно из-за того, что Лиза опаздывает. Пытаюсь до нее дозвониться, чтобы узнать, где она пропадает, но Лиза не отвечает. Я съеживаюсь и поворачиваюсь к Уолту.

— Извини за то, что теряешь время. Может, позвоним в домофон какому-нибудь жильцу, чтобы он нам открыл, и ты мог взглянуть хотя бы на дом изнутри? — спрашиваю я, пытаюсь придумать хоть что-нибудь.

Уолт кладет телефон в карман и качает головой.

— Я не стану подписывать договор аренды квартиры, которую я не видел.

Что ж, тогда...

Покачиваясь на каблуках, я снова окидываю улицу взглядом, желая, чтобы Лиза поскорей появилась. Так проходит десять минут. Десять минут, проведенных с Мейсоном и Уолтом, пока они продолжают работать, а меня по-прежнему игнорируют. Затем подъезжает такси, и Лиза распахивает заднюю дверцу еще до того, как машина полностью останавливается.

— Прости, прости. Ты же знаешь, как это бывает. Пробка на Бродвее растянулась на несколько миль, — говорит она, выуживая из сумочки ключи от квартиры. Она едва останавливается, чтобы кивнуть мужчинам, но затем притормаживает и оглядывается на Уолта. Ее глаза заинтересованно округляются. Я мысленно улыбаюсь — надо хоть где-нибудь находить юмор, — а затем иду вслед за ней.

Я благодарна, что Уолт не отчитывает Лизу за опоздание. На самом деле, он вообще не упоминает об этом. Иначе ему пришлось бы заговорить, а у меня есть ощущение, что он испытывает отвращение к речи. Он предпочел бы прятаться в тишине, словно какой-нибудь хищник.

Его молчание раздражает, потому что в итоге я начинаю слишком много болтать, чтобы компенсировать тишину. По дороге в квартиру я вполголоса просвещаю его:

— Лиза говорит, что этот район становится популярным. В 90-е уровень преступности здесь был высоким, но с тех пор постепенно снижался. И метро недалеко, что классно, потому что мне определенно нужно будет им пользоваться. Да, и в арендную плату включены коммунальные услуги. Разве не здорово? Не придется платить еще и по этим счетам.

Он поднимается следом за мной, поэтому чтобы увидеть его, приходится обернуться. Его взгляд устремлен вниз, на ступеньки, а не на меня, так что невозможно понять, слушал он меня или нет. Разве что спросить его в лоб.

— Лиза, неужели на нижних этажах нет свободных квартир? — спрашивает он, пока мы поднимаемся по лестнице на пятый этаж.

Наверное, заметил мое затрудненное дыхание. Черт.

— Боюсь, что нет. Думаю, жильцы первых трех этажей живут там десятилетиями и вряд ли планируют переезжать. В прошлом месяце освободилась квартира на пятом этаже, но ее быстро сдали в аренду.

Уолт хмыкает, как будто слегка разочарован ответом, и я вздрагиваю, понимая, что он запросто, если захочет, может положить моим надеждам конец. Мне действительно нужно, чтобы он подписал договор, а это значит, что мне действительно нужно, чтобы квартира ему понравилась.

— Подожди, пока не увидишь огромное окно в гостиной! — говорю я, излучая энтузиазм на уровне, невиданном за пределами шоу в перерыве Суперкубка. С тем же успехом я могла бы подбросить в воздух конфетти. Когда мы заходим в квартиру, я, как сумасшедшая, размахиваю руками, указывая на различные удобства. — Только посмотри, какая она большая!

Игнорируя меня, Уолт поворачивается к Лизе.

— Здесь есть центральное отопление и кондиционер?

— Нет, но взгляни на это великолепное окно! — отвечаю я, опережая Лизу.

Уолт что-то бурчит себе под нос, затем с непроницаемым выражением на лице уходит на кухню. Там он указывает на отсутствие посудомоечной машины, но его недовольство сразу кажется незначительным, как только он замечает ранее не обнаруженную плесень у холодильника.

— Я могу вычистить эту плесень прямо сейчас! — обещаю я, тон моего голоса подскакивает с каждой минутой.

Мейсон тем временем топчется возле двери, как будто боится, что квартира каким-то образом его заразит. Уолт возвращается в гостиную и направляется в спальню. Мои глаза в тревоге распахиваются, когда я представляю, к чему он там может придраться. Я несусь через всю квартиру и проскальзываю перед дверью ровно в момент, когда его рука тянется, чтобы повернуть ручку. Его пальцы нечаянно задевают мое бедро, а я одариваю его широкой улыбкой.

— Закрой глаза.

Он непонимающе хмурится.

— Что?

— Давай, закрой глаза. Ну пожалуйста.

Он отступает назад и, откашливаясь, отводит глаза. Боже, как же я его раздражаю. Я правда думаю, что рядом со мной ему приходится сдерживаться до такой степени, к которой он не привык. Интересно, как долго ему удастся скрывать свое истинное мнение обо мне за

этим джентльменским фасадом.

— Уолт. Ну пожалуйста, — повторяю, пытаюсь уговорить его.

Он крепко сжимает зубы, а затем чудесным образом делает то, о чем я прошу: закрывает глаза, так что его густые ресницы касаются скул. На мгновение я забываю, что должна была делать, и просто смотрю на него, зная, что меня он не видит. У него такие высокие скулы. Нос идеально прямой. С этого ракурса он напоминает великолепную римскую статую, и мои пальцы покалывает от желания нарисовать его.

Затем он резко выдыхает от нетерпения, и я вытягиваюсь по стойке смирно, понимая, что заставила его ждать слишком долго.

— Точно. Да. Итак, а теперь представь удивительно безмятежную спальню с двуспальной кроватью и пушистыми подушками, красивым разросшимся плющом на подоконнике, множеством картин, висящих на стенах, и мягким ковром. Все, открывай глаза.

Я распахиваю дверь спальни и отступаю в сторону. Он делает два шага вперед, затем, резко тряхнув головой, поворачивается.

— Нет.

Глава 5

— Нет? Что значит «нет»? — спрашиваю я Уолта, пока он идет к выходу из квартиры.

Проходя мимо риэлтора, он кивает ей.

— Лиза, спасибо, что нашли время показать нам квартиру.

— О, э-э... — Она поправляет очки. — Пожалуйста. Вы уже уходите?

— Да. У меня встреча. Нужно вернуться в офис.

Я выбегаю за ним, злясь на то, как быстро у него получается спускаться по лестнице. Мейсон тоже едва за ним поспевает.

— Почему ты не можешь подписать за меня договор? — кричу ему сверху вниз.

Он отвечает, не останавливаясь:

— Эта квартира никому не подходит — и меньше всего тебе. Повсюду плесень, и я почти уверен, что стены покрашены краской на основе свинца.

— И что?! Это моя проблема, а не твоя.

Тут он останавливается и оборачивается, так что мне, чтобы не врезаться прямо в него и не отправить нас обоих катиться по лестнице, тоже приходится резко остановиться.

— Ты — моя проблема, Элизабет.

Теперь, когда я стою на ступеньку выше него, мы смотрим друг другу в глаза. Нахмурившись, я качаю головой.

— Я не твоя проблема. Разреши мне жить здесь, и я оставлю тебя в покое. Я больше никогда не свяжусь с тобой, хорошо?

Мейсон неловко переминается с ноги на ногу у меня за спиной, и взгляд Уолта перескакивает на него, как будто он только сейчас осознал, что мы не одни.

— Мейсон, когда мы вернемся в офис, мне нужно, чтобы ты поработал с моим риэлтором. Найдите свободные квартиры поближе к центру.

— А как же Лиза? — вмешиваюсь я, беспокоясь, что она потеряет комиссионные.

— Я позабочусь о том, чтобы ей компенсировали потраченное время.

Ясно. Ну ладно. Звучит не так уж и плохо. Ему не понравилась эта квартира, но, может, он одобрит другую. Я же не замужем за этим зданием. Я могу быть командным игроком. Если он думает, что в лучшем районе Манхэттена найдутся квартиры в моем ценовом

диапазоне, то я с удовольствием на них посмотрю.

Я машу, чтобы он продолжал спускаться по лестнице, и на мгновение Уолт прищуривается, как будто ему не очень понравилось, что я указала, что ему делать. Я улыбаюсь, наслаждаясь этой мини-победой. Мы не можем стоять на лестнице вечно. Уолт должен продолжить идти, и он это знает.

Еле заметно фыркнув, он разворачивается, и мы втроем спускаемся вниз. Лиза идет далеко позади, так как ей пришлось запереть квартиру.

Из вчерашнего короткого взаимодействия с Уолтом я вынесла, что полноценного прощания от него можно не ожидать — или даже самого незначительного, если на то пошло. Так и выходит. Как только мы ступаем на тротуар, он, едва посмотрев в мою сторону, садится в свой «эскалейд».

— Пока, Уолт! — кричу я, размахивая руками, просто чтобы его подколоть.

В жизни осталось так мало радости, и я просто ничего не могу с собой поделаться.

— Я скоро с вами свяжусь, — обещает мне Мейсон, прежде чем последовать за своим боссом.

Мейсон работает молниеносно. Утром я просыпаюсь и нахожу в почте письмо с описанием пяти доступных квартир на Нижнем Манхэттене. Он приложил немало усилий, чтобы предоставить мне информацию о каждой из них. Здесь есть фотографии высокой четкости, длинные списки удобств и, конечно же, стоимость аренды.

Очевидно, что каждая из квартир намного лучше, чем та, которую я вчера показывала Уолту. В кухнях современная мебель и техника. Спальни просторные. Одна из квартир залита естественным светом, и я не могу не мечтать о создании мини-студии в будущей обеденной зоне, которую со всех сторон окружают окна.

К сожалению, ни одна из них не сдается меньше чем за пять тысяч долларов в месяц. А одна стоит почти семь! Мне пришлось бы продать целую кучу работ, чтобы платить за аренду. Даже если я получу комиссионные за большие работы или каким-то образом уговорю галерею выставить одну из моих серий (можно же помечтать), все равно нужной суммы не наберется.

Видимо, предполагается, что для оплаты аренды я буду использовать свои ежемесячные выплаты из трастового фонда. Только так я смогу позволить себе какую-нибудь из этих квартир. Увы, но это не вариант.

Уверена, что большинство людей на моем месте с радостью принимали бы по десять тысяч долларов в месяц, но только не я. К этим деньгам привязаны ниточки, которые в любой момент могут затянуться вокруг моей шеи. Конечно, сейчас условия, изложенные в договоре трастовых выплат, не слишком суровы. Не употреблять наркотики и не совершать преступления достаточно просто. Но на днях я уже продала часть себя в том зале суда и не хочу продавать еще больше. Этот путь я уже проходила. Всю свою жизнь я провела под каблуком у родителей. Любимое развлечение моей мамы — угрожать перестать меня финансировать, если я не вернусь в лоно семьи. Всю свою юность я была тем, кем меня хотели видеть родители, и теперь, когда свобода так близко, я не хочу отступать.

Более скромная однокомнатная квартира в менее привлекательном месте отлично мне подойдет.

Я немедленно набираю ответ, тщательно проследив за тем, чтобы в копии остался Уолт, поскольку он был там в письме от Мейсона.

От кого: EBrighton@gmail.com

Кому: Mason@DiomedicaAssist.com

Копия: Walt@Diomedica.com

Время: 08:16

Тема: Re: Поиск квартиры

Мейсон, спасибо, что нашли время подобрать мне квартиры. К сожалению, ни один из вариантов не входит в доступный мне ценовой диапазон.

Не могли бы вы напомнить своему боссу о моих нынешних бюджетных ограничениях?

В идеале я хотела бы снять квартиру не более чем за 1500 долларов в месяц. Включая коммунальные услуги.

Еще раз спасибо, Элизабет.

От кого: Mason@DiomedicaAssist.com

Кому: EBrighton@gmail.com

Копия: Walt@Diomedica.com

Время: 08:18

Тема: Re: Re: Поиск квартиры

Я довел ваши опасения до сведения мистера Дженнингса, и он подтвердил, что объявления были в пределах вашего ценового диапазона.

Также я должен напомнить вам, что вы несете ответственность за подписание и возврат юридических документов, которые были отправлены вам два дня назад Рупертом Хиршем из «Хирш и Дершовиц».

С уважением, Мейсон Каннингем.

Помощник Уолтера Дженнингса II, «Диомедика».

О, к черту все. Устав от общения с третьим лицом, я решаю написать Уолту напрямую и сразу перейти к делу.

От кого: EBrighton@gmail.com

Кому: Walt@Diomedica.com

Время: 08:19

Тема: Давай перейдем к сути

За такую цену я снимать квартиру не буду. Мне это не по карману, так что можешь, пожалуйста, просто расписаться в договоре квартиры, которую мы посмотрели вчера? Твои опасения по поводу нее были необоснованными и откровенно высокомерными. Прежде чем переехать, я вызову клининг, и ее профессионально отчистят. Думаю, этого для тебя будет достаточно.

Спасибо, Элизабет.

От кого: Walt@Diomedica.com

Кому: EBrighton@gmail.com

Копия: Mason@DiomedicaAssist.com

Время: 08:22

Тема: Re: Давай перейдем к сути

Ежемесячная выплата из твоего траста с лихвой покроет арендную плату за любую из тех квартир, которые прислал Мейсон. Пожалуйста, выбери три самых подходящих тебе варианта, и он организует показы.

Также ознакомься с прилагаемым исследованием из научного журнала «Science», в котором рассказывается о том, как неподходящие жилые условия могут привести к

ухудшению состояния здоровья у людей всех социально-экономических групп.

От кого: EBrighton@gmail.com

Кому: Walt@Diomedica.com

Время: 08:25

Тема: Ты ведешь себя нелепо

Пыталась сейчас до тебя дозвониться, но ты не ответил. Затем я позвонила Мейсону, и он сказал, что в данный момент с тобой невозможно связаться.

Пожалуйста, если в течение дня у тебя будет свободное время, позвони мне, чтобы обсудить этот вопрос. Я понимаю, что ты занят, и я не привередничаю... просто ты не оставил мне выбора.

Через минуту после того, как письмо было отправлено, у меня звонит телефон.

На экране вспыхивает имя Уолта, и мое сердце пропускает удар, что немного смущает, но я не могу ничего поделать с тем беспокойством, которое он во мне вызывает.

Сделав глубокий вдох и встряхнув головой, я беру телефон и пальцем провожу по экрану.

— Привет.

Сразу же слышу на фоне шум дороги.

— Элизабет, сегодня днем ты переедешь ко мне. Мейсон скоординирует грузчиков в зависимости от того, сколько вещей ты решишь взять, чтобы...

— Что?! Притормози. О чем ты говоришь?

Он откашливается, явно досадуя, что я его перебила.

— Это единственное решение из тех, что у меня есть, которое удовлетворит нас обоих. Ты одержима идеей найти жилье, которое соответствует твоему воображаемому набору параметров, а я устал разбираться с этой проблемой. На счет вчерашней квартиры я тоже не уступлю.

— Я не стану переезжать к тебе, — говорю я с нелепым смешком.

— Моя квартира достаточно большая, чтобы вместить нас обоих. На самом деле, я даже не думаю, что мы в принципе будем там сталкиваться.

— И все же... это...

— Что? — подталкивает он.

— Это *безумно*.

— Более безумно, чем то, что мы совершили на днях?

— Это плохая логика.

Он выпускает один из своих фирменных вздохов, затем произносит мое имя, словно мольбу.

— Элизабет.

Я сжимаю губы, чтобы удержаться от улыбки.

— Я не хочу следовать твоим правилам. Да и ничьим правилам следовать не хочу. Я хочу жить сама по себе. Хочу сама финансировать свою жизнь. Стоять на своих ногах.

— Ясно. Что ж, хоть это и достойно восхищения, но тебе придется чем-то пожертвовать. Либо ты на несколько дней переезжаешь ко мне, либо принимаешь свою выплату и переезжаешь в одну из квартир, которые подобрал для тебя Мейсон.

— Есть третий вариант. Я могу просто остаться в отеле.

— Да, и продолжать попусту опустошать свой банковский счет. Я думал, ты немного умнее.

Я борюсь с желанием с ним поспорить.

— Почему бы нам временно не поставить точку в этом вопросе? — продолжает он, похоже, теряя терпение. — Мне нужно на несколько дней слетать по делам в Вашингтон. Квартира будет в твоём полном распоряжении. А эту дискуссию продолжим, когда я вернусь. Вряд ли ты сможешь привести веские аргументы против этой идеи.

— Что ж, хорошо. Но ты должен знать: я воинствую не нарочно. Дело не в том, что я получаю какое-то извращенное удовольствие, раздражая тебя.

— Думаю, мы оба знаем, что это ложь.

Мне приходится спрятать улыбку.

— Скоро с тобой свяжется Мейсон, — говорит он. — Не делай его работу ещё сложнее, чем она уже есть.

Звонок обрывается, и я остаюсь стоять, уставившись на телефон и задаваясь вопросом, как, черт возьми, я вляпалась в эту историю.

Конечно, я могу пойти против требований Уолта и остаться в убогом гостиничном номере с дрянным освещением, жесткой кроватью и тесной ванной. Либо могу сэкономить деньги и ненадолго переехать к Уолту — всего на несколько дней, пока мы не сможем возобновить наши переговоры. Хм... что делать, что делать...

Понятно, что. Спустя час я сижу с вещами на заднем сиденье такси, направляясь по адресу, который мне прислал Мейсон вскоре после того, как я поговорила по телефону с Уолтом.

Как только я приезжаю в Трайбек и высаживаюсь у модного здания, мне навстречу выбегает швейцар — молодой парень с бодрой походкой и широкой добродушной улыбкой.

— Миссис Дженнингс, добро пожаловать, добро пожаловать. Позвольте мне взять ваши вещи.

После слов «миссис Дженнингс» я уже ничего больше не слышу.

Мейсон сказал ему, что я жена Уолта?! Разве ему было можно?! В смысле, формально да, на бумаге мы правда женаты, но то, что кто-то действительно так ко мне обращается, приводит меня в состояние шока.

Швейцар подмигивает, забирая два моих чемодана. Наверное, понимает, что я ошеломлена.

— Все в здании уже слышали хорошие новости. Слухи здесь распространяются быстро.

Я киваю со слабой улыбкой, пытаюсь придумать хоть какой-нибудь приличный ответ.

Швейцар принимает мою неловкость за застенчивость и извиняющееся качает головой.

— Виноват. Я даже не представился. Меня зовут Террелл. Работаю здесь почти каждый день. Еще вы, наверное, встретитесь с Джошем. Он дежурит в ночную смену.

— Приятно познакомиться, Террелл.

Я протягиваю ладонь, но сразу же понимаю, что он несет оба моих чемодана. Мы смеемся над этой промашкой, а затем Террелл сгибает руку, предлагая мне поздороваться подурачки локтями. Он сразу мне нравится. Хорошо, что хоть кто-то будет с улыбкой встречать меня у двери, пока я здесь живу — сколько бы это ни длилось.

Террелл ведет меня через вестибюль, и я оглядываю потолки, пытаюсь угадать их высоту. Двадцать футов? Тридцать?

— Высотой в три этажа, — подтверждает Террелл, когда мы подходим к лифтам.

Осознав, что он всю дорогу видел мою отвисшую челюсть, я немедленно закрываю рот.

— Это прекрасно.

Террелл кивает.

— Да. Я работал в нескольких элитных резиденциях, но эта определенно выигрывает у них всех. — Затем он подается ко мне. — Я не должен ничего говорить, но квартира под вами принадлежит Гарри Стайлзу.

Теперь моя челюсть действительно падает на пол.

— К сожалению, я видел его здесь всего один раз.

Пффф. Как будто это помешает мне проковырять ложкой дырку в полу в стиле «Побега из Шоушенка», чтобы заглянуть одним глазком вниз.

Двери лифта раздвигаются, и мы заходим внутрь. Три из четырех стен сделаны из стекла, и по мере того, как мы поднимаемся все выше и выше, вестибюль под нами становится все меньше и меньше.

— Вы будете жить в пентхаусе на 35-м этаже.

Чувствую легкий прилив радостного волнения. Скорее бы полюбоваться видами из окна.

Когда мы прибываем на этаж Уолта, Террелл жестом приглашает меня выйти первой — прямо в фойе апартаментов. Там нас ожидает женщина, одетая в шелковую блузку, заправленную в модные широкие брюки. Ее коротко подстриженные светлые волосы и бледно-розовая помада подчеркивают красивые черты лица.

Внутри все сжимается, когда я осознаю, на кого я наткнулась.

О боже. Такой сценарий мне даже в голову не приходил.

Глава 6

— Прощу прощения! — быстро бормочу я, поворачиваюсь к лифту и натываюсь прямо на Террелла. Пытаясь устоять на ногах, он издает громкое «ой», но, к счастью, ему удается удержать нас от падения на мраморный пол в черно-белую клетку. Я бесконечно благодарна ему, ведь мне не хотелось бы опозориться перед этой женщиной еще больше.

— О, миссис Дженнингс, извините, что застала вас врасплох! — говорит женщина, бросаясь вперед, чтобы помочь мне восстановить равновесие.

Я хмурюсь и, чтобы снова сориентироваться, отступаю назад, не понимая, почему девушка Уолта — или любовница — извиняется передо мной.

— Я Ребекка, консьерж пентхауса 35, — сообщает она с яркой улыбкой.

— Надо было предупредить вас, что она будет здесь, — говорит Террелл с легким смешком.

— Консьерж? — переспрашиваю я, водя между ними взглядом.

Ребекка делает шаг вперед.

— Да. Я помогаю обслуживать наших привелегированных жильцов. Вы и мистер Дженнингс среди них. Обычно я не буду ждать вас здесь, когда вы будете возвращаться домой, но мистер Дженнингс попросил, чтобы я показала вам все и помогла устроиться. — Она смотрит мимо меня и кивает Терреллу. — Не могли бы вы, пожалуйста, отнести вещи миссис Дженнингс в главный люкс в конце коридора? А я пока проведу для нее короткую экскурсию.

Короткую.

Ха.

Короткой она могла бы быть только в том случае, если б роскошный пентхаус Уолта не был настолько огромным. Я будто попала в музей.

Мы идем по центральному коридору мимо нескольких спален со смежными ванными

комнатами. Заглянув в некоторые из них, я понимаю, что каждая похожа на шикарный гостиничный номер.

Коридор приводит нас в помещение, которое Ребекка называет захватывающим дух залом с двумя террасами и видом на Бруклинский, Манхэттенский и Уильямсбургский мосты. Я внимательно слушаю, пока она рассказывает о том, что интерьер здесь оформляла компания «Reber Design Architecture» в сотрудничестве с «Emma Donnersberg Interiors».

В главном люксе — где ночует Уолт и где Террелл оставляет мои чемоданы — есть камин, гостиная с открытой террасой и ванная комната с теплыми полами, сауной и глубокой ванной.

Я едва успеваю все это оценить, а Ребекка уже уводит меня на открытую кухню, достойную любого шеф-повара, где есть два кухонных островка, двойные холодильники «Sub-Zero» и двойная духовка «Miele».

Рядом с кухней, за дубовыми дверями, находится винная комната на 550 бутылок, отделанная гранитом и латунью, и мраморный бар. А напротив — библиотека со стеллажами от пола до потолка.

Я едва успеваю подобрать с пола челюсть. Будь я одна, то бегала бы из одной комнаты в другую с безумными глазами, прикрывая рот рукой, чтобы подавлять вопли восторга. Я выросла в обеспеченном доме и знаю, как живут по-настоящему богатые люди, но это совсем другое дело. Даже не 1 %, а 0,0001 %. Одни только принадлежащие Уолту картины заставили бы зарыдать самого взыскательного любителя искусства.

В главном зале висит пейзаж кисти Дэвида Хокни. В столовой — крупномасштабное ню Дженни Савиль. В галерее у входа — один из набросков Альбрехта Дюрера с изображением рук. А самое примечательное — это «Банкетный натюрморт» Яна Давидса де Хема над камином в библиотеке. Когда Ребекка уходит, я, словно замороженная, долго рассматриваю его. Эту картину должны были выставить на аукцион «Christie's», но еще до того, как аукцион состоялся, ее продали в частную коллекцию, из-за чего в мире искусства произошел своего рода скандал. Все блоги, на которые я была подписана, гадали, кто же мог приобрести этот шедевр. Наиболее интересным было предположение о том, что картину приобрели для Коллекции Мениль — что имело смысл, ведь она с легкостью могла стать главной жемчужиной Хьюстонского музея, — но она оказалась здесь, в квартире Уолта.

Пребывание с картиной наедине создает до странного интимное ощущение. Меня словно впустили на приватный просмотр. Масштабное произведение выполнено в истинно голландском стиле с угрюмой цветовой палитрой и тщательным вниманием к деталям. На нем изображен заставленный блюдами банкетный стол с остатками богатого ужина. На драпированной скатерти лежат недоеденный пирог, нарезанный персик, опрокинутая оловянная чаша и плетеная корзина, полная фруктов. Я знаю, что де Хем любил вплетать метафоры в свои работы. Например, яблоки в корзине, несомненно, дают отсылку к запретному плоду в райском саду. А бокалы с вином намекают на искупительную природу «Тайной вечери».

Я могла бы смотреть на картину весь день, но у меня зудят кончики пальцев — так мне не терпится порисовать. Забыв про нераспакованные вещи, я спешу обратно в спальню Уолта, расстегиваю молнию на чемодане и перебираю свои принадлежности, пока не нахожу новый альбом для рисования и заточенный карандаш. Затем я несу все это в библиотеку — почти бегом, как будто боюсь, что картина исчезнет.

Со вздохом облегчения я нахожу картину на месте, и меня вновь охватывает волнение,

пока я размышляю о том, как лучше организовать себе место для рисования.

Поскольку солнце начинает садиться, я зажигаю люстру, висящую в центре потолка, а затем оглядываю пространство и осматриваю мебель. Рядом с камином друг напротив друга стоят два удобных кожаных дивана, а между ними — тяжелый журнальный столик, на котором лежат несколько книг. На мгновение подумываю о том, чтобы сдвинуть их в сторону и порисовать, сидя на столике, но через пару минут у меня занот спина. Тогда я забираю стоящий у элегантного шахматного столика стул и — поняв, что поднять его не смогу — тяну его по паркетному полу, пока он не оказывается перед камином. Нет, все равно неудобно. Так я буду словно сидеть в первом ряду кинотеатра и вытягивать шею, чтобы увидеть картину.

Мне очень нужно оказаться ровно на месте журнального столика, но он тяжеленный и не сдвинется с места, сколько бы я его ни толкала. Быстро подумав, я беру телефон и звоню Терреллу — к счастью, он и Ребекка перед уходом оставили мне свои номера.

Минут через пять минут Террелл стоит рядом со мной в библиотеке и, хмуря брови, смотрит на столик.

— Он выглядит дорого, — замечает он. — Вы уверены, что нам можно его переставить?

Я упираю руки в бедра.

— И что ужасного может случиться?

Ужасное все же случается: как только мы начинаем толкать столик, ковер, лежащий под ним, сразу же рвется.

О черт.

Я не подумала о том, насколько он тонкий.

Подняв глаза, я вижу, что Террелл, оценивший возможный ущерб, побледнел.

— Может, Уолт купил его в ИКЕА? — шучу я, пытаюсь разрядить обстановку.

Террелл пугается еще больше.

— Хорошо, хорошо. Слушай, тебя здесь не было, — говорю я, подталкивая его к двери библиотеки. — Я переставила стол в одиночку. Договорились?

— Нет. Так неправильно.

— Почему?! Я жена Уолта, квартира теперь и моя тоже, а ты просто выполнил мою просьбу. У тебя не будет проблем. Ты просто помог мне, и все. Так что спасибо и желаю чудесно провести остаток вечера.

— Я не могу позволить вам взять вину на себя...

— Какую вину? Не говори глупостей. У Уолта достаточно денег, чтобы купить тысячу точно таких же дурацких ковров. Кроме того, он безумно влюблен в меня, и уверяю тебя, на ущерб ему будет плевать.

Террелл кивает, наконец-то начиная верить в мое вранье. В моих словах есть своя логика. Почему Уолт должен распереживаться из-за ковра?

Выпроваживая Террелла из квартиры, я убеждаю его — и почти убеждаю себя — не воспринимать ситуацию слишком серьезно. В смысле, это же просто ковер. Ничто по сравнению с картиной в библиотеке — картиной, которая снова затягивает меня, словно в омут, когда я возвращаюсь назад.

Я решаю на время забыть о проблеме с ковром, придвигаю стул к идеальному месту перед камином, беру карандаш и альбом и принимаюсь за работу.

Я провожу там весь вечер, поднимаясь с места лишь для того, чтобы сходить в туалет и взять яблоко с кухни. Когда рука начинает болеть, а в глазах все расплываться, я подхожу к

одному из кожаных диванов и заворачиваюсь в кашемировый плед, перекинутый через боковой подлокотник.

Там я и сплю, пока меня не будят лучи взошедшего солнца. Я даже не сержусь на то, что заснула, ведь первое, что я вижу, когда открываю глаза, — это картина.

В желудке урчит, пока я иду по пентхаусу и пытаюсь решить, в какой комнате разместиться. Террел вчера занес мои чемоданы в спальню Уолта, но я ни за что не вторгнусь в его личное пространство. Вместо этого я останавливаюсь в самой маленькой из гостевых комнат, которая по любым стандартам тоже роскошна. Ополоснувшись под душем, я беру черные джинсы и просторную рубашку из мягкого, как шелк, хлопка.

Нуждаясь в кофеине и еде, я удаляюсь на кухню и насыпаю себе миску хлопьев. Затем пытаюсь разобраться со встроенной эспрессо-машиной. Я успеваю и подогреть молоко, и вспенить его, но кофе почему-то не льется. Сжав кулаки, я обзываю машину несколькими отборными ругательствами, и после тыканья пальцем по всем кнопкам подряд, чертова штука наконец-то выплескивает в мою кружку эспрессо.

Поблагодарив небеса, хватаю кружку и тащусь обратно в библиотеку.

Я планирую не выходить оттуда весь день. Я разрабатываю план, и комната помогает мне думать. До сих пор моя аспирантская работа была совершенно бесцельной. В течение нескольких недель я делала наброски, не держа в голове какую-либо конкретную идею, что немного сводило с ума, но сейчас я ощущаю себя вдохновленной шедевром де Хема. Я знаю, что хочу основать свою следующую серию на этой картине.

Мой план состоит в том, чтобы деконструировать классический натюрморт, используя комбинацию кубистических и модернистских приемов. Я хочу развить приглушенные, темные цвета де Хема и насытить холст слоями пастели и акриловой краски.

Весь день я набрасываю композиции, заранее планируя несколько работ и думая о том, в какие нью-йоркские галереи я могла бы предложить новую серию. Такой крупный игрок, как «Hauser & Wirth», был бы мечтой, но, насколько я слышала, они не приобретают работы молодых художников. Есть небольшие галереи, которые были бы более готовы принять новый голос в мире искусства, но даже с ними у меня мало шансов. В век социальных сетей мне не обязательно нужно официальное представительство где бы то ни было. Многие молодые художники даже не утруждают себя посещением галерей, но я, похоже, не могу отказаться от мечты попасть на свою личную выставку. Это всегда было моей целью.

Увлечшись работой, я вспоминаю о том, что нужно поесть, только почувствовав легкое головокружение. Сооружаю себе огромный бутерброд и уношу его в библиотеку, после чего изучаю разложенные на столике эскизы. На данном этапе критиковать свою работу легко. Лучше отбросить плохие идеи сейчас, а не позже, когда я воплещу их в жизнь на холсте.

Я уже наполовину съела свой бутерброд, когда, прожевывая большой кусок, слышу за спиной мужской голос.

— Очевидно, нам следует установить некоторые домашние правила.

Глава 7

Я подскакиваю, и тарелка, выскользнув из моих пальцев, падает и разбивается, разбрасывая еду и осколки фарфора. Я оборачиваюсь через плечо.

На пороге, засунув руки в карманы, стоит Уолт. Его губы сжаты, темные брови нахмурены с явным презрением. Я пару раз видела его раздраженным, но это другое. Я переступила черту. Судя по тому, как дергается его челюсть, он очень зол.

— О боже, — бормочу я себе под нос, когда смотрю вниз и вижу, что натворила. Моя

еда не просто упала, она создала шедевр в духе Джексона Поллока, когда разлетелась по ковру Уолта, дивану и даже журнальному столику.

В библиотеке и без того был беспорядок. Повсюду лежат мои наброски. На столике — моя утренняя чашка кофе и затупившиеся карандаши. На спинку одного из диванов небрежно брошен мой свитер и его кашемировый плед. Вчера я нашла в библиотеке стеллаж с книгами по истории искусств, вытщила несколько штук и листала разделы о Пикассо и других кубистах, пытаясь почерпнуть вдохновение для своей серии.

Мне не пришло в голову, что Уолт может вернуться так скоро. Я чувствую себя полной идиоткой. Я планировала до его возвращения убрать за собой, сходить в магазин и купить еду взамен съеденной, а также чем-нибудь заменить или хотя бы починить его ковер. Моей целью было сделать так, чтобы казалось, будто меня здесь и не было, но теперь это абсолютно невозможно. С тем же успехом я могла взять помаду и написать большими красными буквами на стене: «Здесь была Элизабет».

Черета ругательств прокручивается у меня в голове, как новостная лента. Их же я бормочу под нос, когда начинаю торопливо собирать с пола свой ужин.

Подняв листик салата, я собираюсь положить его на тарелку, но потом вспоминаю, что тарелка разбита на миллион осколков, и съеживаюсь. Немедленно переключаюсь на осколки, осознавая, что Уолт по-прежнему стоит у двери и, вероятно, пытается обуздать свой гнев.

Он великодушно впустил меня в дом, а я его разгромила. Какой стыд. Он подумает, что меня вырастили волки.

— Ты порежешься, — жестким тоном говорит он.

— Ну и пусть. Кого это волнует? — отвечаю, не прекращая уборку. — Вчера я уже повредила этот ковер, а теперь посмотри на него. Он весь в горчице.

— Она там сто лет.

Я зажмуриваюсь.

— О боже, давай вот без этого.

— Я лишь имею в виду... что, возможно, пришла пора заменить его новым. Не могла бы ты перестать собирать осколки фарфора голыми руками? Смотри, ты уже дважды порезалась.

Я скашиваю глаза. На левой руке крошечные порезы. Немногим хуже порезов от бумаги, и я их даже не чувствую. Слишком сосредоточенная на своей оплошности, я едва замечаю, как Уолт исчезает, а затем возвращается, держа что-то в руках. Он подает мне два пластыря, и я осторожно беру их, стараясь не коснуться его порезанными пальцами.

— Спасибо, — говорю, не в силах поднять на него взгляд.

Я промою и обработаю ранки позже, а пока заклеиваю их пластырем и протягиваю руку за тем, что еще принес Уолт: мешком для мусора, щеткой и совком.

Но вместо того, чтобы отдать все это мне, Уолт наклоняется и прямо в своем модном костюме начинает помогать мне убираться.

— Держи мешок, — сжато инструктирует он.

Я делаю, как мне велели: открываю мешок, чтобы он мог бросать туда все подметенное с пола и ковра. Он эффективно справляется с делом, разделяя участки пола на аккуратные сектора и стараясь собрать все до последнего кусочка фарфора.

— Я хотела бы извиниться... — начинаю я робко.

Уолт ничем не подтверждает, что слышит меня, но я все равно продолжаю:

— Пока тебя не было, я слегка увлеклась.

По-прежнему ничего.

— И я правда собиралась убрать до того, как ты вернешься домой.

— Ты переставила мою мебель, — сообщает он, как будто не веря своим глазам.

Ах, да. Я совсем забыла об этом.

— Да... Ну, я ее переставила, чтобы было лучше видно картину, и, как я уже говорила, я собиралась вернуть все на место.

— Как тебе удалось передвинуть журнальный столик? Ты ни за что не смогла бы сделать это одна. Он очень тяжелый.

— О, я просто очень сильно толкала.

— Мне трудно в это поверить.

Думаю о бедняге Терреле и, вложив в голос побольше убежденности, заверяю его:

— Я сильнее, чем кажусь.

Уолт что-то ворчит себе под нос, словно мало мне веря, но тему не развивает.

— Я заплачу за новый ковер. Старый, наверное, уже не спасти. Особенно с учетом разрыва.

— Разрыва?

О боже. Молодчина, Элизабет. Разрыв-то он еще не заметил.

— Да... ну... когда я двигала столик...

Я указываю на повреждение, и Уолт, приостановив работу, поворачивается, чтобы проследить за моим пальцем.

Все нервные окончания в моем теле находится в состоянии повышенной готовности. Я адски беспокоюсь о том, как он отреагирует. Если честно, мне даже немного страшно. Я смотрю на его затылок, отмечая гладкие темные волосы и четкую линию контраста между его кожей и воротничком рубашки. Жаль, мне не видно его лица, когда он сдержанно произносит:

— Это получилось случайно.

Я ошеломленно молчу.

Он дает мне презумпцию невиновности? Должно быть, я неверно расслышала.

— Да, но ковер безвозвратно испорчен. Я хотела бы оплатить покупку нового...

— Случайность есть случайность, и, кроме того, ущерб покроет страховка.

— Все равно. Я хочу, чтобы ты сказал, сколько он стоил, и я выпишу чек. На мой взгляд, так будет справедливо.

Без паузы он называет сумму, и я моргаю, моргаю, моргаю... пытаюсь понять, как можно потратить столько денег на вещь, которую будут топтать ногами. С разинутым ртом медленно опускаю глаза.

— Ты серьезно?!

— Потому ковер и был застрахован, — говорит Уолт, вставая и напоминая мне, насколько мы разные не только в плане размера, но и в возрасте, утонченности и индивидуальности. — Ладно, осколки и еда уже убраны. Собери прочие свои вещи и поскорее промой порезы, пока не занеслась инфекция.

Затем он уходит, захватив принадлежности для уборки с собой, и до конца дня я его больше не вижу. Я вношу свою лепту в приведение в порядок остальной части библиотеки, но самостоятельно вернуть мебель на место так, чтобы не причинить еще больше ущерба, я не могу.

Когда, проснувшись наутро, я выхожу на цыпочках из гостевой спальни, в квартире никого нет. Уолт уже ушел. Заглядываю в библиотеку и потрясенно вижу, что он успел убрать несчастный ковер и переставить мебель красиво и аккуратно, но не туда, где она была раньше. Мало того, диваны и столик отодвинуты от камина, а на их месте стоят небольшой квадратный стол и стул, под которыми постелена широкая дорожка из прозрачного пластика — вроде тех, что в офисах кладут под рабочие кресла. Ну вот, теперь она защитит его паркет от дальнейшего повреждения.

Никакой пояснительной записки или списка распоряжений нет, но мне ясно, что Уолт разрешил мне пользоваться его библиотекой даже после вчерашнего.

Я снова провожу в библиотеке весь день, стараясь не выходить за пределы стола, который он мне предоставил. Поначалу у меня получается. Минут пять. Но люди работают в художественных студиях не без причины. Мне нужно пространство для работы, место, чтобы разложить наброски, карандаши и пастель. Я должна иметь возможность видеть все свои работы сразу, потому что я пытаюсь сузить круг своих любимых концепций, чтобы я могла перенести их на небольшие холсты. Их я потом понесу в художественные галерея.

Позже тем вечером, пока я сижу над наброском — пройдя все стадии от «я просто бездарность» до «а это на самом деле неплохо», — я чувствую в дверном проеме присутствие Уолта.

Волоски на шее поднимаются дыбом, но я продолжаю работать — или, по крайней мере, пытаюсь. Мои пальцы немного дрожат, они уже не так ловко держат пастель, как минуту назад.

На этот раз я не извиняюсь за состояние библиотеки. Я все уберу, как вчера. И между прочим, сегодня я не причинила непоправимого ущерба ничему из имущества Уолта, а это уже победа.

Не знаю, как долго он стоит на пороге, наблюдая за тем, как я рисую. В какой-то момент я забываю о нем и вновь концентрируюсь на работе. Я снова теряю счет времени, а когда, наконец, вспоминаю, что нужно оглянуться на дверь, его уже нет.

На следующее утро я встаю раньше обычного, чтобы выследить Уолта. Сегодня суббота, и большинство нормальных людей еще посапывают в постели, но Уолт не нормальный. Наверное, он уже собирается выдвинуться на работу, и мне нужно перехватить его до ухода. Нам многое следует обсудить.

Мне нужно сказать ему, что вчера вечером я закончила читать юридические документы. Там был скрупулезно описан наш брак — от того, как мы будем заполнять налоговые декларации, до того, как мне получить медицинскую страховку через его страховой договор, — но не было ни единого слова о том, что Уолт ожидает от меня как от жены. Очевидно, что этот брак не будет храниться в секрете, если люди в доме уже знают меня, как миссис Дженнингс. И вдобавок нам надо вернуться к разговору о том, что я ищу съемную квартиру, а не остаюсь здесь.

Я запрыгиваю в душ, подставляю лицо теплым струям и начинаю репетировать свою речь.

— Уолт... Уолтер... мистер Дженнингс...

Фу.

Буду просто говорить от чистого сердца и надеяться, что это прозвучит нормально.

Быстро помывшись, я спешу подготовиться к предстоящему дню, сушу волосы и наношу легкий макияж. Потом иду к шкафу, радуясь, что вчера нашла время перестирывать кучу белья.

Я беру свою любимую кремовую водолазку и заправляю ее в темные джинсы. Надеваю медальон и часы, затем беру чек, который выписала вчера, и тихо выскользываю из комнаты.

Напрягаю слух, пытаюсь определить, дома ли Уолт. Ничего не услышав, отправляюсь на кухню, и у меня падает сердце.

Я правда хотела, чтобы там был Уолт, и не только из-за того, что нам нужно поговорить.

Положив чек на стол, я открываю холодильник и бросаю взгляд на еду внутри. Не вдохновляет. Потом слышу голос:

— Я сейчас не за рабочим столом, поэтому передо мной нет модификаций устройства для клинических испытаний.

Разворачиваюсь и вижу, как Уолт выходит из кладовой, держа какие-то ингредиенты, которые он бросает на стол. Подняв глаза, он замечает меня, и я, немного смутившись, натянуто улыбаюсь. У него не только деловой звонок, который я, вероятно, прервала, но еще он полуголый. На нем только штаны от пижамы.

Увидеть Уолта без рубашки похоже по ощущению на момент, когда лет в двенадцать я случайно нашла один из маминых пикантных любовных романов. Мои щеки заливаются ярким румянцем, как будто я никогда раньше не видела обнаженного торса. Абсолютно нелепо. На занятиях я не раз рисовала с натуры голых людей — как мужчин, так и женщин. Не говоря уже о том, что у меня были парни. Несколько. И их я тоже видела голыми!

Так почему же меня так шокировал обнаженный торс Уолта?

В данный момент сказать сложно. Я слишком сосредоточена на том, чтобы проглотить комок в горле.

Уолт двигается первым, переключая внимание на ингредиенты, которые он принес из кладовой: банан, авокадо и банку арахисовой пасты, а также пакетики с семенами чиа и льна.

— В прошлом году Минздрав задержал одобрение шунтов для выведения спинномозговой жидкости из-за той же проблемы. Тебе нужно связаться с Майклом.

Я понятия не имею, о чем он говорит. Смотрю, как он чистит банан и кладет его в блендер, затем разрезает авокадо, ложкой вычерпывает из его половинок мякоть и тоже бросает все это в блендер. Сделав паузу, он огибает стол и идет к холодильнику — то есть, ко мне — и я не успеваю понять, чтобы стоило бы сдвинуться в сторону, как он оказывается прямо передо мной.

Наверное, человек на другом конце линии что-то рассказывает в эйрподсы Уолта, потому что он не произносит ни слова, а выжидающе глядит на меня сверху вниз.

— *Отойди*, — наконец произносит он одними губами.

Пискнув что-то похожее на извинение, я на шаг отхожу, чтобы он мог открыть холодильник и достать другие ингредиенты. Миндальное молоко и шпинат добавляются к тому, что лежит на столе, затем Уолт качает головой и начинает спорить с человеком на другом конце линии.

— Именно по этой причине у нас есть представители в операционных. Нет. Подожди... Затем он исчезает в коридоре, оставив свою еду на столе.

Я слышу, как открывается дверь. Похоже, он ушел к себе в кабинет — в комнату за библиотекой, куда я еще не осмеливалась заглянуть, — поэтому пару минут я его жду. Может, он скоро вернется. Но проходят минуты, а его нет. Решаю, что, пока жду, можно приготовить себе на завтрак яичницу и, закончив есть, иду на цыпочках по коридору и

останавливаюсь за его дверью. Уолт до сих пор разговаривает по телефону, и мне становится жалко его. Наверное, он проголодался.

Вернувшись на кухню, я, прищурившись, изучаю ингредиенты для его смузи. Можно либо убрать их, чтобы они не испортились, либо сделать для него смузи самой. Что бы я ни выбрала, я в любом случае могу облажаться. Он может разозлиться или из-за того, что по моей милости ему пришлось тратить время и доставать все из холодильника снова, или из-за того, что я сделала смузи как-то неправильно. Наверное, лучше все-таки попытаться помочь ему, чем ничего не делать вообще. Я бросаю горсть шпината поверх банана и авокадо, затем аккуратно отмеряю по две столовые ложки семян каждого вида и кладу их в смесь. Зачерпываю ложку арахисовой пасты и вливаю немного миндального молока. Бросив сверху немного льда, я включаю блендер, и смесь становится ярко-зеленой. Отпиваю глоточек, и результат приятно удивляет. Ну уж противно ему не будет точно.

Закончив, я убираюсь, одновременно прислушиваясь, и оказывается, что Уолт все еще разговаривает по телефону.

Я не уверена, ест ли он на завтрак что-то еще, кроме смузи, но решаю сделать яичницу-болтунью, а затем завариваю ему вкусный латте с помощью эспрессо-машины, в которой я теперь дока. В шкафчике, на полках с тарелками, я нахожу серебряный сервировочный поднос, ставлю на него всю еду, кладу вдобавок свой чек и несю поднос по коридору.

Теперь из кабинета ничего не доносится. Я поворачиваю за угол и вижу, что Уолт сидит за столом и сосредоточенно печатает на компьютере. Его наушники лежат рядом с клавиатурой, так что, по крайней мере, я не прерываю его разговор.

— Тук-тук.

Уолт поднимает взгляд и перестает печатать.

С робкой улыбкой протягиваю поднос, но Уолт почему-то не приглашает меня зайти в кабинет, что по какой-то нелепой причине меня задевает. Чувствую, как мои щеки снова краснеют, и как бы полуоборачиваюсь на пятках, чтобы убежать обратно по коридору.

— Я... я просто отнесу это на кухню. Съешь, когда проголодаешься.

Хочется провалиться сквозь землю. Seriously, нет слов. О чем я только думала, решив приготовить ему завтрак?! Я ему вовсе не друг! Я чужой человек, которого он был вынужден приютить, и на его месте я бы хотела, чтобы со мной общались как можно меньше.

Я успеваю сделать два шага по коридору, прежде чем он заговаривает.

— Просто занеси поднос в кабинет.

Глава 8

С трясущимися руками я несю поднос обратно в кабинет Уолта.

Остановитесь. Хватит трястись, говорю я им, пытаюсь обуздать непослушные конечности.

Если он это заметит, то поймет, что может влиять на мое самообладание. А мне бы не хотелось доставлять ему такое удовольствие.

Переступив порог, вижу, что Уолт как сидел у себя за столом, так и сидит, не обращая внимания на мое возвращение. Он не поднимает глаза, даже когда я останавливаюсь и жду его указаний.

Он просто продолжает печатать.

Мои руки, наконец, прекращают дрожать — раздражение побеждает нервозность.

— Ты вроде просил принести тебе завтрак. Мне же не послышалось, что ты так сказал?

— Можешь поставить поднос вон туда, — говорит он, по-прежнему не поднимая глаз.

Какая наглость. Вот честно.

Вместо того, чтобы озвучить свои мысли, я откашливаюсь и ставлю поднос — чуть менее аккуратно, чем могла бы сделать сначала, — прямо на бумаги у него на столе. Несколько капель латте выплескивается на поднос.

— Я бы хотела поговорить с тобой, — сообщаю решительно и вздергиваю подбородок.

Выгнув бровь, он тянется за своим смузи. Отпивает большой глоток и отвечает:

— Поговорить?

— Да. Я думаю, ты должен мне как минимум пару минут разговора.

Уолт берет тарелку с яичницей, никак не давая понять, можно мне продолжать или нет. Какое-то время я смотрю, как он ест, немного встревоженная тем обстоятельством, что меня так и тянет взглянуть на его голую грудь. Когда он подносит вилку ко рту, мышцы на его руке напрягаются, что привлекает все мое внимание *целиком*.

Он перехватывает мой взгляд до того, как я вновь обретаю способность его отвести.

Я стискиваю зубы от злости.

— Могу прийти в более подходящее время, — говорю, поднимая глаза к потолку.

— Я работаю по субботам. Сейчас такое же подходящее время, как и любое другое, если ты хочешь поговорить. Потом я до полудня буду на телефоне.

Что ж, прекрасно. Я все же способна удержать свой язык от вываливания изо рта. Уолт не настолько красивый!

— У меня есть пара вопросов, которые я хотела бы обсудить. — Стараюсь говорить деловым тоном, чтобы у него не возникло неверных идей, почему я его донимаю.

— Тогда вперед.

На столе вибрирует сотовый, и Уолт переводит звонок на автоответчик. Я воспринимаю это как хороший знак.

— Я хотела поблагодарить тебя за предложение пожить у тебя дома, и хотя сначала я думала, что пробуду здесь всего несколько дней, не станешь ли ты возражать, если я останусь еще ненадолго?

Я даю ему возможность спросить о причине, но он молчит, поэтому я все равно ее излагаю.

— Я художник — как ты, наверное, уже догадался, — а у тебя есть картина...

— «Банкетный натюрморт», — говорит он.

— Да, — отвечаю, внезапно преисполнившись энтузиазма от возможности обсудить ее с ним. Я подаюсь вперед. — В начале года я видела, что ее выставили на аукцион «Christie's». Как она оказалась у тебя?

Он замечает ударение на словаа «у тебя» и прищуривается.

— Я купил ее, — просто говорит он.

Я немедленно даю заднюю, понимая, что, возможно, задела его самолюбие.

— Ясно. Ну... по понятным причинам картина меня привлекла, и я планирую нарисовать серию по ее мотивам. Что значит, что в идеале у меня должен быть доступ к ней на регулярной основе.

— Я же сказал, что тебе можно жить здесь, — говорит он, как будто раздраженный тем, что я вываливаю на него ненужную информацию.

— Да, и я благодарна, но для меня важно показать, что я не пользуюсь ситуацией тебе в ущерб. Вот там на подносе чек, — я указываю на сложенный вдвое листок, — который должен покрыть арендную плату за пару недель, а также часть стоимости испорченного

мною ковра.

Уолт одной рукой берет чек и разворачивает его. Затем равнодушно бросает на стол и возвращается к завтраку.

— У тебя все?

Боже, а он крепкий орешек.

Возможно, раньше я бы постеснялась поднять следующую тему, но, похоже, испортить его мнение о себе еще сильнее я уже не могу, а значит мне можно продолжить.

— Нет, есть еще кое-что. Я дочитала то, что прислал твой юрист, и почти все в порядке...

— Хорошо.

— Но там ничего не написано о том, как я должна вести себя как твоя жена.

Под моим взглядом Уолт перестает есть, затем аккуратно кладет вилку на серебряный поднос. Его карие глаза встречаются с моими, и я ощущаю выброс адреналина.

— Я просто не знаю, чего ты от меня ожидаешь, — поясняю я.

— В каком отношении?

Я мгновение пожевываю губу, пытаюсь придумать, как бы поделикатнее выразиться.

— Я знаю, что наш брак — просто бизнес, как ты уже говорил. — Уолт открывает рот, и я спешу прервать его, прежде чем он сможет заговорить и эффективно нанести мне в сердце удар каким-нибудь жестоко безразличным ответом. — Я не питаю иллюзий, что у тебя есть чувства ко мне или что-то типа того. — Чувствую, как щеки пылают, и торопливо продолжаю, чуть не спотыкаясь о слова в стремлении поскорее их произнести: — Просто, когда я сюда приехала, Ребекка и Террелл называли меня миссис Дженнингс, и... ну, я не говорила им свое имя, поэтому, может, его сказал ты? Я предположила, что мы не будем рассказывать о нашем браке, и мне не хочется, чтобы ты думал, что я проболталась.

— Я попросил Мейсона сообщить им, что ты переедешь. Должно быть, он взял на себя смелость назвать им твое новое имя. Теперь, когда кот выпущен из мешка, я думаю, что это и к лучшему. Я поразмышлял в последние дни и понял, что наличие жены может послужить мне на пользу.

— Каким образом?

— Ну, во-первых, в Нью-Йорке у меня репутация немного... — он опускает взгляд и откашливается, — холодного человека. — Его карие глаза снова встречаются с моими, и уязвимости в них уже нет. — Думаю, что жена может смягчить этот образ.

Я невольно улыбаюсь. Здорово, что под внешностью робота у Уолта все-таки есть настоящие человеческие эмоции. Ему не нравится его репутация. Ему не нравится, когда его называют холодным. Интересно.

— Плюс я никогда не был заинтересован в браке, из-за чего в моих прошлых отношениях иногда возникали недоразумения. Теперь их не будет, поскольку я официально ушел с брачного рынка.

— Значит, ты планируешь и дальше с кем-то встречаться?

Говорю так, будто меня это шокирует.

Он хмурят брови.

— А почему нет?

Да, Элизабет, почему нет?!

Я выдавливаю смешок и качаю головой.

— Да нет, я просто... просто не знала. Если подумать, то да, ты, конечно, можешь и

дальше с кем-то встречаться. Я вовсе не намекала, чтобы ты прекратил. Я... всего лишь... — Я запинаясь, путаясь в мыслях, пока он внимательно наблюдает за мной. — Всего лишь подумала, что у тебя нет времени на такие дела, ведь ты очень много работаешь.

Он негромко хмыкает.

— Уверю тебя, на такие дела я всегда найду время.

Вау.

Привет, бабочки в моем животе. Пожалуйста, успокойтесь. Он говорит о том, что без проблем найдет время на романтику с *другими* женщинами, а не со мной. Да и с чего вообще ему находить время на меня?!

— Значит, ты будешь не против, если я тоже буду с кем-то встречаться?

На первый взгляд, вопрос совершенно уместный, но в глубине души я знаю, что за ним стоит лишь желание доказать, что у меня тоже есть романтика в жизни. Много романтики. Целая куча.

— Конечно, нет, хотя я рассчитываю, что ты будешь проявлять осмотрительность. Теперь, когда мы женаты, наши отношения будут у всех на виду, и, как я уже упоминал, у меня есть репутация. Этот город меньше, чем кажется, а слухи распространяются быстро.

— Поняла.

Он возвращается к своему компьютеру.

— Я попрошу Мейсона, чтобы на следующей неделе он разместил в «Таймс» объявление о нашей свадьбе.

Хочется задать еще миллион вопросов — об объявлении, о его ожиданиях от меня, о договоренности, которую мы заключили, чтобы я продолжала жить здесь, — но я чувствую, что время для меня у Уолта закончилось, и ухожу к выходу из кабинета.

— Элизабет, — останавливает он меня на пороге.

Я оглядываюсь через плечо.

— Спасибо за завтрак.

Я улыбаюсь, после чего выхожу в коридор, приятно удивленная тем, как прошел разговор. Я бы не сказала, что Уолт принял меня как-то особо тепло, но он хотя бы ответил на мои вопросы, и теперь я больше не чувствую, будто иду по минному полю. Ладно... чувствую, но уже не так сильно.

Прибравшись на кухне, я возвращаюсь в библиотеку — уже предвкушая, как проведу там весь день. Заворачиваю за угол и, зайдя внутрь, вновь удивляюсь тому, что за ночь Уолт многое там изменил.

Я ошеломлена. Перемены немаленькие. Потребовалась бы целая команда людей, чтобы все это повернуть. Ни диванов, ни журнального столика теперь нет. Сняты и тяжелые шторы, чтобы в комнату проникал естественный свет. Мой маленький стол и стул остались на месте, но виниловое покрытие на полу стало в пять раз больше, и теперь у меня гораздо больше пространства для работы.

Однако самым примечательным является новый мольберт — и не просто мольберт. Я сразу узнаю фирму «Abiquiu Deluxe», потому что мечтала о мольберте их производства вот уже... лет, наверное, десять. Такие мольберты стояли в студиях у некоторых моих профессоров в RISD, и я пускала на них слюни при каждом удобном случае. Вместо того чтобы стоять, напрягая спину, сгорбившись над столом, я смогу закреплять холст на нужной мне высоте и регулировать его наклон. Если держать холст вертикально, то излишки пастели будут падать и собираться на подносе мольберта, а не размазываться по рисунку.

Это «рендж-ровер» среди мольбертов, и, если честно, я готова расплакаться.

Не думая, я выскакиваю в коридор и бегу к кабинету Уолта. Дверь все еще открыта. Уолт разговаривает по телефону, он уже занят, но мне все равно. Я сжимаю ладони и одними губами произношу:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — И подпрыгиваю от радости.

Он кивает — клянусь, на его лице тоже мелькает проблеск улыбки, — и я убегаю обратно в библиотеку.

Весь день я работаю и через стену слышу, как Уолт разговаривает по телефону и печатает на клавиатуре. Его слов не разобрать, но мне нравится это напоминание о том, что он здесь, в одной квартире со мной. Я и не подозревала, насколько одинокой была в последние несколько дней — в последние несколько, черт возьми, *лет*.

В колледже у меня было мало друзей. В самом начале кто-то узнал, кто я и из какого семейства, и это отдалило меня от однокурсников. Они решили, будто я заносчивый сноб, родившийся с серебряной ложкой во рту, и не было смысла пытаться им объяснить, что хоть я и выросла в мире богатых, но не совсем принадлежу ему. Они считали, что их места в престижном арт-колледже заработаны честным трудом, а мое просто подарено. Поэтому на мои работы всегда смотрели критически, и мне постоянно приходилось доказывать, что я чего-то стою, и работать как можно усерднее.

Меня в целом устраивало это вынужденное одиночество — так я могла полностью сосредоточиться на искусстве. За пять с половиной лет колледжа я добились большого прогресса, отточила свою уникальную технику и нащупала собственный стиль. В моих пастельных полотнах появилась индивидуальность, и теперь, когда я закончила колледж — на семестр раньше, чем большинство однокурсников, — можно было начать совершенствовать этот стиль и попробовать закрепиться в перенасыщенном мире искусства Нью-Йорка.

В субботу наши с Уолтом пути больше не пересекаются — что странно, учитывая нашу близость друг к другу. Обедая на кухне, я нервничаю и поглядываю на дверь в ожидании, что появится он, но он не выходит из кабинета. Вечером, пока я перед сном умываюсь, слышу, как подъезжает и затем отъезжает лифт. А возвращается Уолт только на следующий день, ближе к полудню.

Сидя у телевизора, я напрягаю слух, пытаюсь определить, в мою сторону он идет или нет, но через десять минут чувствую себя глупо и снова переключаю внимание на экран.

Час спустя хлопает дверь, и Уолт снова уходит. Видимо, чаще всего мы с ним будем как два корабля, проплывающие мимо друг друга в ночи. Интересно, зачем ему такая большая квартира, если в большинство ее комнат он почти не заходит? Ему, наверное, было бы неплохо и в маленьких апартаментах, если б там было место для его стола и костюмов.

На следующей неделе эта мысль становится еще более очевидной. Ничего не меняется. Даже становится хуже. Я знаю, что в квартире Уолт все-таки был, лишь потому, что в один из дней он оставил на кухне записку с просьбой отдать несколько его костюмов Ребекке, чтобы та отнесла их в стирку. В записке указано название высококлассной химчистки, и я решаю отнести туда одежду сама, чтобы у меня наконец-то появилось занятие за пределами квартиры.

На двери, возвещая о моем прибытии, звякает колокольчик, и миниатюрная женщина за прилавком заученно улыбается, а затем ее глаза распахиваются от шока.

Я оглядываюсь за спину, гадая, что или *кого* она там увидела.

— Миссис Дженнингс! — восклицает женщина, а когда я вновь поворачиваюсь к ней, бегом огибает прилавок, чтобы забрать у меня костюмы.

Я хмурю брови, пытаюсь вспомнить, знаю я ее или нет.

— Э-э... здравствуйте. Мы знакомы? — спрашиваю, продолжая ломать голову.

Она смеется и качает головой, потом быстро возвращается за прилавок и передает костюмы помощнице.

— Нет, нет. Я видела вас и мистера Дженнингса в газете!

Вид у меня, должно быть, по-прежнему озадаченный, поэтому она тянется за светло-розовыми очками для чтения и водружает их на переносицу, после чего перебирает бумаги на стойке, пока не находит газету.

— Вот, на первой странице.

Она передает мне воскресный выпуск «Нью-Йорк Таймс» и, улыбаясь, постукивает пальцем по фото.

И действительно, на черно-белой фотографии во всю первую полосу — я.

«Две великие американские династии объединились в тайном браке» — гласит жирный заголовок в верхней части страницы. На фотографии ниже мы с Уолтом стоим рядом друг с другом в зале суда: я смотрю на свои руки, фактически сжимая их, а Уолт, стоя в профиль, смотрит на меня сверху вниз. Для меня мы выглядим именно теми, кем и являемся: чужими людьми, вступающими в брак по расчету. Но женщина из химчистки подается вперед и постукивает по бумаге.

— Смотрите, как мило, когда он вот так на вас смотрит.

Так и тянет спросить — «вот так» это как?

Выражение его лица, как всегда, непроницаемо. Сжатые губы, острые скулы, нахмуренный лоб. Я ни за что на свете не смогла бы угадать его мысли, но женщина настаивает, что из нас получилась потрясающая пара.

— Взгляните на себя, — говорит она, касаясь на снимке меня. — Вы просто роскошны. Неудивительно, что он сделал вам предложение.

Я смотрю на себя, одетую в платье с леопардовым принтом. Волосы, касаясь щеки, лежат на плече. Лицо еще покрасневшее от холодного зимнего ветра. Пытаюсь взглянуть на нас объективно, чтобы понять, действительно ли мы красивая пара, но не могу. Я вижу лишь девушку, которая совершенно растеряна.

Я не знала, что нас кто-то фотографировал. Наверное, это был Мейсон — и, вероятно, по приказу Уолта, чтобы затем фотографии можно было использовать в объявлении, вроде этого. Я рада, что он нас снял. Пусть наш брак и фиктивный, иметь свое свадебное фото очень приятно.

В статье есть и другие фотографии: профессиональный снимок лица Уолта и снимок улыбающейся меня с прошлогодней семейной фотосессии в честь Рождества.

Не в силах удержаться, я бегло просматриваю начало статьи.

18 февраля Уолтер Дженнингс II и Элизабет Брайтон сочетались гражданским браком. Благодаря тесному сотрудничеству их семей, они дружили в течение многих лет и воссоединились незадолго до того, как миссис Дженнингс окончила Школу дизайна Род-Айленда и переехала в Нью-Йорк.

Интересно, кто скормил им эту информацию. Без сомнения, Мейсон. Что ж, полагаю, такой текст звучит лучше, чем «пара была вынуждена пожениться в стратегических целях ради управления целевым фондом и его распределения. Ах, какая романтика».

— Вы видите эту статью в первый раз? — спрашивает женщина.

Я смущенно киваю. Я даже не знала, что вчера ее опубликовали.

— Тогда возьмите газету себе.

— Спасибо. Большое спасибо.

Она улыбается и, сказав, что костюмы Уолта будут готовы к завтрашнему вечеру, подает мне квитанцию. Сумма немного шокирует, и я от всей души радуюсь, что у Уолта есть счет в химчистке.

Когда, взяв газету, я уже собираюсь уйти, женщина хмурится.

— Без кольца?

Не сразу понимаю, о чем она. Бросаю взгляд на квитанцию, как будто она могла иметь в виду что-то, что написано там.

— Что?

— Вы без обручального кольца? — уточняет она.

— Ой. — Я неловко смеюсь и выдаю первую пришедшую в голову ложь. — Я отдала его уменьшить.

Она понимающе закатывает глаза.

— Почему мужчины никогда не спрашивают нас о размере? Наверное, не хотят портить сюрприз.

Я смеюсь вместе с ней, показываю квитанцию в знак благодарности, а затем выскальзываю за дверь.

Возвращаясь домой, стараюсь, чтобы ветер не смял газету. Думаю, видел ли статью Уолт, а потом смеюсь над собой. Естественно, видел. Бьюсь об заклад, он даже сначала одобрил ее черновик перед тем, как ее отправили на печать.

Когда поворачиваю за угол, мое внимание привлекает антикварная лавка впереди. Не раздумывая ни секунды, захожу внутрь и иду напрямик к менеджеру за стойкой.

— Не могли бы вы показать ваши винтажные обручальные кольца?

Глава 9

— Что это?

Я поднимаю взгляд от разделочной доски и вижу Уолта, который стоит по другую сторону кухонного островка и смотрит на мою левую руку.

— Обручальное кольцо.

— От кого?

Невольно смеюсь.

— Ну, формально, от меня мне, но если кто-нибудь спросит, я скажу, что оно от тебя.

— Вряд ли я бы подарил *такое* кольцо.

Я не обижаюсь на критику. Кольцо представляет собой тоненькую полоску потускневшего золота. Внутри выгравировано имя — Эллен. Когда я спросила об этом менеджера антикварной лавки, она пожала плечами и сказала:

— Я не знаю, чье оно было, но Эллен — такое же хорошее имя, как и любое другое. Если вы купите его за наличные, сбавлю цену наполовину.

Это была сделка, от которой я не могла отказаться.

Очевидно, Уолту не понравилось кольцо, которое я выбрала для себя, потому что на следующее утро я нахожу на кухонном островке черную коробочку, а рядом записку.

Для Элизабет

Посмеиваясь, открываю коробочку. И с потрясенным вскриком роняю ее, отступив,

словно ее содержимое может выпрыгнуть и укусить.

Охреть.

Вот это кольцо...

Должно быть, Уолт совершил налет на Смитсоновский институт и похитил алмаз Хоупа.

Просто чтобы убедиться, что мне не привиделось, я на цыпочках подхожу к коробочке и заглядываю в нее. Кольцо, конечно, по-прежнему там. Камень кажется даже больше, чем в когда я узрела его в первый раз: это огромный бледно-голубой бриллиант винтажной огранки, весом в какое-то безбожное количество карат.

Прикасаться к кольцу слишком страшно, и, оставив его в черной коробочке, я возвращаюсь в библиотеку, где весь день тружусь над своей серией. Позже, пока я сижу на кухне, ужинаю в одиночестве пастой и смотрю на черную коробочку, я прихожу к заключению: принять от Уолта это кольцо я не могу.

Поев, я беру записку и вместе с кольцом уношу к нему в кабинет, а там пишу его ручкой новое сообщение под его первоначальным.

Спасибо, кольцо очень красивое, но принять его я не могу.

Довольная своим решением, ухожу к себе в комнату и принимаю душ, после чего переодеваюсь в пижаму. Пока я, сидя в постели, читаю, полуприкрытая одеялом, в дверь стучат.

— Элизабет?

Мда. Мы полторы недели почти не виделись, а теперь он вдруг захотел поболтать, когда я так выгляжу? Оглядываю себя и решаю, что не успею надеть под пижаму лифчик. Но, скорее всего, Уолт и так не поймет, что на мне его нет. Ведь он полуробот. На всякий случай скрестив на груди руки, я разрешаю ему войти.

Дверь открывается, и Уолт, подсвеченный со спины теплым светом из коридора, переступает порог. В отличие от меня, он выглядит как всегда безупречно. На нем еще одет деловой костюм, волосы лежат идеально, в точеных чертах лица нет и намёка на усталость. Я как-то пыталась угадать, сколько часов он спит по ночам. Вряд ли много, но это, похоже, никак на него не влияет.

— Ты неправильно истолковала мой жест, — говорит он, заходя в комнату и целеустремленно направляясь к моей кровати.

Он кладет черную коробочку с кольцом на мою тумбочку.

— Это был не подарок.

Я хмурюсь, когда он выпрямляется во весь рост. Даже в обычных обстоятельствах нет ощущения, что мы на равных, но когда я сижу на кровати, а он надо мной нависает, будто угроза, этот факт подчеркивается еще сильнее.

— А что тогда?

— Часть нашего соглашения, и обсуждению оно не подлежит.

— По-моему, это кольцо совершенно нормальное, — говорю я и в доказательство поднимаю руку. Он смотрит с неприкрытым презрением, и я не могу удержаться от смеха. — О, да ладно тебе. Оно не такое уж и плохое. И обошлось мне всего в 15 долларов.

— Прости, но тебя просто ограбили.

Он протягивает руку ладонью вверх — совершенно понятно, чего он хочет. Я подаю ему левую руку, и он без промедлений берет ее и снимает тонкий золотой ободок. Против моей воли от того места, где он ко мне прикасается, распространяется покалывание. Его рука

сильная, твердая — такая же уверенная и решительная, как и он весь. Не отпуская меня, он открывает коробочку, вытаскивает мое новое кольцо и быстро надевает его мне на палец. Как будто боится, что я продолжу артачиться.

Кольцо с гигантским бриллиантом садится идеально.

Уолт отпускает меня, и я перевожу на кольцо задумчивый взгляд.

— Почему оно так хорошо подошло? Ты не спрашивал о размере, и хотя ты кажешься достаточно компетентным, я не верю, что ты можешь просто взглянуть на чью-то руку и сразу определить размер кольца.

— Было бы очень удобно, но нет, я так не умею. Я попросил экономку взять одно из твоих колец. Не смотри так возмущенно — она положила кольцо на место сразу после того, как его измерил мой ювелир.

— Ладно, но... ты мог бы просто узнать размер у меня и, если уж на то пошло, спросить мое мнение. Оно совсем не в моем стиле.

Уолт склоняет голову набок, изучая меня.

— Ты всегда так рассыпаешься в благодарностях, когда получаешь подарки?

— Ты вроде сказал, что оно не подарок.

Уолт потирает висок, как будто из-за меня у него болит голова.

— Носи кольцо, Элизабет, — говорит он, поворачиваясь на каблуках. — На выходных я устраиваю здесь, у себя дома, ужин.

— Мне нужно присутствовать?

— Да, думаю, будет странно, если тебя там не будет, учитывая, что ужин устраивается в нашу честь. И я ожидаю увидеть на твоём пальце кольцо.

Он уже уходит — вероятно стремясь, как всегда убраться от меня подальше. Не могу удержаться и спрашиваю его, пока он опять не исчез:

— Как дела на работе?

Он оборачивается, явно сбитый с толку вопросом.

Я пожимаю плечами, показывая, что ничего особенного не имела в виду.

— Просто пытаюсь сделать происходящее более цивилизованным. Нормальные мужья и жены, наверное, интересуются друг у друга, как прошел их день.

— На работе все хорошо.

Ясно, что он не планирует продолжать разговор, задавая похожий вопрос мне, поэтому я мягко улыбаюсь и тянусь за своей книгой.

— Что ж, спокойной ночи.

Он еще секунду стоит, глядя на меня, лежащую в постели, после чего коротко кивает.

— Спокойной ночи.

После статьи в «Таймс» квартиру Уолта начали заваливать свадебными подарками. Возвращаясь домой, я каждый раз обнаруживаю их — как минимум новую дюжину — возле лифта. Но не трогаю, не зная, что с ними делать, по двум причинам. Во-первых, мне кажется неправильным открывать их без разрешения Уолта. Во-вторых, они были отправлены под ложным предлогом. Мы не должны получать свадебные подарки, потому что мы не молодожены.

В четверг утром, когда я выхожу погулять в парк, пытаюсь убедить себя, что наступает весна, хотя на улице еще минус пять, мне звонит Мейсон.

— Привет, Мейсон. Как дела? — спрашиваю его, чтобы превратить то, что наверняка

будет исключительно деловым звонком, во что-то более личное.

Как это ни печально, Мэйсон — самый близкий мне человек в Нью-Йорке, не считая Уолта. Ну разве не жалко?

— Все хорошо. Спасибо. А как вы?

— О, вообще-то отлично. Вышла подышать свежим воздухом.

— Рад это слышать. Я звоню, потому что Уолт хочет, чтобы вы начали открывать и разбирать доставленные подарки. Сегодня курьер привезет конверты, поэтому, когда у вас будет свободное время, начните, пожалуйста, писать благодарственные письма. Я отправил вам на почту шаблон, который можно использовать, чтобы упростить это дело.

Глупо, наверное, но разрешение открыть подарки приводит в восторг — хоть они и не предназначены мне. Они останутся в квартире Уолта после того, как я съеду, но все равно, будет весело притвориться, что...

К сожалению, меня немного разочаровывает отсутствие изобретательности у людей.

Более половины подарков — это хрусталь или фарфор. Чайные сервизы, кольца для салфеток, изысканные подставки для столовых приборов, чаши для фруктов, менажницы сливаются воедино. Боже милостивый, где Уолт собирается хранить все это барахло? На его кухне уже есть все эти предметы.

Одинаковость подарков делает сочинение благодарственных писем довольно утомительным делом. В итоге вместо того, чтобы придумывать что-то самостоятельно, я беру шаблон Мейсона, потому что ну сколькими разными способами можно сказать «спасибо за хрустальную вазу»?

Несколько подарков, однако, выделяются на фоне других. Кто-то нашел время на то, чтобы поместить газетное объявление о нашей свадьбе в затейливую золотую рамку, и я немедленно утаскиваю ее к себе в комнату. Еще я обнаружила два одинаковых банных халата с нашими монограммами, к которым супружеская пара дарителей добавила элегантную коробку с макаронами от «Ladurée». Я сразу набрасываюсь на сладости, одновременно закутываясь в свой новый халат. Будьте уверены, эти добрые люди получают экстрадлинное благодарственное письмо, написанное от чистого сердца и дополненное пятнышком от малинового крема, которое у меня не выходит стереть. Ой.

Пока я распаковываю подарки, утро приносит лишь наслаждение. Но потом звонит моя мать.

Я оставляю звонок без ответа — не хочу, чтобы меня беспокоили, — но она звонит снова, и я отвечаю. Вдруг что-то важное.

— Привет, мам

— Здравствуй, Элизабет. Как ты?

— Все хорошо. А как дела у тебя?

Не утруждаясь ответом на этот вопрос, она продолжает:

— Ты еще живешь в том отеле в Нью-Йорке? Пожалуйста, скажи, что ты переехала в более приличное место.

На секунду задумываюсь, не рассказать ли ей, где я теперь живу. Нет, лучше не надо. Я не знаю, что она сделает с этой информацией. Скорее всего, усмотрит в ней нечто большее, чем есть на самом деле.

Поэтому я сообщаю лишь минимум.

— Я нашла квартиру.

— Правда? Где? Пожалуйста, скажи, что в твоём здании есть хотя бы швейцар. Ты

совсем одна в городе, и я беспокоюсь.

— Э-э, да, швейцар есть.

— Хорошо. Так где она расположена? Надеюсь, не к северу от 96-й улицы.

— Вообще-то, она в Трайбеке.

— В Трайбеке? Как ты можешь позволить себе квартиру со швейцаром в Трайбеке?

— Она... э-э... совсем маленькая.

— Разумеется. Иначе никак. — Я практически вижу, как она морщится. — Не понимаю, почему ты решила жить там, когда могла бы вернуться и заниматься своим искусством дома.

А лучше нашла бы профессию, которая тебе больше подходит.

Сама фраза «заниматься своим искусством» заставляет мою кровь закипеть. Мать меня принижает и знает об этом.

— Мам, ты серьезно? Опять? Я скоро перестану отвечать на твои звонки.

— Ну хорошо, отложим этот вопрос на потом. Вообще я позвонила по очень важной причине — и не затем, чтобы читать тебе лекции. Мне нужна твоя помощь.

— Моя помощь? Что теперь? Кстати, ты уже говорила с Шарлоттой? Ты же понимаешь, что она и не планировала убежать со своим водителем, да? Все это было враньем. Ты слишком легко позволила ей сорваться с крючка.

— Не смей говорить со мной в таком тоне. Шарлотта — не твоя забота, и с ней я разберусь, но то, что ты сделала для своего отца и меня... ну, я не думаю, что это была такая уж огромная жертва. Только не после всего, что мы для тебя сделали.

Я немедленно ощетиливаюсь.

— После всего, что вы для меня сделали?

— Да. Пока ты росла, мы предоставляли тебе *все* ресурсы, в которых ты нуждалась. Все, о чем ты мечтала — уроки верховой езды, уроки танцев, частных репетиторов. Ты училась в самых престижных школах, и тебя познакомили со всеми нужными семьями.

Я прикусываю язык, чтобы не вступать в спор о том, что на самом деле нужно ребенку. Мать никогда не посмотрит на это с моей точки зрения. Лучше поберегу силы.

Когда я не спорю, ее тон смягчается.

— С учетом всего вышесказанного, я бы хотела, чтобы ты поговорила от нашего имени с Уолтом. О наших ежемесячных выплатах. Они едва покрывают счета по кредиткам, не говоря уже об ипотеке, страховке и расходах на проживание.

Конечно. Я знала, что эта тема однажды всплывет. Я знала, что назначенной суммы не будет достаточно для их привычного образа жизни.

— Ты не можешь поговорить с ним сама? Я не соглашалась быть вашим посредником.

— Я бы донесла до него нашу проблему, если бы он отвечал на звонки. Мы пытаемся связаться с ним с тех пор, как получили второй перевод. Это не деньги, Элизабет, это гроши, — сердито шипит она.

— Я не знаю, почему ты считаешь, что я смогу заставить его увеличить вам выплаты. Я не имею на него никакого влияния. Мы даже не друзья.

— Что ж, тогда подружись с ним, Элизабет. Через несколько дней я ожидаю от тебя новостей. Пожалуйста, сделай это для нас.

Я не хочу идти с этим к Уолту. Если честно, я очень стараюсь не ассоциироваться в его глазах с моими родными. Он не питает к ним особой любви, и я не хочу, чтобы его неприязнь перешла на меня. Хотя это, наверное, уже случилось. Вдобавок ко всему, я и так прошу от него слишком многого. Жить с ним и без того неловко. Не думаю, что смогу найти

в себе смелость, чтобы подойти и попросить о новой услуге.

Решаю подождать пару дней. Может, Уолт все же начнет отвечать на их звонки, и проблема уладится без моего участия. Это хороший план, учитывая, что у меня на повестке есть дела поважней, а именно постоянные звонки в «Hauser & Wirth». Я пытаюсь связаться с их директором по закупкам, чтобы узнать, берут ли они работы новых художников. Пока мне удалось пообщаться только с секретаршей в их нью-йоркском офисе, и я уже начинаю ее раздражать.

— Как я уже сказала вчера, я передала ваше сообщение команде.

Есть ощущение, что «команда» — это мусорное ведро у нее под столом, поэтому в пятницу утром я решаю отправиться в их галерею на 22-й улице и попытаться поговорить с кем-нибудь напрямую. Беру с собой несколько набросков и небольшие холсты, а также распечатанный рассказ о том, что за серию я запланировала. Мне кажется, для начала неплохо.

Но я ошибаюсь.

Нет, у меня все-таки получается проникнуть на второй этаж над галереей, где находятся офисы. Но там мне велят посидеть. У меня нет записи на прием — такое они очень не любят, — и я пытаюсь объяснить, что пыталась по-честному записаться, но мои слова остаются без внимания.

Я сижу там два часа сорок три минуты. Мимо, не замечая меня, ходят люди. Наконец из кабинета появляется молодая женщина. Она оглядывает коридор и закатывает глаза.

— Ну, хорошо, я с ней разберусь, — заявляет она, направляясь ко мне и ничуть не смущаясь, что мне ее было слышно.

Когда она останавливается передо мной, я вскакиваю и представляюсь.

Она коротко кивает и в ответ на мое приветствие бросает лишь свое имя: «Бет». Затем жестом показывает, чтобы я подала ей свое большое черное портфолио.

— Давайте взгляну.

Когда я поспешно вручаю портфолио ей, она бросает его на журнальный столик и прямо в приемной начинает листать. Просматривая наброски, она то с интересом мычит, то разочарованно хмыкает. Не знаю, как можно так быстро все посмотреть. Наверняка, ей потребуется некоторое время, чтобы обдумать и оценить то, что я принесла.

— Цель моей серии — использовать популярные современные техники и...

— Ну да. Ладно, — произносит она, прерывая меня. — Я понимаю, к чему вы, но ваши работы — не то, что нам сейчас нужно. — Она снова листает наброски и оценивающе склоняет голову набок. — Вот этот еще ничего. — Она говорит медленно, как будто признавать это ей больно. — Но он смотрелся бы лучше в более крупном формате.

— Я могу сделать крупнее и...

— Нет. Как я уже сказала, ваши работы — не то, что мы пытаемся приобрести в данный момент. Наш нынешний состав изобилует художниками, рисующими на холстах. Мы ищем разнообразие форм и материалов, скульптуры, современные инсталляции и все в таком духе.

— О.

— Вот это... и это... — Она постукивает по наброскам указательным пальцем. — Это картинки для кофеен.

Картинки для кофеен.

Три слова, которые по отдельности довольно хороши — кто не любит кофе? — но когда их соединяют вместе, они превращаются в унижительный отказ. Картинки для кофеен

равнозначны каракулям на грязной салфетке, которую, уходя, выбрасывают в мусорное ведро. Спасибо большое.

Мне не хочется спорить. *Не все могут поставить в гостиной какую-нибудь огромную скульптуру, Бет!*

Оно того не стоит. Я беру свое объемистое портфолио, которое теперь, кажется, весит в три раза больше, чем когда я приехала, благодарю Бет за помощь и ухожу.

Какая бесполезная трата времени.

Уже близится вечер, на улице холодно и темно. Сегодня Уолт устраивает ужин, и мне, пока я гуляю, стоило бы подыскать что-нибудь из одежды, но сейчас мне не очень хочется ходить по магазинам.

Я прохожу мимо бутика, в витрине которого выставлены платья, и со смиренным вздохом толкаю дверь.

Еще не успеваю окинуть взглядом стойки с одеждой, а шумная продавец-консультант уже подбегает ко мне, радужно улыбаясь.

— Добрый вечер, красавица. Что помочь вам найти?

Смысл жизни?

Свой путь?

Я останавливаюсь на самом простом ответе.

— Платье для званого ужина.

Она взмахивает рукой, как бы говоря: «Проще простого».

— Нужно что-то непринужденное или что-то формальное?

— Я... понятия не имею.

Она подмигивает и пожимает плечами, ничуть не смущенная предстоящей задачей.

— Давайте я посмотрю, что у нас есть, и встречу вас у примерочной.

К тому времени, как я выхожу из своей комнаты, одетая и готовая к ужину, в квартире Уолта уже всюду кипит жизнь. На кухне наемные повара суетятся вокруг двух кухонных островков, раскладывая закуски и готовя нечто похожее на ужин из нескольких блюд. По периметру работают официанты, которые разливают в графины вино, полируют серебряные столовые приборы и натирают до блеска бокалы.

Я часто видела подобную суету в доме родителей, но еще не была той, кто принимает гостей. Не знаю, кто все координирует — Мейсон, наверное, или Эйприл, — но когда я появляюсь на кухне, персонал выжидающе поднимает глаза на меня.

Я улыбаюсь и киваю.

— Здесь так вкусно пахнет. Уверена, ужин получится восхитительным.

На кухню заходит какая-то женщина с айпадом в руках, которая спрашивает у главного повара, будет ли готов ужин вовремя.

— Обязательно, — подтверждает он.

Затем эта женщина — судя по всему, она организатор ужина — поворачивается ко мне.

— Миссис Дженнингс! Замечательно. Я подумала, что мы могли бы по-быстрому обсудить, кто где сидит — просто на случай, если вы захотите внести какие-то изменения.

Я слишком медленно соображаю и непонимающе замираю на микросекунду дольше, чем нужно, а после смеюсь. Миссис Дженнингс — это же я. Это *меня* попросили обсудить рассадку гостей.

— Конечно. — Киваю. — Слушаю вас.

— Вас с Уолтером я поместила в центре, а не во главе стола, чтобы вы могли общаться с гостями. Знаю, что это не совсем правильно, но в наши дни так делают часто. Если вы хотите сесть по-другому, я...

— Нет, так нормально.

Я перевожу взгляд с карточки Уолта на свою. Уолтер и Элизабет Дженнингс. Какая идеальная вымышленная пара.

Я мысленно улыбаюсь.

— Тогда двигаемся дальше. — Женщина идет вдоль стульев, расставленных вокруг прямоугольного стола. — Здесь сядет Джейк, Кристина и Сара. Далее Марта, Сильвия Мэтью, Ин и Дорин...

— Куда ты посадила Камилу? — прерывает ее, заходя в столовую, Уолт.

Он еще не закончил готовиться — поправляет лацканы темно-синего пиджака, затем пододвигает часы, чтобы они идеально сидели на запястье.

— Она сядет там, — отвечает организатор, указывая на место слева в конце стола.

Уолт достает из кармана запонки. Под моим взглядом он начинает застегивать первую, но он так сосредоточен на том, куда организатор поместила ту гостью, что у него возникают проблемы.

Я делаю шаг вперед и, не спрашивая разрешения, беру у него запонку.

Его внимание резко переключается на меня, и я дразняще прищуриваюсь, как бы говоря: «Ну давай, отчитай меня за попытку помочь».

— Позволь мне, — говорю с улыбкой. Легко застегиваю первую запонку, а затем протягиваю ладонь за второй.

Он кладет ее, хотя никакой благодарности я не получаю.

— Я хочу, чтобы она сидела слева от меня, — говорит Уолт, имея в виду расположение Камилы.

— Разумеется. Без проблем, — отвечает организатор и быстро переставляет карточки.

— Такие красивые, — говорю я о запонках. Они тяжелые, круглые, а в центре каждой — камень, похожий на голубой гранит. — Откуда они у тебя?

— Это подарок.

— От кого?

Прежде, чем дать ответ, он бросает взгляд на женщину-организатора.

— От одного друга.

Очевидно, он осознает, что она в комнате, еще отчетливее, чем я.

В чем я убеждаюсь, когда он говорит, что я замечательно выгляжу — это сказано для организатора, а не для меня. И все же я рада, что занята его второй запонкой, и он не заметил, насколько его комплимент застал меня врасплох.

Он вообще ни разу не упоминал мою внешность. Мне неприятно, что я это знаю, но... факты есть факты. И его комплимент, каким бы незначительным он ни был, все равно ощущается, как нечто на миллион баксов.

— Спасибо. Я купила это платье сегодня.

У меня, в общем-то, не было права голоса при его выборе. Как продавец и обещала, она подобрала для меня полдюжины платьев, а затем ждала у примерочной и оценивала каждое из них.

— Слишком короткое.

— Слишком стягивает талию.

— Не ваш цвет.

От пятого платья — черного, средней длины, с одним открытым плечом — она пришла в абсолютный восторг, как только я вышла из примерочной. Трикотаж плотно обтягивает мою грудь, а вырез, оголяя плечо, переходит в облегающий лиф.

Мне платье понравилось не меньше, но цена оказалась немного выше того, что я была готова потратить.

Она тряхнула головой.

— Нет! Мне все равно. Я поделюсь с вами своей скидкой для персонала. Считайте, это чрезвычайной ситуаций. Оно словно специально сшито для вас!

До сего момента я думала, что она просто очень хорошо умеет убеждать людей покупать вещи, но Уолт смотрит на меня таким... одобряющим, что ли, взглядом. Тут звякает лифт, и начинают прибывать его гости.

Жаль, что мы не успели побольше поговорить и обсудить план нашей игры.

И жаль, что его сразу же умыкнули друзья, жаждущие пообщаться. Я понятия не имею, что они обо мне знают. И не знаю, кто может быть в курсе правды о нас, а кто полагает, что мы действительно влюблены. Вести разговоры с такими вводными сложно.

Меня затягивают в небольшую компанию женщин, чьи мужья работают в «Диомедике».

— Я умираю от желания узнать все подробности о вашей свадьбе. Выкладывай! От какого дизайнера было твое платье? Я увидела его в «Таймс», и оно мне понравилось. Молодец, что послала к черту традиции.

Я улыбаюсь.

— Спасибо. Если честно, не помню, где я его купила.

Конечно, помню — в «Zara», но я скорей откушу себе язык, чем раскрою сей факт этим дамам в дизайнерских шмотках.

— И пожениться в суде! — вмешивается другая женщина, шокированно смеясь. — Я думала, если Уолт и женится, то закатит свадьбу в каком-нибудь сказочном месте, но это... Так неожиданно.

Ясно, что ни одна из них не знает, что наш брак — чистая фикция. Они думают, что мы молоды и влюблены, а я должна стоять, улыбаться и смеяться, пока они болтают о том, какой красивая невеста из меня получилась.

Наконец к моему облегчению компания расходится на перерыв в туалет, и я могу перевести дух. Беру бокал шампанского у официанта и вдруг ощущаю, что через столовую на меня кто-то пристально смотрит.

Я поднимаю глаза и вижу группу из мужчины и трех женщин, которые смотрят на меня с нескрываемой жалостью и насмешкой. Видимо, эта компания, в отличие от большинства, знает правду. Когда высокая блондинка с четким каре замечает у меня на пальце кольцо, ее глаза округляются, и она, повернувшись к друзьям, начинает что-то быстро шептать. Они все пялятся на меня, даже не пытаясь это скрывать, и у меня внутри все сжимается. Я торопливо отвожу взгляд, пытаюсь сохранить самообладание.

Интересно, кто они такие? Близкие друзья Уолта? Он сказал им правду о нас? Надо будет спросить его. Надо будет узнать, что именно он рассказал. Я беспокоюсь, что в их реакции на меня виноват он, и в таком случае я хотела бы знать, что именно они обо мне знают, но Уолта нигде не видно.

Внезапно сидеть на званом ужине с этими людьми, становится, мягко говоря, пугающим. В разношерстной компании его коллег и друзей — тех, кто находится в

неведении о наших отношениях, и тех, кто знает правду — просто невозможно проглотить хотя бы кусочек еды.

Мне до тошноты надоедает быть объектом всеобщего внимания, и я решаю ненадолго спрятаться в библиотеке. Просто чтобы набраться храбрости, прежде чем вернуться в это змеиное гнездо.

Я ухожу в коридор, улыбаюсь проходящему мимо официанту, затем сворачиваю к библиотеке. Пустой коридор — услада для воспаленных глаз, и я ускоряю шаг, стараясь не стучать каблуками по мраморному полу, чтобы никто не заметил, куда я пошла. Чьи-то голоса проникают в мои мысли не сразу, только через пару секунд, и я замираю у библиотеки. Оглядываюсь, пытаюсь определить, откуда они доносятся, а затем снова слышу голос Уолта и резко поворачиваю голову вправо, к его кабинету.

— Мы обсуждали это тысячу раз, — говорит он измученным тоном.

— Это было до того, как я узнала, что ты купил ей кольцо!

Глава 10

Я замираю, слишком ошеломленная, чтобы двигаться, слишком боясь привлечь внимание к тому факту, что я всего в нескольких шагах от Уолта и таинственной женщины.

— Я не понимаю, почему кольцо что-то меняет.

— Это просто еще одна вещь, Уолт. Еще одна вещь, которую я должна попытаться понять, учитывая наше и без того запутанное соглашение. Разве ты не видишь, как это тяжело?

— Камила, кольцо — это просто кольцо. Ей нужно было кольцо, и теперь оно у нее есть. Мы можем обсудить это в другой раз?

— Нет. Я хочу обсудить это прямо сейчас. Ты невозможен. Я и двух слов из тебя вытянуть не могу, не говоря уже о крупице эмоций по поводу всей этой ситуации.

Я не слышу ответа Уолта, но проходит всего пара секунд, и за дверью кабинета раздаются шаги. Я отпрыгиваю в библиотеку и, прижавшись к стене рядом с дверным проемом, прячусь в тени.

Задерживаю дыхание и зажмуриваюсь, пока Камила проходит мимо. Наконец ее шаги затихают в глубине коридора, но я продолжаю стоять, дрожа от прилива адреналина и пытаюсь успокоить свое бешено колотящееся сердце.

Уолт не идет за ней. Я слышу его через стену. Раздается тихий звон стекла, плеск наливаемой жидкости. Я представляю, как он потирает виски — как при разговорах со мной — и делает большой глоток алкоголя.

До этого момента я и не подозревала, что в жизни Уолта есть женщина. Да, он сказал, что планирует продолжать с кем-то встречаться, но, возможно, ему следовало упомянуть, что у него уже есть подруга. О таких вещах, как мне кажется, жена должна знать! Ха.

О боже, все усложняется с каждой минутой. Мне жаль Камилу. Трудное у нее положение. Если бы я была влюблена в Уолта, я бы тоже хотела, чтобы он принадлежал только мне. У него и так мало времени вне работы, а теперь, вдобавок ко всему прочему, ей приходится мириться с присутствием в его жизни меня. Я бы сорвала с пальца кольцо и отдала его ей, если б могла, но... Опускаю глаза на прекрасный бриллиант, так идеально мне подходящий.

И внутри все тревожно сжимается.

Это неправда.

Все-таки я не хочу отдавать кольцо ей. Только если придется, и это последнее, что мне

нужно осознавать в данный момент.

Теперь уже я тру виски.

За один вечер день стал из плохого ужасным. У меня едва хватает сил на то, чтобы выгнать себя из библиотеки и вернуться к гостям. К счастью, мне снова попадается официант с шампанским, и алкоголь, творя чудеса, притупляет мои тревоги.

А еще лучше то, что гости Уолта не стремятся общаться со мной. Время от времени меня втягивают в разговор, но по большей части все рады оставить меня в покое.

Компания жен и коллеги Уолта тоже болтают, стоя сплоченными группами, только друг с другом. Думаю, они забыли о том, что я здесь.

Игнорируют меня и близкие друзья Уолта — что вполне логично, ведь теперь с ними стоит Камила. Время от времени кто-нибудь из них поглядывает на меня, словно спрашивая: «О... ты еще здесь?».

Посреди всего этого стоит у камина Уолт. Он не может сдвинуться с места уже приличное время — из-за непрекращающегося потока людей, желающих перекинуться с ним парой слов. Чем-то напоминает сцену из «Холостяка».

Ах, кому же достанется роза? Я прячу улыбку за бокалом с шампанским.

Наблюдать за динамикой интригующе — все так соперничают за внимание Уолта, — и я внимательно слежу за Камиллой. Она тоже не может долго оставаться на расстоянии и вместе с друзьями присоединяется к людям вокруг него, а я потягиваю шампанское, наблюдая, будто невидимка, за шоу.

Не в силах сдержаться, снова рассматриваю Камилу. Каждый раз, когда я пытаюсь отвлечься на кого-то другого, мое внимание, словно оттянутая резинка, вновь перескакивает на нее.

Она удивительно красивая женщина. Черные кудри каскадом ниспадают на спину. Бордовый комбинезон облегает бедра и грудь, свободно струясь по ногам. А глубокий V-образный вырез и поясок на талии делают ее образ таким непринужденно сексуальным.

Она старше меня, и ее возраст словно является еще одним источником утонченности. По сравнению с ней и другими гостями, ровесниками Уолта, я чувствую себя каким-то ребенком. Совершенно не в своей тарелке.

Приносят еще закуски, и официант встает прямо передо мной, закрывая вид на Камилу. Я качаю головой, отказываясь от тарталетки, затем ухожу к окнам и смотрю на Манхэттенский мост. Воспоминания о случившемся днем всплывают в памяти, как будто фраза «картинки для кофеен» с нетерпением ждала своей очереди, чтобы снова бомбардировать мои мысли.

О, да. Привет, это снова я, твой глубочайший страх того, что ты никогда не добьешься успеха в мире искусства, после чего тебе придется сдать себя и пойти учить рисовать малышей в детском саду.

— Что не так? — спрашивает Уолт, вырывая меня из размышлений.

Я немедленно стираю с лица хмурое выражение — до этой секунды я и не осознавала, что оно у меня было.

— Ничего, — отвечаю, непреклонно потрянув головой, и поворачиваюсь обратно к гостям.

— Мне трудно в это поверить, — не отстает Уолт. — У тебя всегда на лице улыбка, даже в день, когда тебя принудили выйти за меня замуж.

Шутка вызывает у меня легкий смешок, и плечи Уолта, кажется, расслабляются от

облегчения.

— Просто у меня выдался отвратительный день, — говорю, пожимая плечами. — Не о чем беспокоиться.

Он понимающе хмыкает, затем встает бок о бок со мной, и оглядывает помещение, заполненное его знакомыми и друзьями.

— Ты не обязана оставаться, если не хочешь. — Он указывает подбородком на коридор. — Если что, можешь сбежать.

— Разве не будет выглядеть странно, если я исчезну посреди ужина?

— Если честно, не знаю. Все это для меня неизведанная территория.

Спасибо за честность.

Я кошусь на него и, пожевав секунду губу, признаюсь:

— Я слышала, как ты был в кабинете с Камиллой.

Уолт кивает. Он, кажется, не раздосадован и не удивлен, и я испытываю громадное облегчение. Я не была уверена, как он воспримет то, что я — пусть и не нарочно — подслушала их разговор.

— Она твоя девушка? — не отстаю я.

Он опускает взгляд на свой бокал.

— Вроде того.

Похоже, тема его утомила, что неудивительно, учитывая содержание того спора.

— Ее злит то, что я здесь?

— Да, — признается он со вздохом. — Ей тяжело. Она всю эту ситуацию не понимает.

— И не она одна.

Он улыбается и, повернувшись, ловит мой взгляд.

— Она знает, что я живу здесь?

Он снова отводит глаза.

— Да. Это был... как ты сказала секунду назад? Отвратительный день.

— Хочешь, поговорю с ней? Скажу, что я ей не... — У меня не сразу получается договорить, потому что это ужасно нелепо. — Что я ей не соперница. — Когда он не отвечает, я добавляю с нажимом: — Что очевидно.

И краснею как свекла.

Господи. Ну скажи что-нибудь!

— Спасибо, что хочешь помочь, — говорит он, — но все не так просто.

— Да уж. Что ж... Я с радостью уйду, если так тебе станет проще.

Пожалуйста, не проси меня уходить.

— Нет, — коротко отвечает он. — Я настаиваю, чтобы ты осталась. Это будет отличный ужин. Ну же, похоже, нам пора есть.

Он жестом приглашает меня к столу, и когда я делаю шаг вперед, его ладонь касается моей поясницы. Я вздрагиваю от неожиданности и, посмотрев вниз, вижу, как он убирает руку и сжимает ее в кулак.

Никто из нас не упоминает об этом моменте, пока мы следуем за остальными в столовую. Камила садится по другую сторону от Уолта и с натянутой улыбкой глядит на меня.

— Элизабет? Кажется, нас еще не представили. Я Камила, подруга Уолта.

— О, да. Привет. Приятно познакомиться.

Вблизи она еще красивее.

— Мне очень нравится ваш наряд, — говорю я, чтобы показать ей, что я не враг — или, по крайней мере, не пытаюсь им быть.

Она хмыкает, и презрение в этом смешке очевидно любому, кто слушает. *Ой*.

Я решаю, что единственный способ пережить ужин — ввести в игру алкоголь. Каждый раз, ощущая неловкость, я отпиваю шампанского, и боже, сколько же оказывается поводов выпить во время ужина в честь фиктивной свадьбы, где одна половина гостей ожидает увидеть счастливых молодоженов, а вторая знает, что эти молодожены притворщики.

Когда Камила просит показать мое кольцо, и я вынуждена протянуть руку перед Уолтом, я выпиваю.

Когда я замечаю, как она под столом кладет руку ему на бедро, а затем вижу, как он мягко ее убирает, я выпиваю.

Когда коллега Уолта настаивает на том, чтобы встать и произнести в нашу честь тост, я выпиваю.

Когда другой гость спрашивает Уолта, что его во мне привлекло, я выпиваю и очень внимательно слушаю, какую ложь он произнесет.

В конце концов, ложь часто основывается на правде.

Взгляд Уолта скользит ко мне, и он задумывается, словно оценивая меня. Боже, это займет у него целую вечность.

— Да ладно тебе, — смеется гость. — Неужели нужно так много времени, чтобы сообразить, что хорошего можно сказать на ее счет?

Я смаргиваю слезинки, которые вдруг проступают в уголках моих глаз. Какой стыд. Хочется вскочить на ноги и выбежать из-за стола.

— Ее глаза, — решительно произносит Уолт, после чего поворачивается обратно к гостям.

Все женщины за столом — кроме Камилы и ее подруг — умиленно вздыхают.

Мужчины шутят и подталкивают друг друга плечами, как будто знают, что это не может быть настоящим ответом.

— Элизабет, а что скажешь ты?

— О. — Я заставляю себя рассмеяться и уточняю: — Что привлекло меня в Уолте?

— Да! Давай, мы должны знать, что ты разглядела в этом холодном ублюдке, — со смехом просит мужчина напротив.

— Его... э-э...

Чувствую взгляд Уолта и ерзаю на сиденье.

— Его задница.

Все за столом взрываются смехом. Бросив из-под ресниц взгляд на Уолта, я обнаруживаю, что и он слегка улыбается.

— Моя задница?

Игриво пожимаю плечами.

— Она симпатичная. Что тут еще можно сказать?

Внезапно Камила отталкивается от стола и вскакивает на ноги.

— Извините, я отойду.

Ее салфетка падает на стул, и мы с Уолтом одновременно встаем, как будто оба собираемся пойти за ней следом.

Забавно, учитывая, что мы с ним, наверное, последние, кого она сейчас хочет видеть.

Уолт качает головой, я сажусь, и он, извинившись, покидает столовую.

Сказать, что после бегства Камилы напряженность за столом достигла небывалого уровня, будет преуменьшением. Теперь всем ясно, что происходит что-то странное, и без Уолта мне приходится терпеть перешептывания и косые взгляды в одиночку.

Принимаюсь за третий бокал шампанского. Почему бы и нет? Оно восхитительное и отвлекает. Алкоголь — единственное, что делает это испытание немного терпимым.

— Боже, так вот на что похожи званые ужины, когда меня нет!

Все одновременно поднимают глаза, и мы видим на пороге столовой мужчину, в котором я сразу узнаю младшего брата Уолта.

Как и в случае с Уолтом, я несколько раз видела Мэтью Дженнингса на семейных собраниях. Они так похожи, что вряд ли может сказать, кто из них красивее другого, хотя явные различия есть: волосы Мэтью более светлого оттенка каштанового, и он укладывает их в более непринужденной манере, чем Уолт. Он тоже носит очки, которые только добавляют ему очарования. На щеках у него глубокие ямочки — не знаю, есть ли они у Уолта, потому что... ну, я ни разу не видела, чтобы Уолт улыбался достаточно широко.

Мэтью проходит в столовую, здоровается с гостями, хлопает кого-то из них по плечу. Ясно, что он знаком со всеми, кроме меня.

Он останавливается рядом со стулом, где сижу я, склоняет голову набок и улыбается.

— Элизабет Брайтон. Жена моего брата.

Глава 11

Не обращая внимания на план рассадки гостей, Мэтью берет за спинку стула Уолта и выдвигает его. Затем садится с самоуверенностью, о которой я могу только мечтать, и придвигает стул поближе ко мне.

— А где Уолт? — спрашивает он, оглядев стол.

— Он с Камиллой, — отвечаю я, прежде чем это успеет сделать кто-то еще, и тем самым будто возвращаю себе часть энергии, растерянной за этот вечер. Заявляя с высоко поднятым подбородком, что мой муж в настоящее время разговаривает наедине со своей девушкой, я словно сообщаю всей комнате, что мне все равно.

— А. — Он понимающе кивает ровно в момент, когда из кухни появляется официант с тарелкой и бокалом вина.

Мэтью благодарит его и разворачивает новый набор столовых приборов.

— Извините за опоздание, — говорит он гостям, после чего поворачивается ко мне. — Меня задержали после урока.

— Урока?

— Я преподаю фотографию в Нью-Йоркском университете.

У меня отвисает челюсть. Как я могла это не знать?

— Серьезно? Я только что получила степень магистра в RISD.

Он с улыбкой кивает.

— Я слышал. Поздравляю. — Увидев на моем лице замешательство, он добавляет: — Мне сказал Уолт.

В столовую заходит организатор ужина и объявляет, что десерты и напитки будут поданы в гостиной. Затем ее взгляд переходит на Мэтью, и она бледнеет.

— О, извините, мне не сказали, что гости еще не закончили есть, — явно смущенная своим промахом, произносит она.

Мэтью машет рукой.

— Меня в расчет можно не брать. Вы все идите. Я ем быстро.

— Я останусь с тобой, — говорю я, чтобы заверить всех, что в одиночестве он есть не будет.

Эти слова, кажется, убеждают гостей, что им можно встать и выйти из-за стола. Все уходит, и мы с Мэтью остаемся в столовой вдвоем. Он ест, а я потягиваю шампанское.

— Насколько я понимаю, Камиле сегодня пришлось тяжело? — спрашивает он осторожно, словно прощупывая почву.

Я улыбаюсь, радуясь, что он готов отбросить притворство между нами.

— Да. Ей ведь пришлось столкнуться лицом к лицу с фиктивной женой своего мужчины, а это мало кому может понравиться.

Мэтью громко смеется, явно ошеломленный моей прямоотой.

Я пожимаю плечами, давая понять, что не задета.

— Странный у нас, конечно, союз, — продолжаю я.

— Я пытался отговорить его, — признается Мэтью с печальной улыбкой. — Но если Уолт что-то решил, то переубедить его невозможно.

— Ты же знаешь, что это было выгодно не только ему. В том смысле, что этот брак... он помог и моей семье тоже.

Мэтью понимающе кивает.

— Всего я не знаю, но насколько мне известно, твои родители были в отчаянном положении.

— Мягко говоря. Они в течение многих лет безрассудно швырялись деньгами, и их, наконец, настигла расплата.

— Ты знала?

— Понятия не имела до вечера накануне свадьбы с Уолтом.

Глаза Мэтью округляются.

— И ты так быстро согласилась?

— Разве у меня был выбор?

Он смотрит на меня так, словно этот ответ расстроил его.

— Они же мои родители, — оправдываюсь я.

Мэтью берет бокал с вином и делает долгий глоток.

— Значит, ты с ними очень близка?

— Нет. Совсем нет.

Он бросает на меня взгляд, полный искреннего сочувствия.

— Но наш брак помог и мне тоже, — добавляю я и объясняю: — Я раньше не знала, но оказалось, что тяжело снять квартиру самостоятельно, когда формально ты безработная. Думаю, Уолт скоро найдет мне какое-нибудь жилье. Так что, видишь, я не совсем бескорыстна.

Кажется, он оценил мой самоуничижительный тон, потому что его лицо смягчается.

— Каково это — жить с моим братом?

— Если честно, я будто живу здесь совершенно одна.

— Он так часто уезжает?

— Вряд ли после моего переезда сюда мы виделись дольше пары минут. Раньше я думала, что он просто много работает, но теперь понимаю, что еще он проводил время с Камиллой.

Мэтью кивает в знак согласия.

— Ты хорошо ее знаешь? — спрашиваю, и все внутри тревожно сжимается.

— Она преподает в одном университете со мной.

Я подаюся назад.

— В самом деле? Так вот, как вы все познакомились?

— Да. Она работает там дольше меня, преподает на кафедре латиноамериканских исследований.

— Но разве ты не на кафедре искусств?

Он кивает и, прожевав, вытирает рот салфеткой.

— Нью-Йоркский университет пригласил Франсиско Родригеса, венесуэльского экономиста, на серию лекций для преподавателей. Нам с Уолтом было интересно послушать, поэтому я пригласил его в качестве своего гостя. Нас посадили рядом с Камиллой, и они с Уолтом разговорились еще до начала лекции. Потом мы втроем пошли выпить.

— Как давно это было?

Он прищуривается.

— Где-то полгода назад. Лекция была прошлой осенью.

Я склоняюсь к нему, стремясь получить больше крошечных кусочков информации — информации, которую Уолт никогда не разгласит сам.

— И они действительно влюблены?

Мэтью хмыкает.

— Давай скажем так... Вряд ли ты женишься — даже фиктивно — на ком-то другом, если ты правда любишь кого-то. — Он с любопытством глядит на меня. — Разве ты не спрашивала обо всем этом Уолта?

Я откидываюсь на спинку стула.

— Как я уже говорила, мы почти не видим друг друга.

— Ладно. Понятно.

Он возвращается к еде, я пью шампанское, и между нами воцаряется тишина. Когда он вновь заговаривает, то поворачивает разговор к моему творчеству.

— Чем планируешь заниматься после учебы? Взяла перерыв?

— Вообще нет. Сейчас я работаю больше, чем когда-либо раньше. Вообще большую часть этого дня я осаждала «Hauser & Wirth», пытаюсь встретиться с кем-нибудь из их директоров.

— Серьезно? — Кажется, Мэтью в восторге от этой выходки. — Это так...

— Безумно? Я знаю. Не волнуйся, они с тобой согласились и довольно быстро выставили меня вон.

Он сочувственно хмурится.

— Мне жаль это слышать, хотя их отказ кажется удивительным. Если ты закончила RISD, ты должна быть очень хороша в том, что делаешь. Какую отговорку они придумали?

— О, это сложно.

Я не могу заставить себя произнести фразу «картинки для кофеен», поэтому излагаю ему смягченную версию правды.

— Мир искусства — хитрый зверь. Похож на мир моды в том смысле, что всегда существуют постоянно меняющиеся тенденции. Конечно, классические Пикассо и Моне всегда будут в цене, как «Louis Vuitton» и «Chanel», но современным художникам приходится сложно. Все слишком зависит от того, что хотят выставлять галеристы. Многим из них наскучила живопись на холсте.

— Кому она может наскучить?

— Спасибо тебе! — говорю я, игриво толкая его в плечо.

Мэтью смеется.

— Мне бы хотелось взглянуть на твои работы. Я знаю людей, которые могли бы указать тебе правильное направление.

— Ты серьезно?

— Конечно. Ты же теперь моя невестка, не так ли?

У меня вырывается громкий смешок облегчения. Наконец-то кто-то захотел пошутить над этим странным стечением обстоятельств.

— Я, кстати, шучу, — говорит он, застенчиво улыбаясь. — Не могу смотреть на тебя так. Уверен, что деверю вряд ли можно находить свою невестку привлекательной.

— О, — срывается удивленный звук с моих губ.

— Я тебя смутил? Черт. Извини. Перед праздниками я кое с кем расстался, поэтому на какое-то время выпал из романтической сферы. Давай-ка попробую еще раз. — Он встряхивается, словно пытаюсь расслабиться, затем смотрит на меня и с чувством произносит: — Элизабет, ты горячая штучка.

Я не могу удержаться от смеха, а он смиренно пожимает плечами.

— А теперь, полагаю, ты должна мне сказать, что я тоже горяч.

Теперь я смеюсь еще громче — он будто открыл глубокий колодец счастья, которого я не испытывала столько, сколько себя помню.

Я не сразу замечаю, что на пороге столовой стоит, наблюдая за нами, Уолт. А точнее, наблюдая *за мной*. Поднимаю глаза, и мой смех замирает, когда я вижу, что на его лице тоже улыбка. Маленькая улыбка. Приподнят только правый уголок рта. Оказывается, у него, как и у брата, тоже есть ямочки на щеках.

— Как Камила? — спрашиваю я и вытягиваю шею, проверяя, не стоит ли она у него за спиной.

Сразу же сожалею о том, что спросила, потому что он перестает улыбаться.

Он заходит в столовую и садится по другую сторону от своего брата — туда, где совсем недавно сидела Камила.

— Она уехала домой.

— Сожалею. Прости.

Его темные глаза встречаются с моими, и в них что-то вспыхивает.

— Не извиняйся. Ты здесь совсем не при чем.

Он тянется за бутылкой вина, которая осталась стоять на столе, и делает глоток прямо из горла.

Мэтью смеется.

— Тяжелый вечер?

— Можно и так сказать.

— Вы с ней расстались? — спрашиваю, вмешиваясь в их разговор.

Уолт пожимает плечами.

— Похоже на то.

— Честно говоря, я и не думал, что вы останетесь вместе надолго, — роняет Мэтью.

Уолт искоса бросает на него взгляд.

— Мог бы упомянуть об этом пораньше. Надо было отвести меня в сторону и дать какой-нибудь братский совет.

Мэтью пожимает плечами.

— Ну, я так и сделал бы, если бы думал, что ваши отношения действительно куда-то

идут.

Мне нравится видеть Уолта таким. В присутствии брата он стал расслабленнее — отношения у них дружеские, это очевидно.

— Мэтью сказал, что она профессор в университете, — говорю я, горя желанием получить еще больше информации.

Уолт кивает.

— Так вот какой твой типаж?

Его брови сходятся на переносице, и он склоняет голову набок, изучая меня.

Ух, какой храброй я становлюсь от шампанского.

— В смысле, обычно ты западаешь на умных? — уточняю, откашлявшись.

С мягкой улыбкой Уолт качает головой.

— У меня нет определенного типажа.

— Неправда! — быстро вмешивается Мэтью. — Это совершенно не так, и ты это знаешь, чувак.

Он толкает брата в плечо, и Уолт опускает глаза, прикусывая губу в смущенной улыбке.

Внутри все сжимается, пока я наблюдаю за ним. Я никогда не думала, что увижу его таким по-мальчишески красивым. Вот бы остановить время. Взять камеру. Или кисть.

— Она должна быть брюнеткой, — начинает загибать пальцы Мэтью. — Длинноногой. И дьявольски сексуальной.

Я усмехаюсь, а он вдруг поворачивается и указывает на меня.

— Как Элизабет, например.

Если бы у меня во рту было шампанское, я бы им подавилась.

— Прошу прощения?

— Прости... но это правда, — смеется Мэтью.

Уолт поднимает взгляд на меня и прищуривается. Я, осмелев после шампанского, делаю то же самое.

Мы долго глядим друг на друга, пока я, наконец, не сдаюсь. Закатываю глаза, пытаюсь разрядить обстановку. Очевидно, что Мэтью всего лишь шутит.

— Так нечестно. Теперь ты знаешь его типаж. А кто привлекает тебя? — поддразнивающе интересуется Мэтью.

Уолт.

Вот, что сразу всплывает у меня в голове. Всего одно слово. Одно имя. Уолт.

Отбросив его, я отвечаю шуткой.

— Мне нравятся коротышки. Коротышки-качки. В татуировках и с пристрастием к мотоциклам.

— А немного придурковатые, но остроумные парни в очках? — спрашивает Мэтью, возвращая мое внимание на себя.

— Ты пристаешь к моей жене?

Уолт тоже всего лишь шутит, но мое тело реагирует так, будто он говорит серьезно. Дыхание скапливается в груди, пока Мэтью не раздражается смехом.

— Мужчины в очках, по-моему, очень милые, — замечаю я, пытаюсь продвинуть беседу вперед.

Два брата поднимают взгляд, и это похоже на жар двух солнц, направленных прямоком на меня.

Господи, можно девушке чуть-чуть отдышаться?

— Разве нам не надо идти к остальным? — спрашиваю, пытаюсь сменить тему, и киваю в сторону гостиной.

Уолт вздыхает, затем отталкивается, чтобы встать.

— Какая радость, — язвит Мэтью, поднимая бокал с вином.

Я тоже беру свое шампанское.

К счастью для нас гости Уолта не задерживаются надолго. Слава богу. Спустя еще полчаса навязанных разговоров Уолт провожает своего последнего гостя до двери. Когда он возвращается в гостиную, я, сбросив туфли, уже лежу на диване. Шампанское подействовало в полной мере.

Мэтью потягивает свой напиток и смотрит на горизонт Манхэттена. Я предлагаю нам поиграть в «Окно».

— Что это за игра? — спрашивает Уолт, подходя к Мэтью у окна и слегка заслоняя мне обзор своей задницей. Я, впрочем, не возражаю.

— Нечто среднее между «Шпионажем» и вуайеризмом, — отвечаю ему. — Выгляни наружу и найди в окне напротив какого-нибудь человека, который что-нибудь делает. Затем опиши его нам, и мы попытаемся найти его тоже. Ты первый, Уолт.

Хмыкнув, он засовывает руки в карманы и оглядывает соседние дома. Проходит минута, но он все молчит.

— Играть будет легче, когда перестанешь витать в облаках, — замечаю я. — Но рядом полно домов, чтобы мы могли найти хоть кого-то.

— Вон, — говорит он внезапно. — Нашел. Женщина поливает цветок у себя на подоконнике. Кажется, орхидею.

— Да, я тоже ее вижу, — подтверждает Мэтью.

Я заставляю себя подняться с дивана и, на секунду замешкавшись, чтобы унять головокружение, встаю возле них у окна. Начинаю оглядываться по сторонам в поисках женщины.

— Она в той стороне? — спрашиваю, указывая направо.

— Нет. Вон там, — говорит Уолт, постукивая по стеклу.

— Все равно не вижу ее.

— Потому что ты пьяная. — Мэтью смеется.

— Да, да. Ну тогда помогите мне.

Уолт берет меня за руку и, прижав мой палец к стеклу, ведет ее влево.

— Вон. Видишь ее?

Смотрю туда, куда направлен мой палец, и да, вон она, женщина, поливающая орхидею.

Смеюсь от восторга.

— Теперь моя очередь, — объявляю, стряхивая руку Уолта и немедленно сожалея об этом.

Слишком поздно. Не могу же я попросить его снова взять меня за руку. Каким, черт возьми, может быть мое оправдание? Э-э... просто мне нравится, когда ты ко мне прикасаешься?

Я скорее умру, чем это признаю, и потому сосредотачиваюсь на поиске.

Начинаю со здания справа от нас — сверкающей высоты, такой же роскошной, как та, в которой находимся мы. Много где горит свет, но большинство окон задернуты шторами. Я просматриваю те, где шторы раскрыты. Никого. Никого. Никого.

А потом...

— Вон! — восклицаю, постукивая пальцем по стеклу. — О боже мой.

Может, если бы я выпила меньше, то пропустила бы пару напротив, которая явно занимается сексом, но уже слишком поздно. И Уолт, и Мэтью смотрят туда, куда я указываю.

— Что делает этот человек? — спрашивает Мэтью.

— Там два человека, — уточняю я еле слышно.

Мы слишком далеко, и неприличных частей тела не видно, но вау, они так стараются.

О боже. Быстро найди им замену.

Поиск оказывается безрезультатным, так что приходится врать.

— Все, не ищите. Они ушли.

— Чем они занимались? — спрашивает Уолт, провожая меня взглядом, когда я отхожу от окна.

Я притворяюсь, что поправляю подушки на диване.

— Кажется, просто мыли посуду. — Я морщу нос. — Я не рассмотрела.

— Тогда почему ты так покраснела? — со смешком интересуется Мэтью.

— Я покраснела? Разве? — Прижимаю ладони к щекам, пытаюсь их охладить.

Братья с еще большим рвением начинают осматривать область, на которую я указала.

Уолт находит парочку первым. Я понимаю это, потому что он медленно поворачивается и с коварной улыбкой бросает на меня взгляд через плечо. Но ни слова не произносит.

— Что? — говорю я, подталкивая его своим тоном.

— *Элизабет.*

— Не произноси так мое имя!

— «Так» это как?

— Словно ты меня упрекаешь.

— Я не упрекаю тебя. Если бы упрекал, ты бы знала об этом, — говорит он, и между нами возникает нечто похожее на натянутую струну. В груди все трепещет, и я оглядываюсь на Мэтью, надеясь, что он спасет меня.

— Я по-прежнему ничего не вижу, — говорит тот, сканируя взглядом окна. А затем, наконец: — О. Ха. Да, вон та парочка точно занимается сексом. — Он одаривает меня широкой улыбкой и поднимает вверх большой палец. — Думаю, ты выиграла игру.

— На этом давайте закончим, — говорит Уолт.

— Отличная идея. Давай, Мэтью, я провожу тебя, — говорю я, махнув в сторону прихожей.

— Ты не должна так сильно хотеть, чтобы я поскорее ушел. Здесь нечего стесняться. Тебе нравится подсматривать — ну и что? Совершенно нормальный фетиш.

Я уже позади него и подталкиваю в спину, понуждая идти.

— О, просто уйди, пожалуйста, хорошо?

— Ладно, ладно. Я возьму твой номер у Уолта, и мы встретимся, чтобы закончить тот разговор, который начали ранее. О твоём творчестве.

— Хорошо. Да. *Творчество* — давай на нем и сосредоточимся.

Уолт хлопает брата по плечу и чуть ли не заталкивает его в лифт.

— Спокойной ночи, Мэтью. Удачно добраться до дома.

Мэтью одаривает нас дерзкой ухмылкой, и лифт закрывается.

После чего Уолт поворачивается ко мне и со свирепой властностью упирает руки в бока.

— Давай-ка уложим тебя в постель.

Я смеюсь и закатываю глаза.

— Говоришь так, будто собираешься помочь мне в этом деле.

— Так и есть. Ты выпила слишком много шампанского.

— Пф-ф. Я не пьяна.

— Пройди по прямой линии, — требует он надменным, но слегка поддразнивающим тоном.

— Не вопрос. Проще простого. Хоть всю дорогу до спальни, — возмущенно говорю я. Начинаю топтать по коридору и натыкаюсь на подставку для зонтов, так что она опрокидывается и падает на пол. — М-да... слушай, но эта штуковина появилась словно из ниоткуда. Ты поставил ее туда только что?

Глава 12

— Может, это мне стоит уложить тебя в постель? — язвительно замечаю я, уперев руки в бедра.

Уолт молча поджимает губы.

— Ты что, не слышал меня?

Он опускает лицо и, покачав головой, снова поднимает глаза.

— Просто пытался представить себе эту картину.

— О, вы хотите деталей, мистер? Окей, не вопрос. Сначала я бы одела тебя в твою любимую пижаму, затем хорошенько подоткнула бы тебе одеялко, принесла стакан теплого молока, почитала книжку, а потом выключила свет.

Я хлопаю в ладоши, словно выключая лампу, которая гаснет и загорается от хлопка.

— Звучит заманчиво — за исключением теплого молока. — Уолт подходит ко мне и, коснувшись моего плеча, мягко подталкивает в сторону спальни.

— Кстати, пока ты думаешь обо мне самое худшее, хочу сообщить, что обычно я не напиваюсь так сильно. Просто вечер получился жутко неловким. В смысле, поставь себя на мое место: я говорила о твоей заднице перед совершенно чужими людьми.

— Если честно, говорить о моей заднице было необязательно, — замечает Уолт, когда мы заходим в спальню, и включает свет.

Мы на мгновение останавливаемся на пороге, чтобы глаза привыкли к яркому свету. Прослеживаю за его взглядом и вижу, что он смотрит на мою тумбочку, где стоит газетная вырезка в рамке, которую нам прислали в качестве свадебного подарка.

— Решила, что это милое воспоминание, — объясняю я. — Не надумывай себе лишнего.

— Лишнего?

— Да, как будто я поставила твое фото рядом с кроватью, чтобы засыпать, глядя на тебя.

Уолт кивает.

— Не волнуйся, я знаю расклад. Если уж ты и смотришь на мою скучную физиономию, то максимум ради того, чтобы она тебя усыпляла. Лучшие восемь часов сна, которые ты когда-либо получала.

Я улыбаюсь.

— Что ж, ты благополучно проводил меня до моей комнаты, так что теперь можешь идти.

Ухожу к гардеробной и, зайдя внутрь, понимаю, что напрочь забыла, что надо сделать. Медленно поворачиваюсь, с полминуты изучая одежду, потом щелкаю пальцами.

— Пижама, — говорю вслух и, открыв ящик, достаю одну из двух имеющихся у меня пар.

Это комплект из белого шелка: шорты и топик. Быстро раздевшись, безуспешно пытаюсь повесить на вешалку платье. В итоге сдаюсь — пусть этим занимается Утренняя Элизабет. Затем расстегиваю лифчик, и меня пробирает дрожь облегчения. Бюстгальтеры точно являются творением дьявола.

Надев пижаму, я возвращаюсь в комнату, но увидев, что в дверях до сих пор стоит Уолт, резко останавливаюсь.

— О, — пишу я. — Ты все видел?

— Только твою тень. Там, знаешь, есть лампа. При свете переодеваться было бы легче.

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что в гардеробной кромешная тьма. Затем, прищурившись, насмешливо указываю на Уолта пальцем и сообщаю ему, что он умник.

— Если хочешь, можешь войти, — добавляю. — Или ты как вампир? Не можешь входить, пока тебя напрямую не пригласят?

Уолт заходит. Его шаги по деревянному полу — единственное, что звучит в тишине. Атмосфера заметно меняется. Она уже не такая, какой была секунду назад. Он бывал здесь раньше, но всего один раз, и не так, как сейчас. Я сглатываю предвкушение, пока он проводит рукой по волосам и окидывает комнату взглядом, рассматривая мои вещи.

— Если бы я не знал, что ты здесь недавно, то подумал бы, что ты переехала не один месяц назад.

Я пытаюсь взглянуть на пространство его глазами. Да уж, оно довольно захлавлено.

— О да, я умею устроиться как у себя дома... — Киваю на эскизы, которые развесила на стене. — Не волнуйся, на обратной стороне просто малярная лента. Следов не останется, когда я их сниму.

— Все в порядке. Мне это не беспокоит, — говорит Уолт, направляясь к эскизам.

В крови вскипает паника. Мамочки, он собирается на них посмотреть.

С каждым шагом он будто снимает еще один слой моей кожи, обнажая меня.

Я всегда нервничаю, когда мое творчество предстает перед тем, кто его еще ни разу не видел. Меня могут хоть сотню раз назвать величайшим художником в мире, но я все равно буду с замиранием сердца ждать одобрения — вот как сейчас.

— Очень хорошие работы, — после долгого молчания произносит Уолт, указывая на один из набросков.

На нем человек, которого я однажды увидела в парке, где он кормил голубей из мешка со черствым хлебом. Мне понравилось то, как были опущены его плечи и наклонена голова, продолжая очертания согнутой спины. Я нарисовала его одной непрерывной линией, так что линейная перспектива исчезла, и его фигура приобрела более геометрическую форму.

— Сезанн гордился бы тобой, — добавляет он, после чего переходит к другому эскизу.

Я смеюсь, как будто он шутит.

— Ага, конечно. — Потом осознаю, что именно он сказал. — Кстати, откуда ты так много знаешь об искусстве?

— Я мало что знаю, — возражает он.

— Вранье. Иначе ты бы не догадался, что это рисунок в стиле кубизма. А если бы и догадался, то назвал бы не Сезанна, а Пикассо. Но именно Сезанн был настоящим вдохновителем кубизма. Сам стиль был назван в честь одной из его картин, так что... — Прищуриваю глаза. — Откуда ты это знаешь?

Он наклоняется к следующему моему наброску, внимательно изучая его.

— Я люблю искусство.

— Любишь просто смотреть? Или и создавать его тоже?

— Когда мне было пять лет, я слепил родителям пепельницу из глины. Это считается?

Он дразняще улыбается через плечо, и я не могу удержаться от смеха.

— Честно говоря, творчество — не моя сильная сторона. Хотя талант в других людях я очень ценю.

— Это лишь справедливо. Нельзя же быть талантливым абсолютно во всем.

Он кивает и наконец медленно поворачивается от набросков ко мне. На мгновение его взгляд падает на мою шелковую пижаму, и меня всю окутывает теплом, а нервные окончания начинают звенеть. Может, я просто пьяна — а может, мы оба чувствуем одно и то же.

Сердце бьется так громко, что его стук отдается в ушах. Уолт поднимает глаза, и наши взгляды встречаются.

— У тебя есть наброски твоей работы с «Банкетным натюрмортом»?

Кошусь на черную папку с портфолио в дальнем углу, вспоминаю поход в «Hauser & Wirth», и желание глохнет, будто отрубленное топором.

Отвожу глаза в сторону и расправляю кровать, отодвигая подушки, чтобы отвернуть одеяло.

— Да, они где-то там.

— Можно взглянуть?

— Я слишком пьяная, чтобы искать их прямо сейчас.

Кроме того, они не более чем картинки для кофеен.

Мои глаза щиплет от непролитых слез.

Боже, я выпила слишком много шампанского.

Надо просто лечь спать.

Быстро развернувшись, я исчезаю в ванной, беру зубную щетку и выдавливаю слишком много зубной пасты. Ну и пусть. Сердитыми движениями чищу зубы.

Уолт не идет за мной в ванную — и слава богу.

Почистив зубы и умывшись, смотрю на себя в зеркало. Мои темные ресницы едва скрывают тот факт, что мои глаза покраснели.

Впервые за долгое время я чувствую себя лишенной всех своих защитных механизмов. На меня, словно порыв сильного ветра, обрушивается реальность того, во что я ввязалась, и чуть не сбивает с ног.

Я замужем за мужчиной в комнате рядом.

За мужчиной, который в этих своих строгих костюмах, с суровым выражением на лице и отрывистой речью сначала являл собой большую загадку, но теперь дистанция между человеком, которым я считала Уолта, и человеком, которым он оказался, начинает увеличиваться с каждым моментом, который мы проводим вдвоем.

И что хуже всего, мне кажется, что мой муж начинает мне нравиться.

Как... обескураживающе.

Наша договоренность сработала бы лучше, если бы мы общались друг с другом лишь в случаях, предусмотренных деловым соглашением, которое мы заключили в зале суда. Но потом он согласился позволить мне переехать к нему, и теперь у нас (читай: у меня) могут возникнуть неуместные чувства. С чувствами всегда сложно. Мне — сложно. А Уолт,

кажется, умеет обуздывать их, словно чувства — обычная мошка, которую можно прогнать взмахом руки.

Выдавлив на ладони немного крема, я втираю его в кожу и возвращаюсь в спальню. Уолт еще там. Он сидит на краю моей кровати и рассматривает мои наброски.

— Еще беспокоишься, что я не доберусь до кровати в целости и сохранности? — спрашиваю слегка озадаченно.

Я же доказала, что уж это способна осилить. Пусть и немного неуклюже.

— Нет. Наверное, я просто слишком устал, чтобы двигаться. Здесь приятно сидеть.

Понимающе киваю, обхожу кровать и сажусь рядом с ним. Матрас слегка прогибается под моим весом, и я, опустив взгляд, сразу улавливаю контраст между собой и Уолтом. Мои шелковые шорты задрались, слишком сильно оголив бедра. Кожа выглядит бледной и мягкой. Женской. А ноги Уолта закрывают темные брюки. Мягкое против твердого. Нежное против сурового. Я могла бы нарисовать портрет наших ног на фоне белого одеяла и представить его как исследование женских и мужских форм.

Уолт тоже опускает глаза на наши ноги, и я вновь это чувствую: безымянные эмоции, слишком похожие на желание. На то, что я не чувствовала с...

Уолт резко встает.

— Спокойной ночи, Элизабет, — произносит он почти резко.

— О. — Я качаю головой, пытаюсь угнаться за внезапно сменившимся настроением. — Спокойной ночи.

Он, не оглядываясь, выходит за дверь. А я, пытаюсь унять печаль, слушаю, как его ноги уносят его прочь.

Проснувшись наутро, я сажусь в постели, сбрасываю одеяло и прислушиваюсь. Сегодня суббота. Уолт должен работать дома, у себя в кабинете. Держу пари, что если я выгляну в коридор, то услышу, как он разговаривает по телефону. А может, он снова будет на кухне, собирать ингредиенты для смузи.

Я умираю с голоду, так как проснулась позже обычного. Хочу яичницу, тосты и бекон. Можно приготовить порцию и для Уолта и пригласить его выйти из кабинета и позавтракать вместе со мной. Уж перерыв в пятнадцать минут он может себе позволить. Или хотя бы в пять.

Я слишком взволнована, чтобы переживать о том, как я выгляжу. Он уже видел меня во всех состояниях, и я не могу выглядеть хуже, чем вчера вечером, когда я была более чем немного навеселе.

Сначала я отправляюсь на кухню, чтобы попить воды. Когда делаю первый глоток, слышу, как звенит прибывший лифт. Наверное, Уолт отлучался на пробежку, или — в идеале — он ходил нам за пончиками.

Улыбаясь этой нелепой мысли, быстро сворачиваю за угол и, к своему шоку, обнаруживаю Камилу, которая стоит около входа в прихожую с коробкой пирожных в руках.

Когда она меня замечает, на ее лице мелькает мимолетное раздражение, на затем она заставляет себя улыбнуться.

— Доброе утро, Элизабет.

О боже, как же неловко. Я еще в пижаме, и, вероятно, с засохшей слюной на подбородке и отпечатком подушки на щеке. Она же одета в кремовое облегающее платье и жакет в тон с небрежно завязанным на тонкой талии пояском. Ее коричневые кожаные сапоги до колен

начищены до блеска и добавляют еще несколько дюймов к ее и без того устрашающему росту.

Ее волосы гладкие, слегка завитые.

Макияж легкий и безупречный.

Я восхищена. Искренне.

Настолько, что забываю с ней поздороваться. Я выдавливаю кроткое «привет» как раз перед тем, как позади меня появляется Уолт. Обернувшись, вижу, что на нем черные домашние штаны и серая футболка. Его каштановые волосы слегка растрепаны, на остром подбородке виднеется легкая щетина — короче говоря, зрелище, на которое впору попускать слюни.

Он водит взглядом между Камиллой и мной, а я перевожу взгляд с него на Камиллу. Похоже, мы все растерялись.

Камила хмурится.

— Вы только что встали? — спрашивает она. — Обычно, Уолт, ты просыпаешься рано.

— Я с шести утра работаю у себя в кабинете, — говорит он, приструнивая ее. — Тебе следовало сначала позвонить. Если ты хотела поговорить, я мог бы приехать к тебе, или мы могли бы позавтракать вместе.

Она застенчиво улыбается и поднимает коробку с пирожными, словно это предложение мира.

— Я подумала, что должна извиниться перед вами обоими за то, что было вчера. Я вела себя, мягко говоря, не слишком красиво.

Она что, шутит?

— Ты справилась лучше, чем это получилось бы у меня, — не подумав, брякаю я. И пытаюсь изобразить дружелюбную улыбку, просто чтобы она поняла, что я говорю искренне.

Боже, если бы мы поменялись местами, и Уолт был бы моим мужчиной... внутри все сжимается от ревности при одной только мысли. И что еще хуже, эта ревность не утихает, когда Уолт проходит мимо меня, чтобы взять коробку из ее рук.

Его лица я не вижу, но вижу, как Камила поднимает глаза и глядит на него, будто на сошедшего с неба Иисуса. Внезапно ощущаю себя третьим лишним, неуклюжим дублером, который должен стоять в стороне.

— Давай отнесу это на кухню, чтобы вы могли поговорить, — говорю я Уолту, делаю шаг вперед и, забрав у него пирожные, спешу убраться из прихожей.

По дороге на кухню заглядываю в коробку, хотя аппетита у меня нет. Камила принесла изысканные миндальные круассаны, профитроли и слоеные булочки с шоколадом. Наверняка из какой-нибудь дорогой французской кондитерской. Банальные пончики точно не для нее.

Закрываю коробку, сажусь на табурет у кухонного островка и кручу на пальце кольцо, гадая, как долго продлится их разговор. Я ношу это кольцо с тех пор, как Уолт попросил его не снимать, и начинаю привыкать к его размеру и весу, словно оно продолжение моего тела.

Голоса Уолта и Камилы не доносятся до кухни, так что я понятия не имею, что они обсуждают. Барабаню пальцами по столешнице, потом приоткрываю коробку с выпечкой, отщипываю кусочек круассана и завариваю себе кофе. В итоге мое терпение иссякает, и я, соскользнув с табурета, подкрадываюсь к двери. Я не собираюсь подслушивать. А если и собираюсь, то всего на секунду! Только так я могу получить представление о том, как идет

их разговор!

Я прижимаюсь спиной к стене, затем, попытавшись вызвать в воображении какие-нибудь шпионские приемчики, выглядываю за дверь. И вижу, что они обнимаются в прихожей. Камила стоит, уткнувшись лицом Уолту в грудь, а Уолт ласково обнимает ее за плечи. В горле возникает болезненный ком, и я, быстро отпрянув, бегу в свою комнату.

Мне не следовало этого делать. Захлестываемая раздражением и стыдом, я закрываю за собой дверь, опускаю глаза и снимаю с пальца кольцо.

Глава 13

Позже тем утром я проверяю, что на горизонте все чисто, и выхожу из квартиры. Одевшись в удобные кроссовки, леггинсы и мешковатую толстовку, я планирую оставаться на улице как можно дольше. Вероятно, весь день. В сумке лежат альбомы для рисования. Хочу спрятаться в парке и рисовать до тех пор, пока не заоченеют руки. Если повезет, найду несколько интересных сюжетов, которые помогут отвлечься от ситуации, от которой я, кажется, не могу убежать.

Говорю себе, что просто устала, что вчера у меня был тяжелый день. Пытаюсь оправдать свое состояние, напоминая себе о походе в дурацкую галерею.

Увидев в парке скамейку, сажусь и смотрю куда-то в пространство так долго, что белка принимает меня за статую. Когда я двигаюсь, он пищит и быстро убегает.

Принимаюсь, наконец, рисовать, но сотни раз начинаю и останавливаюсь, быстро теряя интерес, потому что мои мысли то и дело возвращаются к квартире. Интересно, чем сейчас занимаются Уолт и Камила? Интересно, закончили ли они говорить? Будет ли она там, когда я вернусь?

В момент, когда я осознаю, что мне не хочется, чтобы они помирились, я начинаю твердить себе прямо противоположное. Они отличная пара. Она явно питает к нему глубокие чувства, а он, вероятно, чувствует то же самое к ней.

Захлопываю альбом и отправляюсь гулять по городу, слушая музыку, пока солнце не начинает опускаться за горизонт.

Воздух становится холоднее, и поскольку я без пальто, то вынуждена вернуться в теплую квартиру Уолта. Поднимаясь на лифте, натягиваю на лицо мягкую улыбку и готовлюсь к тому, что сейчас увижу их вместе.

Двери открываются, я выхожу из лифта и снимаю кроссовки, а затем беру их, чтобы отнести в свою комнату. В квартире тихо и темно. Уолта нет дома.

В сумке вибрирует телефон — это смска от матери, напоминание о том, что нужно спросить Уолта об увеличении выплат из траста.

Если честно, то после нашего разговора я не планировала выполнять ее просьбу. Во многом из-за того, что я не хотела бросать тень на свою зарождающуюся дружбу с Уолтом. Я не хотела ставить себя в один ряд с моими родителями. Однако теперь я не вижу причин не передавать ему мамину просьбу. Мы с ним не друзья. Мы просто соседи.

Завернув к нему в кабинет, я нахожу листок фирменного бланка и ручку.

Как можно быстрее записываю вопрос и кладу листок на клавиатуру, чтобы Уолт его точно увидел, а затем иду в свою комнату, горя желанием смыть с себя этот день.

По пути в душ снимаю леггинсы и толстовку, потом поворачиваю кран так, чтобы вода была максимально горячей.

Как только стеклянная дверца начинает запотевать от пара, я вхожу в душ и глубоко вздыхаю.

Все-таки не существует таких проблем, которых не мог бы облегчить горячий душ.

Внезапно раздается громкий стук в дверь, и я вскрикиваю от неожиданности.

— Элизабет! — нетерпеливо зовет Уолт.

— Я в душе! — кричу, как будто он это еще не понял. Слышно же, как льется вода.

— Скажи своим родителям, что их просьба отклонена.

— Что?

Вода шумит, и я не уверена, что расслышала его правильно.

— Скажи им, чтобы они продали оставшиеся активы, сократили и консолидировали долги, которые я не погасил несколько недель назад...

— Мы можем поговорить об этом через минуту?! Прямо сейчас я слегка занята.

Он не отвечает.

— Уолт? — кричу я, пытаюсь убедиться, что он меня слышит.

Ничего.

Черт возьми!

Наспех смываю с волос кондиционер, выключаю воду и выбегаю из душа, чтобы догнать его.

Я быстро натягиваю пижаму, не потрудившись высушить мокрые волосы. Разберусь с ними через минуту. Прямо сейчас более насущная задача — поговорить с Уолтом, пока есть такая возможность. К тому времени, как я догоняю его, он уже вернулся к себе кабинет и комкает оставленную мною записку.

Он мельком бросает взгляд на меня и, выбросив записку в мусорную корзину, возвращается к работе, как будто я, мокрая насвкозь, не стою на пороге.

— Я расслышала тебя правильно? Ты не собираешься им помочь?

— Именно так.

— Ты серьезно? Мне их просьба кажется вполне разумной.

— Это не так. Дай им палец, они откусят всю руку. Особенно твой отец, — говорит он, перебирая бумаги.

— Уолт, в их глазах денег недостаточно, и ты это знаешь. Основываясь на том немногом, что ты рассказал мне о трасте, мне кажется, что там достаточно средств, чтобы обеспечить чуть более крупные выплаты, которые больше соответствовали бы нынешнему образу жизни моих родителей.

— Их нынешний образ жизни сумбурный и совершенно неприемлемый, — говорит он язвительным тоном. — Они доказали, что не умеют разумно распоряжаться деньгами, поэтому будет безумием продолжать давать им большие суммы.

Ладно, тут его не переубедить, поэтому я решаю попробовать новую тактику.

— Тогда я бы хотела отдать им свою ежемесячную выплату. Я ею пользоваться не буду, так что наверняка есть возможность передавать ее им.

— Слишком поздно. Эти деньги будут перенаправляться в твой пенсионный фонд.

— Пусть они перенаправляются в их пенсионный фонд.

— Нет, Элизабет. Это все? Ты зря отнимаешь у меня время.

Я переступаю порог его кабинета.

— Нет, это не все. Еще я хочу сказать, что иногда ты бываешь очень упрямым и раздражающим!

— Спасибо, — говорит он, совершенно не задетый моей детской вспышкой.

Это лишь вызывает желание уколоть его побольнее, но есть ощущение, что он получит

от этого удовольствие, поэтому я разворачиваюсь и вылетаю из кабинета, стараясь топтать как можно громче по пути в свою комнату.

— Я не собираюсь менять свое решение! — кричит он.

Вместо ответа я хлопаю дверью.

Утром в воскресенье, пока я сижу на кухне, пью кофе и читаю, Уолт возвращается с пробежки. Покрытый испариной, он, тяжело дыша, вынимает из ушей эйрподсы и бросает их на кухонный стол.

— Доброе утро.

Я демонстративно не отвечаю.

— Хорошо спала? — спрашивает он.

В ответ только хмыкаю.

— Я вот отлично. Проспал целых семь часов.

— Я не спрашивала, — говорю, переворачивая страницу.

— Встал в пять утра, поработал немного, а потом сходил на пробежку.

— Мог бы не говорить — я даже отсюда чувствую запах твоего пота. Не планируешь принять душ?

Клянусь, он улыбается, но сразу же отворачивается, чтобы я не успела заметить. Пока я поглядываю на него, он берет кружку, наливает эспрессо, а затем добавляет немного молока. Затем медленно — намеренно медленно — все перемешивает и, постучав ложкой по краю кружки, кладет ее на салфетку. Не сводя с меня глаз, он подносит кружку ко рту и делает глоток.

Ну все, с меня хватит. Я захлопываю книгу и отодвигаю ее в сторону.

— Я бы хотела продолжить нашу вчерашнюю дискуссию.

— У тебя нет закладки? — Он с притворным ужасом вздергивает бровь. — Какая дикая женщина. Как ты запоминаешь, на каком месте остановилась?

— Просто запоминаю и все, — вру я. — Не пытайся отвлечь меня.

— Как я уже сказал вчера вечером, свое решение я не изменю. Хочешь яичницу?

Он поворачивается к холодильнику, открывает его и осматривает полки.

— Нет. Я уже поела. Думаю, ты упрямишься в этом вопросе специально. Похоже, что ты получаешь какое-то извращенное удовольствие от отказа менять свое мнение после того, как оно принято.

— Я меняю мнение постоянно. Вот например я думал, что хочу яичницу, но теперь понимаю, что предпочел бы овсянку.

Он с грохотом захлопывает дверцу холодильника и уходит в кладовую.

Соскользнув с табурета, иду за ним следом. Но осознаю насколько мало в кладовой места лишь после того, как мы оба втискиваемся туда с нашими горячими темпераментами.

— Эй, может выслушаешь меня? — говорю я и тыкаю его в спину.

Он поворачивается ко мне лицом. Его рука взлетает и ловит мою, прежде чем я успеваю ее опустить. Прищурившись, он смотрит на нее сверху вниз.

— Может, дадим им еще один шанс? — спрашиваю его. — Просто чуточку больше денег?

— Где твое кольцо?

— О, господи, ты меня вообще слушаешь?

Пытаюсь вырвать у него свою руку, но он не отпускает. Его хватка не причиняет боли,

но она сильная и напористая. Кажется, что его рука раза в два больше моей.

— Я думал, мы договорились, что ты будешь носить его.

Закатываю глаза.

— Оно слишком гигантское. До нелепого.

— Я купил его для тебя.

Мое сердце подпрыгивает в груди.

— Из-за нашей договоренности, — добавляет Уолт мгновением позже.

Снова дергаю руку, и на этот раз он ее отпускает.

— Точно. Я надену его, если тебе так уж надо, но вообще я бы предпочла это не делать.

Он тянется к коробке с овсянкой на полке рядом с моей головой, а затем уходит обратно на кухню, оставляя меня стоять в кладовой.

— Рад, что все разрешилось.

Нет, ничего не разрешилось.

— А вот у тебя кольца нет, — заявляю я, пытаюсь придерживаться справедливого подхода.

— Ты же мне его не купила, — отвечает он просто.

Жду, что он рассмеется или бросит на меня шутливый взгляд через плечо, но ни того, ни другого не происходит.

Сбитая с толку, хмурюсь. Почему мне вдруг стало жалко его?

Не надо жалеть его, напоминаю себе. У него есть девушка! Наш брак — фиктивный! Почему я начинаю об этом забывать?

— Брат вчера попросил у меня номер твоего телефона, — говорит Уолт, меняя тему.

— Да, он сказал, что после того, что произошло в пятницу, он хочет связать меня со своими знакомыми из мира искусства.

— А что произошло в пятницу?

Я хмурюсь. Точно. Я же не говорила Уолту о своем походе в художественную галерею.

Может, оно к лучшему.

Траектория, по которой мы с Уолтом движемся, вряд ли хороша для нас обоих. Разве мы не должны держаться на расстоянии?

— Ничего особенного. Но это было мило с его стороны — протянуть руку помощи. Кстати, а это нормально? Я имею в виду... если я с ним подружусь?

— Что здесь такого?

— Не знаю. Эта ситуация начинает казаться чересчур сложной.

Он упирает руки в бедра.

— Тогда давай ее упростим. Носи кольцо, на людях веди себя подобающим образом, а в частном порядке делай все, что захочешь.

— А что насчет просьбы моих родителей?

— Элизабет.

— Уолт.

Он возводит глаза к потолку, делает глубокий вдох, а затем смягчается.

— Я увеличу их ежемесячное пособие. Немного. Но если я замечу, что...

Он резко умолкает, потому что я обнимаю его, сжав его талию с такой силой, как будто пытаюсь выдавить из него всю начинку.

— Спасибо.

Он стоит неподвижно, слегка приподняв руки в воздух, словно боится того, что я могу

сделать дальше.

Я смеюсь и отступаю назад.

— Ну уж не надо изображать такой ужас. Это я должна испытывать отвращение к нашим объятиям. В конце концов, ты еще потный.

Глава 14

Мэтью пишет мне в воскресенье вечером, спрашивая, не хочу ли я присоединиться к нему на послеобеденный кофе на следующий день. Поскольку у него более плотный график, чем у меня, я предлагаю встретиться с ним возле кампуса Нью-Йоркского университета, а затем прихожу пораньше, чтобы забронировать столик. Я сижу в углу кофейни, потягиваю эспрессо с небольшим количеством молока и пытаюсь понять, почему Уолту это так нравится. По-моему, кофе должен быть черным. Я делаю еще один крошечный глоток и борюсь с желанием исказить свое лицо.

Когда Мэтью приходит, несколько человек в кафе узнают его, стараясь изо всех сил поприветствовать, когда он пробирается между столиками ко мне.

— Долго ждала? — спрашивает он, снимая через голову кожаную сумку и вешая ее на спинку стула. — Прости. Мой урок закончился в 15:00.

— Нет. Не совсем. Я пока наслаждалась видом, — говорю я, поднимая свой альбом для рисования.

Он смеется и поворачивается назад, оглядывая толпу, пока не видит женщину в очереди и не машет ей рукой.

— Это Надежда, женщина, с которой я хотел тебя познакомить. Я сейчас вернусь.

Он оставляет свои вещи на столе и направляется к стойке, чтобы поздороваться с Надеждой. Он наклоняется, чтобы обнять ее, знакомое приветствие, разделяемое ими обоими. Меня сразу привлекают цвета, которые она носит. В пасмурный, холодный день в Нью-Йорке почти все одеты в черное и серое. Ее ярко-синий свитер и темно-синие брюки легко выделяются на фоне ярко-пурпурного платка, который позволяет увидеть несколько дюймов ее темных волос у линии роста. Ее помада идеально подходит — на тон или два темнее, чем ее шарф. В ее глазах вспыхивают искорки, когда она смеется над чем-то, что говорит Мэтью, прежде чем они делают шаг вперед, чтобы заказать кофе.

Я нервничаю, когда они направляются ко мне со своими напитками, нервничаю, что буду показывать ей свои эскизы и рассказывать о концепции моей текущей серии после того, что произошло в пятницу, но ее улыбка заразительна, широкая улыбка, которую я немедленно возвращаю, когда они подходят к столу.

— Ты, должно быть, Элизабет. Привет! Рада с тобой познакомиться.

— Привет! Да. Я так благодарна, что ты смогла встретиться со мной сегодня, — говорю я, вскакивая на ноги, чтобы протянуть и пожать ей руку.

— Что я могу сказать? Мне невозможно отказать, — поддразнивает Мэтью.

Надежда смеется и игриво закатывает глаза, глядя на меня.

— Вот, садитесь, — говорю я, отодвигая свои вещи в сторону, чтобы у них было место поставить свои напитки.

В кафе тесновато, особенно в послеполуденный час пик. В итоге мы теснимся друг к другу, и я слушаю, как они перебрасываются друг с другом шутками, такими легкими и беззаботными, что я не могу удержаться от улыбки.

— Они все еще заставляют тебя преподавать на тех курсах для первокурсников? — спрашивает Надежда.

Мэтью подмигивает.

— Кто-то должен это делать. Это не так уж плохо. Они все такие же тихие сидят с широко раскрытыми, удивленными глазами.

Она смеется и кивает.

— Где ты сейчас у Штейна? — спрашивает он. — Все еще в Верхнем Вест-Сайде?

— Я была там, но на самом деле я направляюсь во Францию через несколько недель, чтобы стать заместителем директора в парижской галерее.

— Ты серьезно? — я спрашиваю об этом с отвисшей челюстью. — Я правильно расслышала? Ты работаешь в «Стейн»?

Галерея, названная так в честь американской писательницы Гертруды Стейн, была неотъемлемой частью художественного сообщества с начала 1900-х годов. Большинство людей этого не осознают, но Гертруда Стейн большую часть своей жизни была увлеченным коллекционером произведений искусства в Париже. Она помогла начать карьеру Матисса и Пикассо, и она была одним из первых защитников кубизма — еще тогда, когда большинство критиков абсолютно ненавидели авангардное искусство.

Я, конечно, заявила обо всем этом вслух, практически заикаясь от волнения.

Надежда, к ее чести, даже не выглядит слегка смущенной моей неуклюжей неловкостью.

— Я тоже все еще щиплю себя, пытаюсь поверить. Это отличная галерея, — говорит она, изо всех сил стараясь, чтобы я не чувствовала себя дурочкой.

— Как ты это сделала? Когда ты это сделала? Кто...? — я качаю головой, когда мои вопросы громоздятся один на другой.

Мэтью смеется и похлопывает меня по руке.

— Элизабет — художница, ищущая представления.

— О, правда? С какими техниками ты в основном работаешь?

— Пастель, уголь и акриловые краски. Мне также нравится накладывать слои и наращивать холст. Хотя пастельные тона — моя фишка.

Если ей скучно, она этого не показывает, и это большое облегчение.

— У тебя есть какие-нибудь твои работы с...

— Да, — говорю я, бросаясь в бой абсолютно без колебаний.

Я достаю несколько эскизов, которые принесла с собой, те, которые собиралась показать Мэтью, и она внимательно изучает их, не торопясь.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — говорит она мне, просматривая их. — Твой выбор цвета почти напоминает Матисса, что поначалу довольно хорошо, потому что в нем все еще есть остатки классической композиции.

— Да! — я с энтузиазмом киваю. — Вот именно! Постимпрессионисты, такие как Матисс, отходили от популярной художественной культуры своего времени, и я как бы переворачиваю это с ног на голову с помощью этой серии, извлекая знаменитые направления кубизма и фовизма и перенося их в 17 век с детальным изучением картин голландского барокко, таких как «Банкетный натюрморт».

— Разве эта картина не принадлежит твоему брату? — спрашивает она Мэтью.

Он кивает, потягивая кофе.

Она восторженно мурлычет, кивая головой.

— Мне это нравится, Элизабет. Думаю, для начала это очень хорошо. Будут ли твои последние работы немного больше, чем эти?

— Я надеюсь, что нет. Я хочу, чтобы они оставались доступными, если не по цене, то, по крайней мере, по размеру. Я хочу, чтобы коллекционеры могли легко выставлять их в комнате, будь то на книжной полке или консоли, без необходимости очищать всю стену.

— Хорошо. Но думаю, ты ошиблась с размером.

Мэтью встречается со мной взглядом, а затем небрежно касается моего колена рукой под столом. Я и не подозревала, что так сильно дергаю ногами, и сразу же останавливаюсь. Он убирает руку и снова сосредотачивает свое внимание на Надежде.

— Так ты собираешься помочь бедной девочке или нет? — спрашивает он с обаятельной улыбкой.

Надежда смеется и откидывается назад, раскладывая мои рисунки на столе.

— Я не удивлена, что ее до сих пор не забрали. Нет, не смотри так угрюмо. Вы уже должны знать, что искусство продается не потому, что оно хорошее, а потому, что рынок считает его хорошим. Я действительно думаю, что в Бруклине есть несколько галерей, которые были бы заинтересованы в этой коллекции, но я не буду указывать тебе в этом направлении, потому что я сама достаточно заинтригована ими.

Я растерянно моргаю, пытаюсь понять, к чему именно она клонит.

— Я уезжаю в Париж только в следующем месяце, но когда я это сделаю, я хотела бы показать завершённую серию главному тамошнему галеристу. — Когда я не сразу отвечаю — видимо, из-за нехватки мозговых клеток, — она смеется и продолжает: — В общем, я спрашиваю, не могла бы ты подготовить мне небольшую серию в течение следующих нескольких недель?

— Да!

Я, конечно, согласна, не совсем понимая, что это будет означать. Серия, говорит она мне, должна состоять по крайней мере из пятнадцати произведений — пятнадцати произведений искусства, настолько замечательных, что они сразу же должны поразить парижан.

Мы заканчиваем в кафе и выходим на улицу. Я обмениваюсь контактной информацией с Надеждой, и мы планируем, когда я свяжусь с ней в следующий раз, затем она направляется на юг по тротуару, оставляя меня рядом с Мэтью.

Я поворачиваюсь к нему, и он сияет. Я лучезарно улыбаюсь ему в ответ, совершенно не находя слов.

— Честно говоря, я не думал, что это сработает так хорошо, — говорит он со смехом. — Ты у меня в долгу

— Да! Что угодно! Чего ты хочешь?

Он качает головой.

— Нет, я шучу. Ты мне ничего не должна. Что нам теперь делать? Праздновать?

— Ты с ума сошел? Абсолютно нет. У нас нет времени. Мне нужно сходить в магазин художественных принадлежностей.

— Хорошо, тогда пошли. Здесь есть один в нескольких кварталах отсюда, а еще прямо по соседству есть магазин фотоаппаратов.

Мы направляемся туда вместе в головокружительном темпе, соприкасаясь плечами при ходьбе и разговоре. Он обращает внимание на то, куда мы идем, лучше, чем я. Время от времени он протягивает руку, чтобы направить меня в сторону, чтобы мы не перекрывали поток машин, пока я говорю.

— Париж, Мэтью. ПАРИЖ!

— Я знаю. Звучит довольно круто.

— Лучше, чем круто. Круто — и близко не подходит к описанию того, что я сейчас чувствую. Я хочу позвонить всем, кого знаю, и сообщить им хорошие новости. Я хочу позвонить...

— Кому? — спрашивает он.

Грустный смех вырывается из меня, когда я осознаю правду.

— Никому. Честно говоря, мне некому звонить.

Улыбка Мэтью исчезает, когда он смотрит на меня сверху вниз.

— Нет, не делай этого. Не расстраивайся. Я не хочу грустить. Я так взволнован, что готов кричать. Я позвоню тебе. Как тебе это? Достань свой телефон.

Он так и делает, подыгрывая мне, и я набираю его номер.

— Привет? Мэтью Дженнингс? — спрашиваю я, как только звонок соединяется.

— Да. И кто же мне звонит?

— Элизабет Брайтон, — говорю я с дразнящей улыбкой, пока мы продолжаем идти бок о бок.

Он кривит лицо, как будто совершенно сбит с толку.

— Кто?

— Э-ли-за-бет Брайтон, — повторяю я, четко выговаривая слоги.

— О да, это наводит на размышления. Ты та девушка, на которой женат мой брат?

Я протягиваю руку, чтобы слегка ударить его по плечу.

— Прекрати дразнить. У меня большие новости. ОГРОМНЫЕ новости.

— Давай, скажи это.

— Я могла бы... возможно... могла бы продавать свои работы в парижской галерее.

— Правда?

Я срываюсь с места и нажимаю отбой, когда мы сворачиваем за угол и оказываемся лицом к лицу с магазином предметов искусства — короче говоря, моей Меккой (*прим. город в Саудовской Аравии, место паломничества мусульман со всего мира*).

Несколько часов спустя мы вместе едем на лифте обратно в квартиру Уолта, держа в руках бумажные пакеты.

— Спасибо. Ты не должен был помогать мне тащить эти вещи, — говорю я Мэтью, когда мы выходим в галерею.

— Как еще ты собиралась это сделать? Нанять повозочную лошадь?

— Элизабет? — окликает Уолт.

Мы оба синхронно поворачиваемся, когда он выходит из кухни, вытирая руки кухонным полотенцем. На нем темно-зеленый свитер и джинсы. Непринужденный, но все же болезненно привлекательный.

Что-то пахнет просто восхитительно, и Мэтью тоже это замечает.

— Тебе доставили ужин? — спрашивает он, практически облизываясь.

— Я сам приготовил, — говорит Уолт, перекидывая полотенце через плечо, прежде чем подойти ко мне, чтобы взять пакеты из моих рук.

— Для одного? — спрашивает Мэтью.

— На двоих, — отвечает Уолт, поймав мой взгляд.

— Ой? Камила придет? Вы с ней во всем разобрались? — спрашивает Мэтью, небрежно бросая мои сумки возле двери.

— Нет.

Моя голова поворачивается в его сторону, мой рот открывается с вопросом, который я слишком стесняюсь задать.

Нет, она не придет? Или нет, ты не разобрался с ней?

Уолт заглядывает в сумки, чтобы увидеть мои художественные принадлежности. Затем, не дожидаясь приглашения, он поворачивает в сторону библиотеки, чтобы отнести их туда.

— Мэтью, принеси сюда эти сумки для Элизабет, — говорит Уолт.

Младший брат закатывает глаза на старшего брата, но, тем не менее, он делает, как его просят. Я улыбаюсь и кричу им обоим «спасибо», прежде чем войти в кухню.

Фрэнк Синатра тихо играет на скрытых динамиках. Бутылка красного вина дышит рядом с двумя бокалами. Рядом стоит салат из капусты, заправленный изюмом и нарезанным миндалем. Тарелки уже расставлены вместе со столовыми приборами.

— На кого ты пытаешься произвести впечатление? — дразнит Мэтью, когда они вдвоем следуют за мной на кухню мгновение спустя.

Мои щеки горят, когда я думаю о том факте, что Уолт, вероятно, готовил ужин для меня. Если только он не пригласил кого-нибудь еще?

Я оглядываюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как он пожимает плечами.

— Я хотел приготовить, а готовить на двоих так же легко, как и на одного.

— Это ягненок? — спрашивает Мэтью.

— Тушеные бараньи отбивные с клюквенно-горчичном чатни (*прим. большая группа традиционных индийских соусов, оттеняющих вкус основного блюда*).

— Пахнет действительно вкусно, — говорю я ему с легкой улыбкой.

Он кивает, но не смотрит на меня.

— Похоже, здесь хватит для нас всех, если ты хочешь остаться, Мэтью, — говорю я, пытаюсь быть милой.

— Учитывая, что я планировал съесть хлопья, когда вернусь домой, думаю, что приму твое предложение.

Мы легко делим ужин Уолта на троих, разливаем бутылку вина, сидя в углу длинного обеденного стола. Мы с Мэтью садимся друг напротив друга, а Уолт садится с краю. Он молчит, пока мы едим, хотя в этом нет ничего нового. Он так легко отступает на задний план, скорее принимая участие в разговоре, чем участвуя, особенно в присутствии Мэтью, который, кажется, впитывает внимание, как губка.

Мэтью говорит достаточно для всех, рассказывая Уолту о нашем дне, рассказывая ему о моей встрече с Надеждой, а затем рассказывая о нашем времени в магазине предметов искусства.

— Мне пришлось практически оттащить Элизабет от прилавка с красками. Клянусь, она бы просидела там весь день, если бы я ей позволил. И ради всего святого, не позволяй ей смотреть на мольберты, иначе тебе никогда не сбежать.

— Неправда! Я закончила быстро по сравнению с тем, как надолго ты завис в магазине фотоаппаратов. Как будто ты никогда раньше не видел линзы. Думаю, что в какой-то момент у тебя даже текли слюнки.

— Похоже, вы вдвоем хорошо провели время, — отвечает Уолт, поднимая бокал с вином и делая большой глоток. — Ты закончил с этим?

Он внезапно встает и тянется к тарелке Мэтью, заставляя своего брата быстро доедать последний кусочек, прежде чем он упустит шанс.

— Эй! Я все еще...

— Рад, что ты смог остаться на ужин, но мне рано вставать.

Его тон ясно говорит: «Ты злоупотребил своим гостеприимством».

Затем он поворачивается к кухне, унося тарелку Мэтью.

Мэтью смотрит на меня в поисках поддержки, но я ни за что не выйду на ринг от его имени.

— Я понимаю это громко и ясно, — кричит Мэтью со смехом и качает головой.

Затем он допивает остатки вина и встает.

— Элизабет, проводишь меня?

Я делаю, как он просит, хотя и хочу быстро попрощаться, чтобы поспешить обратно на кухню и помочь с уборкой.

— Большое тебе спасибо за то, что познакомил меня с Надеждой. Все это так волнующе, даже если из этого ничего не выйдет.

Он натягивает куртку.

— Все получится, — говорит он, полный уверенности, прежде чем наклониться и поцеловать меня в щеку. — Я напишу тебе позже на этой неделе. Может быть, мы сможем поужинать или еще что-нибудь.

Я слышу звон посуды на кухне, поэтому быстро соглашаюсь и начинаю пятиться назад.

— Да, давай сделаем это.

Уолт уже стоит у раковины спиной ко мне, оттирая посуду губкой, когда я спешу на кухню.

— Вот, дай мне, — говорю я, дотрагиваясь до его предплечья, чтобы привлечь его внимание.

Его мышцы напрягаются под моей рукой, и я быстро отдергиваюсь, сразу же сожалея, что прикоснулась к нему.

— Все в порядке. Я справлюсь.

— Но ты приготовил ужин, и это, должно быть, заняло целую вечность. Все было действительно потрясающе вкусно. Я хотела сказать тебе это, пока мы ели, но Мэтью не переставал говорить ни на полсекунды, — я смеюсь.

Уолт не отвечает и не отдает губку, поэтому я пытаюсь забрать ее у него.

— Я сказал, я справлюсь.

Я напрягаюсь, услышав раздражение в его голосе, отступаю назад и опускаю руки.

Наступает оглушительная тишина, а затем он тянется за другой тарелкой и отпускает меня со словами:

— Спокойной ночи, Элизабет.

Не зная, что еще сказать, я отступаю обратно в свою комнату, счастливая быть за закрытой дверью, чтобы не бояться, что он увидит, как расстроило меня его настроение.

Боже, он бесит.

Полная противоположность своему брату.

С Мэтью это солнечные и счастливые дни. С Уолтом все наоборот. Я думала, что мы постепенно приближаемся к дружбе, и если не к этому, то, по крайней мере, к взаимному уважению друг к другу.

Сегодня вечером все выглядит так, как будто последних нескольких дней никогда и не было. Как будто мы вернулись к исходной точке, и эта мысль еще больше укрепляется в течение следующих нескольких дней.

По вторникам, средам и четвергам он работает так допоздна, что я даже не успеваю

застать его перед сном. Его отсутствие делает наше взаимодействие в понедельник, кажется, еще более угрожающим, как будто, оставленные сами по себе, мои сорняки неуверенности полностью выходят из-под контроля. Я начинаю задаваться вопросом, не сердится ли он на меня за что-нибудь. Может быть, я оставляю слишком много беспорядка на кухне после приготовления завтрака, поэтому я стараюсь навести там безупречный порядок, прежде чем удалиться в библиотеку на работу. Может быть, он хочет, чтобы я выписала еще один чек на ковер, поэтому я оставляю его у него на столе, хотя мне больно брать деньги из своих сбережений. Может быть, он раздражен тем, что я не вношу свой вклад в покупку продуктов, поэтому я обязательно покупаю в магазине кое-что необходимое в четверг вечером. Я пеку печенье с шоколадной крошкой и оставляю его с запиской, чтобы он съел столько, сколько захочет. Я покупаю цветы в магазине за углом, чтобы украсить стол в галерее у входа. На следующее утро я обнаруживаю, что он перенес вазу в библиотеку.

В пятницу я ненадолго застаю его, когда возвращаюсь домой с занятий йогой. Мое тело начинало ненавидеть меня за все те часы, которые я проводила перед своим мольбертом. Боли и спазмы увеличивались сами по себе, поэтому я решила попробовать место с восторженными отзывами.

В студии было жарко, так что к концу занятия я вспотела с головы до ног. Добавьте к этому мою быструю прогулку обратно в квартиру, и я отчаянно хочу сорвать с себя куртку и шарф, как только выхожу из лифта. Я даже не успеваю пройти мимо входа, как раздеваюсь до спортивного лифчика и леггинсов, и в тот момент, когда мои верхние слои одежды свалены у моих ног, я поднимаю глаза и вижу, что Уолт смотрит на меня с другого конца коридора.

О Господи.

— Я все уберу, — смущенно говорю я, предполагая, что именно поэтому он смотрит на меня с таким суровым выражением лица.

Он, вероятно, предполагает, что я оставляю свои вещи там, где мне нравится, и позволяю горничным забрать их позже, но это не так. Никогда.

Как бы в доказательство своей правоты, я тут же наклоняюсь и начинаю собирать свои вещи. Когда я заканчиваю и поднимаю взгляд, Уолта там больше нет.

— Я тоже рада тебя видеть, — шепчу я себе под нос, более чем немного раздраженная.

Для меня это переломный момент, эта странная игра, в которую он, похоже, намерен играть. Если у него есть проблемы со мной, он может просто, черт возьми, сказать об этом.

Я бросаю одежду в своей комнате и продолжаю идти по коридору, заглядывая в его кабинет, чтобы обнаружить, что его там нет. Не желая пока сдаваться, я направляюсь в его комнату.

Как правило, у меня не входит в привычку приближаться к его спальне по понятным причинам. Однако прямо сейчас мой темперамент стер всякое чувство приличия.

— Уолт? — спрашиваю я, стуча кулаком в его дверь. — Можно тебя на пару слов?

Дверь немедленно распахивается, и он маячит с другой стороны, почему-то больше, чем я помню. Его кроссовки в руке вместе с AirPods. Он явно собирается уходить, но я преграждаю ему путь.

— Что бы тебе ни понадобилось, мы можем обсудить это, когда я вернусь.

Он пытается пройти мимо меня, но я преграждаю ему путь. Ну, немного. Он намного выше меня и может легко пройти мимо. На самом деле, он отступает в сторону, как будто собирается сделать именно это, пока я не вытягиваю руки и не хватаюсь за дверной косяк,

как ребенок, играющий в игру, блокируя его навсегда.

Я думаю, он будет смеяться. Черт, я как раз собираюсь это сделать. Но он только смотрит на меня сверху вниз, как на насекомое, которое он хотел бы прихлопнуть.

Глава 15

Уолт не смеется. Ни малейшего намека на это.

— О, да ладно, разве это немного не смешно? — указываю я, все еще не убирая руки с дверного косяка.

— Действительно, это так.

Он перемещает свой вес влево, как будто хочет сделать пас, как разыгрывающий игрок НБА (*прим. Национальная баскетбольная ассоциация, НБА — мужская профессиональная баскетбольная лига Северной Америки*), и я вынуждена соответствовать ему.

— Дело в том, что... ты был тихим на этой неделе.

— Я всегда тихий.

— Конечно. Да. Но на этой неделе ты поднял это на совершенно новый уровень. У меня такое чувство, что это из-за меня.

— Это довольно высокомерно, тебе не кажется? Ты не единственный источник стресса в моей жизни.

Я ухмыляюсь уверенной самодовольной ухмылкой, которую он сразу замечает.

— Значит, я — источник стресса?

— Едва ли. Не могла бы ты, пожалуйста, подвинуться?

Он протягивает руку, чтобы схватить меня за бицепс, чтобы он мог силой убрать меня со своего пути, но я отдергиваю руку прежде, чем он успевает.

— Не так быстро.

— Элизабет.

— Да, видишь — ты слышишь, как ты произносишь мое имя? Как будто я изматываю тебя?

— Ты действительно изматываешь меня.

— Хорошо. Было не так уж трудно признать правду, не так ли? Теперь подробнее. Что во мне такого, что тебя так раздражает? Если ты дашь мне знать, я смогу измениться и облегчить тебе жизнь.

Он потирает виски. Честно говоря, я думаю, что у него эта головная боль с того дня, как я переехала.

Я отпускаю дверной косяк и скрещиваю руки на груди, показывая ему языком тела, что не собираюсь двигаться, пока он не заговорит.

Его взгляд встречается с моим, бабочки наполняют мой желудок, и даже сейчас, выражение его лица говорит, что я могу стоять здесь до утра, если мне нужно. Я не сдвинусь с места.

Я вздрагиваю.

— Не собираешься мне сказать? Ладно, хорошо, тогда мне придется угадать. Я слишком шумлю, когда ты дома? Я могла бы быть тихой, как церковная мышь, если бы только ты сказал мне быть такой.

От него ничего, ни подтверждения, ни опровержения.

Ладно...

— Я могла бы быть более полезной. Могу помочь приготовить ужин или что-то в этом роде? Или подожди. — Мои глаза загораются идеей. — Ты в более мрачном настроении, чем

обычно, потому что на днях я прикончила последнее яблоко? Потому что, клянусь, я даже не думала, что тебе будет не все равно. Я думала, ты предпочитаешь апельсины. По крайней мере, я так полагаю, потому что ты всегда съедаешь апельсины прежде, чем я успеваю до них добраться...

Моя фраза обрывается, когда — одним быстрым движением — Уолт делает шаг вперед, наклоняется и прижимается своими губами к моим.

Он буквально целует меня, заставляя замолчать.

Это жесткое, агрессивное действие, от которого я в шоке отшатываюсь назад. Мои глаза широко раскрыты от удивления. Моя рука — такая же растерянная, как и все остальное во мне — взлетает, чтобы прикрыть мои губы, как будто в поисках собственных доказательств. Действительно ли это только что произошло?

Я задаю вопрос вслух, и, к моему крайнему ужасу, Уолт выглядит таким же шокированным и потрясенным поцелуем, как и я.

— Ты поцеловал меня! — восклицаю я.

— Ты бы не заткнулась! — говорит он, вскидывая руки в воздух.

— ТЫ ПОЦЕЛОВАЛ МЕНЯ! — я повторяю снова, как будто выкрикивая эти слова, мне будет как-то легче поверить.

Уолт поворачивается и запускает руки в волосы. Он делает два шага в сторону, вздыхает и оглядывается на меня с чем-то похожим на раскаяние. Хотя с ним я в этом сильно сомневаюсь.

— Я бы извинился, но не думаю, что ты примешь это.

— Нет. Абсолютно нет. Ты только что украл у меня поцелуй, и я хочу его вернуть, — говорю я, жестикулируя рукой.

Это, из всех вещей, заставляет его смеяться — хорошим сочным смехом, который длится так долго, как будто он сдерживал его неделями. Его глубокие ямочки насмеваются надо мной.

— Прости, Элизабет. Это так не работает.

Я вдруг необъяснимо злюсь. Злюсь на него за то, что он молчал со мной большую часть недели. Злюсь на него за то, что он такой враждебный отшельник, что я не могу сказать, о чем он думает в данный момент. Злюсь на него за то, что он сделал что-то подобное СО МНОЙ.

Я хочу топнуть ногой, закричать от ярости, выбежать, вернуться, снова выйти. Я хочу вскрыть его и посмотреть, как бьется его сердце, просто чтобы убедиться, что он человек.

— Я думаю, что ненавижу тебя, — говорю я, открывая правду. — Почему ты не можешь просто вести себя как нормальный человек? Почему ты не можешь просто поприветствовать меня утром веселым «Доброе утро!», спросить, как прошел мой день, и улыбнуться, когда я говорю что-нибудь приятное?

— Я так не работаю.

Это заявление сопровождается пожатием плечами, настолько уверенным, настолько укоренившимся в высокомерии, что это выводит меня из себя.

Я издаю безумный крик и поворачиваюсь, чтобы уйти, но не раньше, чем отпущу еще одну насмешку.

— Никогда больше не целуй меня!

— Ты моя жена — я могу поцеловать тебя в любое время, когда мне, черт возьми, заблагорассудится, — отвечает он почти лениво.

— Нет, ты не можешь! Абсолютно нет. Не говори мне эту старомодную чушь. Ты мой муж только номинально. Если ты поцелуешь меня еще раз, я... — я оглядываюсь вокруг, как будто пытаюсь вдохновиться. — Я...

— Ты сделаешь что?

— Я подам на развод.

Позже, когда я варюсь в своей комнате в чане сожаления, я понимаю, что вела себя не совсем так, как хотелось бы, по отношению к Уолту. Где была моя выдержка? Тактичность? Воспитание? Отношение крутой девчонки, которой наплевать на все, в конце концов? Я могла бы просто рассмеяться и отмахнуться от него, когда он поцеловал меня. Я могла бы быть выше этого. Я могла бы поцеловать его в ответ... просто чтобы проверить, было ли то, что я чувствовала, реальным или воображаемым.

Я слышу, как он выходит из квартиры через несколько минут, вероятно, чтобы отправиться на пробежку или, может быть, пойти посмотреть, как Камила... чтобы признаться ей, что он поцеловал меня, но это ничего для него не значило. Это был едва ли поцелуй, даже меньше, чем поцелуй. Она будет расстроена, но он успокоит ее опасения, скажет, что смотрит только на нее, и тогда они влюбятся еще сильнее. Я агрессивно взбиваю свою подушку, поэтому извиняюсь перед ней и бросаю ее обратно на кровать.

Когда позже я получаю сообщение от Мэтью, я нервничаю, открывая его, беспокоясь, что Уолт мог проболтаться своему брату.

Вместо этого я нахожу дружеское сообщение с вопросом, не хочу ли я завтра пообедать.

Мы встречаемся в гастрономе рядом с кампусом Нью-Йоркского университета, потому что у него всего час между занятиями. Мэтью вежлив, как всегда, хорошо одет и в хорошем настроении. Полная противоположность его брату... Брату, о котором я не могу перестать думать. Мэтью болтает без умолку, пока мы стоим в очереди за заказом, и я волнуюсь все больше и больше. Затем, когда мы сидим друг напротив друга в маленькой кабинке, наши сэндвичи развернуты на вощеной бумаге, Мэтью собирается отправить в рот свой первый кусочек, и я признаюсь во внезапном порыве:

— Твой брат поцеловал меня вчера.

Мэтью отрывает взгляд от своей еды, прежде чем поправить очки. Он более чем немного озадачен.

— Это...

— Странно, правда?

— Да. Я имею в виду... — он кивает головой из стороны в сторону, обдумывая это. — Как я сказал на званом ужине, ты в его вкусе и все такое... но я просто предположил, что ему это неинтересно.

— Он не заинтересован, — говорю я в спешке, желая прояснить очевидное.

— Но он поцеловал тебя.

Я качаю головой, непреклонная в своей позиции.

— Это был не такой поцелуй, как ты думаешь.

Теперь он выглядит совершенно сбитым с толку, так что я вынуждена объяснять дальше.

— Это был поцелуй типа «я-ненавижу-тебя». Разве у тебя никогда не было такого?

— Я понятия не имею, что это такое.

— Это поцелуй, рожденный не из любви, а из ненависти.

— Да, спасибо. Это видно из названия. Я просто в замешательстве, потому что я не целуюсь с людьми, которых ненавижу.

— Ну, ты, наверное, не многих ненавидишь. Ты намного лучше своего брата, понимаешь?

— Да, это очевидно.

Я закатываю глаза, и он смеется, откусывая от своего сэндвича. Он изучает меня, пока жует, его глаза задумчиво прищуриваются.

— Тебе понравился поцелуй? — наконец спрашивает он, доедая свой кусок.

Я преувеличенно изображаю рвотные позывы. Внутри, однако, мое сердце прыгает, пытаюсь быть услышанным.

Да! Ей понравился этот поцелуй! Ей это понравилось! Она лгунья!

— Хорошо, замечание принято, — говорит он, кивая. — Как ты думаешь, ему понравился поцелуй?

Я смотрю вниз.

— Откуда мне знать? После этого мы особо не разговаривали об этом. Я вроде как накричала на него, и он сразу же закричал в ответ.

— Вы двое, кажется, действительно создали здоровые отношения.

Мой взгляд метнулся к нему.

— Не смотри на меня так. Я пыталась. Я была добра к нему с самого начала. Он был весь такой щетинистый и холодный, настоящий мистер Дарси*.

— Мистер Дарси? — спрашивает он, хмурясь.

— Я собираюсь притвориться, что ты только что не спрашивал об этом.

Прости, Джейн* (**прим. отсылка к главным героям романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение»*).

— Как ты думаешь, он собирается поцеловать тебя снова?

— Ни за что. Он определенно усвоил свой урок. Кроме того, разве он все еще не с Камиллой? Он не должен целоваться ни с кем, кроме нее.

— Я думал, они закончили.

— Да, ну, она пришла на днях утром и извинилась за то, как она вела себя на званом ужине. Я видела, как они обнимались.

— Ты шпионила за ними? — спрашивает он, как будто только что узнал какую-то щекотливую сплетню.

— Ты бы думал обо мне хуже, если бы я так сделала?

— Нет.

— Тогда да, я шпионила.

— Элизабет, — говорит он, изображая ужас.

Я смеюсь и пожимаю плечами.

— Неважно. Думаю, они снова вместе. На этой неделе его часто не было в квартире.

— Возможно, он просто избегал тебя, — указывает он.

— Конечно, или, может быть, он занимается сексом со своей супер-горячей подружкой.

— Почему это звучит так, как будто тебя это беспокоит?

Я поднимаю руку, чтобы остановить его прямо здесь.

— Я не просила никакого психоанализа, спасибо.

— Тогда я прикушу свой язык.

— Хорошо.

Каждый из нас откусывает от своего сэндвича, пережевывает, проглатывает, затем он спрашивает:

— Ты хочешь, чтобы я написал ему о Камиле?

Ни секунды не колеблясь, я отодвигаю свою еду в сторону и наклоняюсь вперед с широко раскрытыми глазами.

— Да.

Он кивает и достает свой телефон.

— Однако тебе нужно быть осторожным в этом, — быстро говорю я. — Не заставляй его думать, что мы говорим о нем или что-то в этом роде.

Он пододвигает телефон через стол, чтобы я могла прочитать сообщение, которое он уже отправил.

Мэтью: *Эй, вы с Камиллой все еще вместе?*

— МЭТЬЮ!

— Что? Мы не танцуем вокруг да около. Он бы подумал, что это странно, если бы я добавил розовых соплей.

Я краснею с головы до ног. Как будто это я только что написала Уолту.

— Он ответил?

— Я только что отправил его.

— Хорошо, а теперь?

— Расслабься, психованная. Ешь свой сэндвич, и мы посмотрим, ответит ли он нам до того, как мы закончим с обедом.

Я делаю все возможное, чтобы участвовать в беседе. Мэтью пытается поговорить со мной об одном из учеников в его классе, и я создаю прекрасное впечатление внимательного друга, пока он не просит меня повторить то, что он только что сказал, и я замолкаю.

— Так я и думал, — говорит он, весь такой самоуверенный.

— Могу я просто посмотреть в твой телефон, пожалуйста, чтобы узнать, ответил ли он?

— Он не ответил. Я бы почувствовал, как телефон вибрирует, — говорит Мэтью, вытаскивая его из кармана, чтобы проверить.

Он показывает мне пустой экран. Никакого сообщения.

— Чем он вообще занимается? — спрашиваю я раздраженно.

— Управляет компанией из списка Fortune 500 (*прим. рейтинг 500 крупнейших мировых компаний, критерием составления которого служит выручка компании*).

Точно. Хорошо, это весомый аргумент. Так что у него нет времени переписываться с нами в час дня, но это просто оставляет вопрос горящим в глубине моего сознания. Мы заканчиваем обед и прощаемся. Мэтью обещает дать мне знать, если Уолт ответит, и тогда я иду домой в припадке беспокойства, проверяя свой телефон каждый раз, когда чувствую фантомную вибрацию.

Я пытаюсь поработать в библиотеке у себя дома, но сосредоточиться на моем холсте невозможно.

Я кладу свой телефон рядом с собой, затем, раздраженная тем, что он занимает так много моего внимания, я кладу его подальше, как будто так он будет вне поля зрения, из сердца вон, как говорится. Однако это не работает, потому что тогда я постоянно беспокоюсь, что пропустила звонок или сообщение. Я мечусь взад и вперед по комнате, бегу проверить, не появилось ли каких-нибудь новых сообщений за последние несколько секунд с тех пор, как я проверяла в последний раз.

Около 20:45 я сдаюсь и отправляю сообщение Мэтью.

Элизабет: *Есть что-нибудь?*

Но прежде чем он успевает ответить, звенит лифт.

Я слышу зловещий стук ботинок Уолта по мраморному полу, и волосы у меня на затылке встают дыбом.

Я бросаю телефон на стул и на цыпочках подхожу к двери библиотеки, чтобы выглянуть наружу. К моему ужасу, Уолт направляется по коридору в мою сторону, потрясающе красивый в темно-синем костюме.

Я бегу обратно к своему мольберту, беру пастельный карандаш и энергично царапаю по холсту.

Его шаги приближаются, и паника сковывает мой позвоночник. Как будто я нахожусь в каком-то фильме ужасов, и монстр подкрадывается все ближе.

Когда он останавливается у двери библиотеки, я бросаю на него взгляд через плечо. Он заканчивает ослаблять галстук, а затем начинает снимать пиджак.

— Если тебе интересно обо мне или моей жизни, я бы предпочел, чтобы ты спросила меня об этом напрямую, а не через моего брата.

Он даже не смотрит на меня!

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Хорошо, Элизабет. Это прозвучало почти правдиво!

Он усмехается себе под нос — в явном недоверии — поворачивается и уходит.

Я не вижу и не слышу его весь оставшийся вечер.

Мэтью пишет мне перед сном.

Мэтью: По-прежнему никаких известий. Извини.

Элизабет: Я сомневаюсь, что ты когда-нибудь получишь ответ. Он знает, что мы в сговоре.

Мэтью: Черт. Он всегда был самым умным.

На следующее утро я нахожу Уолта на кухне, он читает на айпаде, потягивая кофе. Сейчас воскресное утро, а он уже одет с иголки. Другой день, другой костюм. Как ему удается так идеально выглядеть?

— Доброе утро, Элизабет, — говорит он, когда я направляюсь прямо к кофемашине.

— О, сегодня я получу приветствие?

— Да, потому что сегодня мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

— Что?

Он кивает в сторону приглашения на стойке рядом со мной. Я подтягиваю его ближе и читаю слова, напечатанные витиеватым золотым шрифтом. Это для сбора средств в пользу Глобального фонда охраны дикой природы, который состоится в следующую пятницу.

— Итак? Иди. Повеселись. Спаси животных, — говорю я, протягивая ему приглашение.

— Прочти конверт.

Я закатываю глаза, но тем не менее делаю, как он говорит.

Оно адресовано мистеру и миссис Уолтер Дженнингс II.

Они пригласили нас обоих.

— Я пошлю свои извинения, — просто говорю я.

Его взгляд умоляет меня: «Пожалуйста, хоть раз не спорь».

— Что? Почему я должна идти?

Он не спорит. Вместо этого он мягко кивает и снова смотрит на свой iPad, как будто ничего другого интереснее нет.

О боже. Это похоже на то, когда родитель не говорит, что он злится, а просто

разочарован. Проклятье.

Я в долгу перед Уолтом. За последний месяц он предоставил мне ночлег и еду, он изо всех сил старался устроить для меня студию в своей библиотеке, и... хотя мне неприятно это признавать, он терпит мою общую глупость.

— Хорошо.

Не отрывая взгляда от экрана, он отвечает:

— Будь готова в 19:30.

Какой романтический жест! Я бы с удовольствием составила тебе компанию, Уолт! Боже, как мне повезло!

Как только он уходит на работу, я прокрадываюсь обратно на кухню, чтобы прочитывать дресс-код на приглашении: официальный. О, отлично, у меня в шкафу ровно ноль бальных платьев, и нет времени покупать одно из них. Кроме того, последнее, на что я хочу тратить свои деньги, — это платье, которое я буду носить максимум четыре часа.

Я решаю пока отложить мысли о деньгах и сосредоточиться на своем творчестве. Это работает большую часть недели, особенно с тех пор, как мы с Уолтом вообще не пересекаемся. Он, кажется, намерен работать до смерти, и я делаю то же самое. В четверг днем у меня мелькает мимолетная мысль, что мне следует сходить в комиссионный магазин и поискать платье, но потом я слишком увлекаюсь картиной, над которой работаю.

В пятницу утром Мэйсон невольно выступает в роли моей феи-крестной.

Он звонит мне, когда я нахожусь в библиотеке, рассматривая работы, которые я уже закончила для своей коллекции.

— О, привет, Мейсон. Чему я обязана таким удовольствием? — спрашиваю я, просто пытаюсь добиться от него человеческого, а не роботизированного ответа.

— Привет, Элизабет. Я звоню, чтобы сообщить тебе, что личный стилист из «Блумингдейл» (*прим. это представительство универмагов высокого класса в сети*) прибудет в квартиру в 16:30 сегодня днем с платьями для вечернего мероприятия.

— Спасибо.

— Хорошего дня.

Звонок закончился.

Держу пари, что в их офисе настоящий бунт. Держу пари, они вдвоем просто смеются, смеются и смеются весь день.

Я смотрю на время на своем телефоне, раздраженная тем, что уже половина десятого. Мне так много нужно сделать до 16:30. Я могла бы работать весь день и все равно не успеть нарисовать пару картин к той серии, которую я должна подготовить для Надежды.

Я работаю не покладая рук, пропуская обед, не обращая внимания на то, что мою руку сводит судорога. Я откладываю свой пастельный карандаш и разминаю руку, отступая от своей работы и изучая ее. Расстояние помогает взглянуть на вещи в перспективе. Мои глаза скользят по холсту, находя области, которые мне все еще нужно усовершенствовать.

— Миссис Дженнингс?

Я подпрыгиваю от неожиданности и, обернувшись, с удивлением обнаруживаю Ребекку, консьержку квартиры, в дверях библиотеки. Иисус. Я прижимаю руку к своему бешено колотящемуся сердцу, пытаюсь успокоить его.

Она с сожалением улыбается.

— Мне так жаль. Я позвала вас по имени, когда мы вышли из лифта, но вы не ответили. Мне сказали, что вы нас ждали.

— Уже 16:30?

Ее улыбка становится шире.

— 16:32.

Верно. Хорошо.

Я смотрю вниз на свои испачканные руки, каждый палец покрыт разноцветной пастельной пылью. Затем я поднимаю глаза и вижу, что позади нее стоит команда людей, которые прибыли, чтобы подготовить меня к вечеру, всего их четверо. Впереди всех стоит женщина с короткой стрижкой а-ля Натали Портман в фильме «V — значит вендетта», держащая в руках огромную черную косметичку. Женщина рядом с ней одета в длинный блейзер без рукавов с цветочным принтом, надетый поверх белой водолазки, и несет сумку, битком набитую средствами для волос. Позади нее двое парней держатся по обе стороны от вешалки с одеждой на колесиках, нагруженной чехлами с одеждой из «Блумингдейл».

Я вздрагиваю.

— Ничего, если я быстро приму душ? — спрашиваю я, чувствуя вину за то, что трачу их время впустую.

Хотя мне действительно нужно все смыть. У меня пастельная пыль в волосах и запеклась под ногтями.

— Конечно. Нам все равно нужно подготовиться, — говорит женщина с короткой стрижкой.

— Где бы вы хотели, чтобы они вас ждали? — спрашивает Ребекка.

— Эм... в большой комнате? Таким образом, у нас будет много места для всех.

Она кивает в знак согласия, затем поворачивается и протягивает им руку.

— Прямо сюда.

Когда я присоединяюсь к ним двадцать минут спустя, Ребекки уже нет, а женщина с короткой стрижкой, которая говорит мне, что ее зовут Джина, сообщает мне, что мы начнем с выбора платья, чтобы не испортить мою прическу и макияж.

Тот, кто их нанял — вероятно, Мейсон, — должно быть, дал им четкие инструкции относительно вечера, потому что они сразу приступают к делу, не спрашивая моего мнения. Я примеряю в общей сложности десять платьев, все разных фасонов и цветов.

— Этот, — единогласно решает группа.

Я смотрю вниз на красное платье с лифом, расшитым на заказ, и фиксированной талией, оценивая, как оно облегает мою фигуру от лифа до бедер. Драпированные рукава-фонарики и вырез в виде сердечка означают, что мое декольте обнажено. Они быстро исправляют это, добавляя бриллиантовое ожерелье — займы — которое пристраивается у основания моей шеи. Слава богу, у платья есть встроенные чашечки и косточки в лифе.

Я осторожно двигаюсь из стороны в сторону, пытаюсь определить, не слишком ли рискованно открывается разрез сбоку на ноге.

— Вы не думаете, что это слишком? — спрашиваю я, глядя на группу.

Я встречаюсь с кучей взглядов, а потом, наконец, кто-то заговаривает.

— Если бы у меня была твоя фигура, я бы ходил в этом платье каждый чертов день, — говорит Ноэль, один из парней из «Блумингдейл».

— Да, — добавляет его друг Стивен, хлопая в ладоши. — Я бы надевал его даже в «Старбакс». На поздний завтрак. В спортзал. Я бы занимался в нем на беговой дорожке. Смотри на меня.

Я хихикаю и киваю, веря им на слово. Это немного смелее, чем то, что я обычно ношу,

но они эксперты.

После того, как мы договорились о платье, я снова надеваю халат и сажусь в кресло для прически и макияжа. Мне не разрешают покидать его в течение, по ощущениям, трех дней. Мои волосы торчат во все стороны, когда они сушат их феном и убирают с шеи в аккуратную прическу.

Пока это происходит, мое лицо мажут и красят.

— Милая, эти брови убивают меня, — говорит визажист.

— Я думала, что большие брови в моде.

Она смеется.

— Не такие большие.

Замечание принято. Не то чтобы я в последнее время уделяла много внимания своей внешности. Моему искусству все равно, как я выгляжу, так какой в этом смысл?

— Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, что у тебя такая костная структура? — спрашивает она, в ее голосе звучит раздражение на меня.

— Ммм... да? — отвечаю я, не совсем уверенная, какой ответ она хочет услышать.

— О боже, — стонет Стивен в агонии. — Не говори мне, что ты одна из тех девушек, которые не понимают, как они красивы. Неужели я живу в песне Тейлор Свифт?! Пожалуйста, Боже, помоги мне.

— Она не такая, как другие девушки, — шутит Ноэль.

— Я знаю, что я прилично выгляжу, придурки.

— Прилично выглядит! — Стивен в отчаянии. — БОЖЕ МИЛОСТИВЫЙ, она думает что она серая мышка.

Ноэль двигает руками, как дирижер оркестра.

— Скажи это вместе с нами: «Я горячая».

— Я горячая, — повторяю я в ответ на громкости, больше похожей на шепот.

К тому времени, когда они заканчивают со мной, я действительно в это верю. Я стою перед зеркалом в полный рост в своей комнате после того, как квартира опустела, и смотрю на себя, как самовлюбленная дурочка. Я просто... ничего не могу с этим поделать. В большинстве случаев я наношу немного тонированного увлажняющего крема с SPF и заканчиваю на этом. Моя одежда симпатична и хорошо сидит на мне, но она практична для повседневной жизни.

Это, безусловно, лучшее, что я когда-либо надевала. Я хочу придумать способ наткнуться на каждого из моих бывших парней и хулиганов средней школы (да, я все еще помню тебя, Лора) по пути на вечер по сбору средств и посмотреть, как у них отвисают челюсти.

Мой телефон вибрирует на кровати, и я вижу, что это сообщение от Мейсона.

Мейсон: Мистер Дженнингс едет за тобой, и он хотел бы, чтобы ты подождала внизу, так как он немного отстает от графика.

Глава 16

К тому времени, как я спускаюсь в вестибюль, черный лимузин уже стоит на холостом ходу у тротуара перед входом. Я чертыхаюсь себе под нос, гадая, как долго Уолт ждал. Как только я закончила читать сообщение Мейсона, я бросилась в ванную в последний раз, подкрасила губы и запихнула все необходимое в свою изящную сумочку, но мои заоблачные каблукки было не так легко надеть, как я думала. Маленький ремешок на лодыжке доставил мне неприятности.

Я ненавижу, что Уолт победил меня здесь, приехав раньше. Я уверена, что это его разозлит.

Террелл стоит у дверей здания, и когда он видит, что я спешу к нему, он тихо присвистывает.

— Вы просто чудо, миссис Дженнингс!

Я сияю, когда мои щеки краснеют.

— Спасибо вам! — говорю я, пробегая мимо него.

Он быстро справляется с дверью, придерживая ее открытой для меня.

— Извините, не могу поболтать! Опаздываю!

— Не волнуйтесь. Он здесь совсем недавно!

Снаружи меня встречает ледяной воздух, и я закутываюсь в пальто, которое Ноэль и Стивен принесли в дополнение к моему платью. Оно темно-красного цвета с широким воротником, который я поднимаю, чтобы защититься от ветра. Водитель открывает переднюю дверь лимузина, чтобы выйти, но затем открывается задняя дверь, и Уолт опережает его.

— Не нужно, Александр, — говорит Уолт.

— Хорошо, сэр.

Уолт выходит на тротуар, встает во весь рост и поправляет лацкан своего смокинга, а я наблюдаю за ним с отвисшей от удивления челюстью.

Он такой внушительный, что я замираю, не желая подходить к нему ближе. Назовите это инстинктом самосохранения или, может быть, мазохизмом, но я хочу хорошенько присмотреться — просто чтобы знать, с чем я столкнусь сегодня вечером.

Его чернильно-черный смокинг облегает широкие плечи, а затем сужается к талии. Мягкие края его галстука-бабочки, кажется, только заставляют мой взгляд вернуться к его острой линии подбородка, контраст невозможно игнорировать. Моя грудь сжимается от желания. Я хочу нарисовать его, вылепить его, проследить линии его лица и попытаться воссоздать его на холсте, чтобы я могла вернуться и вспомнить этот момент в любое время, когда захочу.

И тут он открывает рот и все портит.

— Залезай, тут холодно, — говорит он, нетерпеливо указывая на дверь лимузина.

Я закатываю глаза и быстро двигаюсь, проскальзывая мимо него и усаживаясь на заднее сиденье, как можно дальше от него.

Уолт следует за мной, придерживаясь своей стороны, но это не имеет значения. В тот момент, когда за ним закрывается дверь, кажется, что он повсюду в этом лимузине, крадет весь кислород.

Александр оглядывается на нас в зеркало заднего вида.

— Все готово?

Уолт кивает, затем бросает на меня взгляд краем глаза.

— Извини, я опоздала, — говорю я, торопливо произнося слова, прежде чем он успевает заговорить, на случай, если он собирался отчитать меня.

— Я только что подъехал.

Мои плечи с облегчением опускаются, и я смотрю в окно, давая себе передышку. Отводя от него взгляд, я чувствую, что мне хочется глотнуть воздуха. Это приятная маленькая передышка от подавляющего человека, которого я не могу до конца понять.

Он достает свой телефон из кармана и начинает печатать.

Сначала я не возражаю, но когда мы проезжаем еще один городской квартал и продолжаем движение в медленной пробке, я обнаруживаю, что начинаю раздражаться на него.

— Так вот на что это похоже? — я насмехаюсь. — Ты из тех мужчин, которые всегда разговаривают по телефону, даже когда у них свидание?

— Я не знал, что у нас свидание.

— Это не так, — быстро говорю я, смутившись.

Он кладет телефон на бедро и перекидывает руку через заднее сиденье лимузина в акте явного доминирования.

— Просто чтобы внести ясность, я работаю при каждом удобном случае, потому что я должен, но если бы я был с кем-то, кто хотел бы провести со мной время, я бы отключил свой телефон.

Его глаза умоляют меня бросить ему вызов, но я внезапно слишком нервничаю. Боже, я ненавижу, что он это делает — лишает меня моей силы одним дерзким взглядом.

— Приятно это знать.

Я поправляю сумочку на коленях и снова смотрю на движение.

— Спасибо, что пошла со мной на этот вечер по сбору средств, — говорит он после долгого молчания.

Искренность в его голосе заставляет меня оглянуться на него. К моему удивлению, я обнаруживаю, что он изучает меня.

Я отвечаю с легкой улыбкой.

— Я счастлива сделать это. Я действительно не могу жаловаться на то, что так наряжаюсь. Это был веселый день.

— Я рад.

Я прикусываю нижнюю губу, прежде чем продолжить.

— И тебе не нужно беспокоиться. Я не забыла о договоренности. Я знаю, что я здесь только потому, что мое имя было на том конверте. Это не похоже на... на некоторые...

Он молчит, оставляя меня в подвешенном состоянии и слушая мои попытки сформулировать то, на что я намекаю

Наконец, я стону в агонии, торопясь продолжить:

— Я просто хотела сказать, что я знаю, что ты хотел бы пригласить Камилу сегодня вечером, и мне жаль, что ты не можешь провести вечер с ней.

— В твоих извинениях нет необходимости. Мы с Камиллой больше не вместе.

— О.

Надежда расцветает в моей груди, пока реальность не становится четкой. Привет! Какая разница, встречается он с Камиллой или нет? Почему меня это вообще волнует?! Наши отношения не изменятся. Он просто начнет встречаться с кем-нибудь другим.

И тут мне в голову приходит ужасная мысль.

— Вы двое расстались не из-за нашего поцелуя, не так ли?

О боже, я буду чувствовать себя ужасно.

Он на самом деле посмеивается над моим вопросом, как будто это совершенно нелепо, и у меня сразу же встают дыбом волосы.

— Нет. Мы расстались в вечер званого ужина.

— Действительно? — Я в замешательстве. — Но ведь потом она пришла в квартиру после этого, и вы, ребята, обнялись.

— Мы обнимались?

— Да. Я видела это.

Осознав то, что я только что раскрыла, я отступаю назад.

— Я случайно проходила мимо. В любом случае, да, вы, ребята, определенно обнимались.

— Верно. Что ж, мы не вместе. В тот день мы просто поставили все точки над «и». С тех пор я ее не видел.

— Ох.

Он снова смотрит на свой телефон, и мгновение спустя я добавляю:

— На самом деле ты не кажешься таким уж грустным из-за этого.

— Думаю, что нет.

— Разве вы двое не были вместе какое-то время?

— Я полагаю.

— И тебе не грустно?

— Я не совсем понимаю, к чему ты клонишь, Элизабет.

— Ты любил ее?

— Нет.

Я морщусь.

— Вау, ты так быстро ответил.

— Должен ли я был солгать? Ты задала вопрос, и я дал тебе честный ответ.

Я невинно поднимаю руки вверх, решая бросить это.

Затем мы поворачиваем за другой угол и снова погружаемся в довольно неловкое молчание, по крайней мере, с моей стороны. Уолт, наверное, даже забыл, что я с ним в лимузине. На самом деле, я думаю, что он уже отошел от всего нашего разговора, пока не добавляет:

— Кстати, то, что мы разделили, на самом деле не было поцелуем.

Я резко разворачиваюсь к нему лицом.

— Ты шутишь? Да, это было так!

Он пожимает плечами.

— Не соглашусь.

Я наклоняюсь ближе к нему, пытаясь отвлечь его внимание от телефона.

— Твои губы коснулись моих, Уолт. Что это было, если не поцелуй?

Он оглядывается на меня, как будто действительно обдумывает это.

— Я не уверен. — Затем он пожимает плечами. — Я бы показал тебе разницу, но ты пригрозила разводом.

Я ненавижу, что он дразнит меня прямо сейчас своими ямочками на щеках и полуулыбкой.

Я прищуриваюсь и наклоняюсь к нему.

— Это верно, и не забывай об этом.

Его взгляд падает на мои губы в тот самый момент, когда Александр резко нажимает на тормоза.

Я падаю вперед, и Уолт инстинктивно тянется ко мне, хватая за руку, чтобы я не свалилась с сиденья.

— Извините! — Александр кричит спереди. — Какой-то идиот вырулил на мою полосу.

— С тобой все в порядке? — спрашивает меня Уолт.

— Да. Все хорошо. Теперь ты можешь убрать свою руку с моей.

— Я сделаю это, когда ты отпустишь мою.

Я опускаю взгляд и вижу, что мои пальцы сжимают его предплечье, как тиски. Верно.

Смутившись, я ослабляю хватку, и тогда он опускает руку.

Я отряхиваю рукав своего пальто, как бы говоря: «Ничего такого не произошло».

— Музей прямо впереди, — объявляет Александр.

Я собираю свои вещи и поправляю одежду, чтобы подготовиться к выходу из лимузина.

Автомобиль мягко останавливается, и Уолт благодарит своего водителя, прежде чем открыть дверь. Когда я выхожу рядом с Уолтом, раздаются несколько вспышек фотоаппаратов, и этого достаточно, чтобы я ненадолго ослепла.

Уолт обнимает меня за талию, чтобы направить, и я напрягаюсь от удивления.

Он ведет меня вперед, вверх по ступенькам Музея естественной истории, маленькими шагами. Организатор мероприятия просит нас остановиться, чтобы сфотографироваться, и Уолт делает ей одолжение, разворачивая меня рядом с собой и веля мне улыбаться себе под нос.

Я делаю так, как он просит, натягивая самую яркую улыбку, на какую только способна, прежде чем нас провожают через вход в музей.

— Добрый вечер. Могу я узнать ваше имя? — спрашивает другой организатор мероприятия у двери.

— Мистер и миссис Уолтер Дженнингс II.

Организатор прокручивает свой iPad вниз, пока не делает паузу, и его глаза расширяются, глядя на экран.

— Да. Замечательно. Мы так счастливы, что вы двое сегодня с нами. Вы найдете свои карточки за столом выдающихся меценатов. — Затем он машет рукой служащему. — Кеннет, не мог бы ты, пожалуйста, проводить мистера и миссис Уолтер Дженнингс II на их места?

Уолт вмешивается, качая головой.

— В этом нет необходимости. Мы найдем их сами.

Организатор улыбается в подтверждение.

— Хорошо. Конечно. В таком случае, вы найдете раздевалку и закуски прямо внутри. Ужин начнется через полчаса.

Как только мы оказываемся вне пределов слышимости, Уолт наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Не делай свою ненависть ко мне такой очевидной каждый раз, когда я прикасаюсь к тебе.

— Что? Я ничего такого не делаю! — говорю я с хмурым видом.

— Ты практически каждый раз выпрыгиваешь из своей кожи.

— Потому что это все удивительно!

— Так не должно быть. Вот, повернись и дай мне взять твое пальто.

— Я могу сделать это сама.

— Элизабет, я клянусь...

Его фраза обрывается, когда я резко поворачиваюсь и начинаю расстегивать пальто без его помощи. Когда я заканчиваю, я сбрасываю его с плеч и позволяю ему сделать все остальное. Он слишком сильно дергает, снимая его с меня, и я бросаю на него сердитый взгляд через плечо.

Затем он сдает мою верхнюю одежду и принимает у служащего небольшой номерок. Я

поворачиваюсь к нему лицом, и он смотрит на меня и замирает, заставляя меня беспокоиться, что что-то не так. Я смотрю вниз на свое платье, но как только я не нахожу ничего необычного, я оглядываюсь через плечо, ища в толпе кого-то примечательного позади меня.

— Все дело в платье, — говорит он мне, делая шаг вперед. — Теперь дай мне свою руку и постарайся не выглядеть слишком раздраженной из-за этого.

Я тянусь к его руке, пытаюсь доказать ему, что могу быть командным игроком. Мои пальцы сжимаются вокруг его пальцев, но он не принимает такой расклад. Уолт быстро переворачивает наши руки так, что моя рука мягко оказывается в его, а затем он тянет меня вперед.

— А что насчет платья? — спрашиваю я, когда мы проходим через переполненное фойе.

Уолт видит кого-то знакомого и кивает в знак приветствия, но мы не останавливаемся, чтобы поговорить с ними.

— Ты уже знаешь, — коротко говорит он.

Я улыбаюсь полу, прежде чем надеть идеальную маску невинности. Оглядываясь на него, я нажимаю еще раз.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он смотрит на меня сверху вниз, приподняв бровь.

— Я не дам тебе того, чего ты хочешь.

— И что же?

— Реакцию.

Я изображаю чересчур драматичный вздох.

— Я бы хотела, чтобы ты это сделал. Боже, я бы с удовольствием на это посмотрела. Ты когда-нибудь по-настоящему злишься? Грустишь? Доволен?

— Я счастлив прямо сейчас — разве ты не видишь?

Смех вырывается из меня прежде, чем я успеваю его остановить.

— Ты не можешь быть серьезным.

— Неужели это действительно так абсурдно?

— Что ты мог бы быть счастлив прямо сейчас со мной? Боже, да. Мы совершенно не ладим. Само определение несовместимого.

Он шмыгает носом и отводит взгляд.

— Я так на это не смотрю.

— О, прекрати. Иначе очень скоро я буду думать, что я тебе действительно нравлюсь.

— А если это так?

— Я... — я качаю головой, не дожидаясь ответа. — Я не уверена. Как будто мой мозг даже не может поверить в это.

Он качает головой, явно сытый мной по горло до конца этого столетия. Хорошо для него, что мы сейчас за нашим столиком, нас приветствует толпа людей. Уолт знает некоторых из них — мужчины хлопают друг друга по плечам, — но он знаком не со всеми, поэтому он знакомит нас с группой.

— О, кажется, я видела вас двоих в «Таймс»! — говорит одна женщина. — Разве вы не поженились всего несколько недель назад?

— Да, — подтверждает Уолт, крепко держа меня за руку.

Женщина радостно хлопает в ладоши.

— Как мило. Фотография в газете не отдала вам двоим должного. Из вас получилась прекрасная пара.

Уолт смотрит на меня сверху вниз, как любой любящий муж, и я подыгрываю ему, дразняще морща нос. Для этой женщины мы выглядим абсолютно влюбленными, но мы знаем лучше.

Взгляд Уолта говорит: «Не облажайся».

Мой кричит в ответ: «Я никогда не облажаюсь!»

— Как мило. Вы где-нибудь проводили свой медовый месяц? — спрашивает она.

— У нас не было такой возможности, — говорит Уолт с сожалением в голосе. — Это напряженное время для моей компании.

— Уолт на самом деле Уолтер Дженнингс II из «Диомедики», — добавляет ее муж.

Брови женщины приподнимаются, она явно впечатлена.

— Я не соединила все точки. Мы редко видели тебя на этих мероприятиях.

Он поправляет галстук-бабочку, немного смущенный таким вниманием.

— Мне нравится держать его при себе, — говорю я, обнимая его за руку и придвигаясь к нему.

Женщина хихикает и подмигивает мне.

— Не могу сказать, что сама бы не поступила так же. — Ее муж громко откашливается, и она хлопает его по плечу. — О, да ладно. Мы были такими же в их возрасте! Ты никогда не выпускал меня из виду надолго.

В конце концов пара переключается к другой группе друзей, и Уолт смотрит на меня сверху вниз.

— Ты не можешь сказать, что я не сыграла свою роль до конца, — настаиваю я.

Он издает звук, как будто он наполовину впечатлен.

— Прижаться ко мне было хорошей идеей.

— Вот видишь? — говорю я, злорадствуя. — И это было даже не так уж плохо. Ты приятно пахнешь.

Его глаза задерживаются на мне слишком долго, и моя улыбка становится шире, но наш уединенный момент прерывается, когда к нам подходит мужчина, его громкий голос разрушает тихие приличия, когда он спрашивает:

— Это стол для крупных меценатов?

Рот Уолта сжимается, но он все еще вежлив, когда кивает мужчине.

— Не утруждай себя представлениями, — говорит мужчина, качая головой. — Я знаю, кто ты. Я слежу за акциями «Диомедики», как ястреб. — Его взгляд скользит вниз, ко мне, и его ухмылка становится слегка похотливой. — Кто эта красивая птичка?

Рука Уолта скользит вокруг моей талии, так что он держит меня за нижнюю часть бедра.

— Это моя жена, Элизабет.

— Жена? — он тихо присвистывает. — Счастливчик. — Он протягивает мне свою мясистую руку. — Меня зовут Фред Бэррон.

Фреду требуется всего тридцать секунд, чтобы рассказать нам, что он сколотил свое состояние, инвестируя в японские технологические фирмы в начале 90-х. Даже сейчас он делит свое время между Нью-Йорком и Токио.

— Ты когда-нибудь была в Японии? — спрашивает он, придвигаясь ближе ко мне и не прилагая никаких усилий, чтобы скрыть свой пристальный взгляд, который задерживается

на моем теле.

Я заставляю себя натянуто улыбнуться.

— Нет, хотя когда-нибудь я с удовольствием побывала бы там. Есть немало японских художников, которыми я восхищаюсь.

Его брови приподнимаются.

— Хорошо, я отвезу тебя. У меня целый парк частных самолетов. Мы можем уехать завтра первым делом.

Он говорит все это с дразнящим видом, что делает ситуацию еще хуже, потому что я вынуждена подыгрывать ему, когда на самом деле я хочу сказать ему, чтобы он оставил нас в покое.

К счастью, Уолт все еще рядом со мной, наблюдая за Фредом, и когда его рука сжимается на моей талии, я думаю, он дает мне понять, что Фред нравится ему не больше, чем мне.

— Я думаю, ужин вот-вот подадут, — говорит Уолт, пытаясь закончить разговор, сохраняя при этом мир. — Ты уже нашел свое место?

— О, конечно, да. Дай мне посмотреть, куда они меня засунули. Лучше бы у меня было чертовски хорошее место с той суммой, которую я пожертвовал на это все.

По чудесному стечению обстоятельств Фред оказался прямо напротив меня за столом, так что я больше не подвергаюсь его вниманию за ужином.

Вместо этого мы сидим между несколькими деловыми знакомыми Уолта, которые не проявляют ко мне никакого реального интереса. Это мило. Это значит, что я могу спокойно есть свою еду, пока они все говорят о вещах, которые мне наскучили. После десерта я говорю Уолту, что собираюсь освежиться, но на самом деле это повод побродить по музею и отдохнуть от всей этой театральности. Территория обширна и, чтобы обойти, занимает некоторое время, я проверяю свой телефон, на самом деле не торопясь. Затем, возвращаясь на поиски Уолта, я приостанавливаюсь и засовываю голову в тихий аукционный зал, и отвлекаюсь.

Здесь много произведений искусства, и я не тороплюсь просматривать каждый предмет, читаю о художниках и изучаю их работы. Одна скульптура, в частности, танцовщица, отлитая из бронзы, напоминает Дега (*прим. французский живописец, один из виднейших представителей импрессионистского движения. Большинство рисунков Дега — это наброски и зарисовки человеческих фигур. «Меня называют живописцем танцовщиц», — писал Дега*) Начальная ставка за нее составляла 25 000 долларов, и она уже выросла до более чем 60 000 долларов. Рядом с ней фонд разместил небольшую висящую на стене оригинальную картину Рене Магритта (*прим. бельгийский художник-сюрреалист. Известен как автор остроумных и вместе с тем поэтически загадочных картин*), рядом с которой стоял охранник. Как только я вижу стартовую ставку, я понимаю, почему он там.

— Они арестуют тебя, если ты будешь стоять здесь слишком долго, — говорит мужчина позади меня.

Глава 17

Мои глаза расширяются в панике, и я немедленно отступаю назад.

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть мужчину, который предупредил меня, и с удивлением обнаруживаю, что он молод и привлекателен, элегантен и моден в слегка нетрадиционном темно-синем атласном смокинге. Его черные волосы, немного удлиненные, зачесаны назад и касаются затылка. Крошечный изгиб его носа — единственное, что в нем далеко не

идеально.

— Я просто смотрела, — говорю я, отходя так далеко, что поднимаю руки, как будто в доказательство.

Он смеется и качает головой.

— Я просто шучу.

Я улыбаюсь, понимая, что он не хотел ничего плохого, и теперь, когда я вижу, как его щеки порозовели, я думаю, что он, возможно, смущен своей неудачной шуткой.

— Ты хочешь сделать ставку? — спрашивает он.

— Картина? Нет. Я имею в виду, у меня уже есть около дюжины Магриттов. Кому нужен еще один? — дразню я, не желая прямо признаваться, что никогда не смогла бы позволить себе сделать ставку на подобную картину.

Он ухмыляется и подходит, чтобы взять ручку со стола.

— Тогда, полагаю, мне придется сделать ставку за нас обоих.

Святая корова.

Я быстро делаю шаг вперед и касаюсь его руки.

— Не надо. Ты не можешь просто так написать свое имя. Что, если ты выиграешь?

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, его бледно-голубые глаза встречаются с моими.

— Я намерен победить.

У меня отвисает челюсть, когда он заканчивает писать свое имя, Оливье Раппено, рядом с такой ошеломляющей суммой, что я краснею и отвожу взгляд.

— Я собирался сделать ставку на это до того, как ты подошла, — признается он, когда чувствует, что мне немного не по себе. — Хотя это было довольно круто — делать это на твоих глазах.

— Я надеюсь, что ты выиграешь, — говорю я с дружелюбной улыбкой.

Он кивает в знак согласия, прежде чем протянуть мне левую руку, поскольку его правая рука все еще держит ручку.

— Как тебя зовут?

— Элизабет Брайтон.

Я слишком поздно понимаю, что должна была сказать «Элизабет Дженнингс». Просто я еще не привыкла к новой фамилии, и теперь мне слишком неловко возвращаться и исправляться.

Его рука обхватывает мою, и после того, как он на мгновение встряхивает ее вверх и вниз, он поворачивает ее, чтобы изучить мое кольцо, не отпуская.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты купила это кольцо для себя и носишь его на этом пальце только для того, чтобы отпугивать мужчин.

Я смеюсь.

— Нет.

— Так ты замужем?

— О... гм, да. — Я смотрю на кольцо, как будто только сейчас вспоминаю. — Да.

Когда я снова поднимаю взгляд, Оливье хмуро смотрит на меня.

— Почему это звучит так разочарованно?

— Я не разочарована, — уточняю я. — Ни в малейшей степени. Это просто ново для меня. Вот почему мне потребовалось некоторое время, чтобы ответить.

Он задумчиво хмыкает, прежде чем отпустить мою руку.

— Давай, пойдём выпьем.

Я оглядываюсь назад.

— Мне, наверное, пора возвращаться...

— Твой муж не будет возражать. Он уже итак надолго выпустил тебя из поля зрения.

Что такое ещё пять минут?

Когда я не сразу начинаю спорить, он улыбается, и все его лицо преображается. Он действительно хорош собой, хотя и немного пугающий. Это кошачья форма его глаз и его властное присутствие. Он держится поближе ко мне, когда мы выходим из аукционного зала и направляемся обратно в зал. Теперь, когда ужин закончился, на сцене играет небольшой ансамблевый оркестр, сопровождаемый парами на танцполе.

Официант проходит перед нами с шампанским, и Оливье берет с серебряного подноса два бокала.

— Тост, — говорит он, протягивая мне один бокал.

Я с радостью принимаю это и киваю, чтобы он продолжал.

— За искусство, — говорит он, удерживая мой взгляд и совершенно ясно давая понять, что его тост пропитан намеками.

— За искусство, — повторяю я, прежде чем чокнуться своим бокалом с его.

Сделав глоток, я задаю ему вопрос, на который умираю от желания узнать ответ.

— Что ты будешь делать с картиной, если выиграешь ее?

Он беспечно пожимает плечами.

— Я не уверен. Я только что купил новую квартиру в Монреале, которую как раз хотел обставлять. Или, может быть, я одолжу ее музею.

О, знаешь, ничего особенного!

Я чуть не смеюсь.

— У тебя есть привычка регулярно выставлять на торги дорогие произведения искусства?

Он улыбается.

— У меня вошло в привычку пытаться произвести впечатление на красивых женщин. Сегодня вечером получилось так, что мне пришлось сделать и то, и другое.

— Кто сказал, что я была впечатлена?

— Вы покраснели, мисс Брайтон.

— Миссис, — говорю я, поправляя его.

Он делает кислое лицо.

— Ах да, этот надоедливый маленький титул. Это действительно что-нибудь значит?

Какой сложный вопрос.

Я опускаю взгляд на свое кольцо и поправляю его на пальце. Часть меня хотела бы пофлиртовать с Оливье и посмотреть, чем это закончится. Прошло много времени... слишком много времени с тех пор, как я была на свидании. До этого момента я не осознавала, насколько изголодалась по вниманию, потому что, хотя мне и следовало бы уйти и найти Уолта, я этого не хочу. Я хочу впитать в себя это внимание красивого мужчины, который совершенно ясно дает понять, что тоже считает меня привлекательной. Как освежающе просто.

— Ты танцуешь? — спрашивает меня Оливье.

Я смеюсь и непреклонно качаю головой.

— Нет. Боже милостивый, я избегаю этого любой ценой.

— А как насчет твоей свадьбы? Ты, конечно, танцевала тогда?

Острый укол печали удивляет меня. Я качаю головой и отвожу взгляд.

— Ну, тогда мы это исправим, — говорит он, беря меня за руку и внезапно таща к танцполу.

— Нет! Я не могу! — говорю я между взрывами смеха. — Я действительно не могу. Я не пытаюсь быть скромной. Я закончу тем, что наступлю тебе на ноги.

— Тогда наступи мне на ноги, — говорит он, пожимая плечами. — Я смогу это пережить.

Сделав последний глоток, он забирает у меня из рук бокал с шампанским и ставит его на соседний столик вместе со своим. Затем, так же плавно, он хватается обе мои руки и кружит меня на танцполе. Я не могу удержаться и продолжаю смеяться. Это все мои нервы вырываются на поверхность.

— О боже. Это будет катастрофа.

— Следуй моему примеру, — говорит он с усмешкой, ничуть не смущенный отсутствием у меня опыта. — Одна рука у меня на плече, другая в моей ладони. Именно так. Ты легкая — я могу достаточно легко тащить тебя за собой.

Он двигается по танцполу так быстро, что я едва успеваю за ним, но это так весело, как взрослая версия аттракциона «Чайная чашка» в Диснейленде. Мы кружимся и кружимся, и Оливье спрашивает меня, знаю ли я эту песню.

Она смутно знакома, но у меня слабый музыкальный слух.

После того, как я качаю головой, он ухмыляется.

— Это живая версия «Вальса № 2» Дмитрия Шостаковича. Один из моих любимых.

— Это прекрасно.

— Да, и у тебя все хорошо. Я сломал только один палец на ноге.

— О, прекрати, — стону я, замедляясь, как будто собираюсь остановиться.

Он мне этого не позволяет.

— Я шучу. Ты прекрасна.

Песня начинает затихать, и на танцполе наступает кратковременное затишье, когда партнеры расходятся и уходят, а их место занимают другие.

Я отступаю от Оливье и отпускаю его руку, но он продолжает держать меня за талию, когда я смотрю налево и вижу, как Уолт пробивается сквозь толпу, направляясь ко мне с уверенной грацией. Его лицо невозможно прочесть, рот сжат в ровную линию, глаза слегка прищурены в уголках. Детали о нем, к которым я привыкла, возвращаются с поразительной ясностью: его острые скулы, квадратная челюсть, высокий рост, широкие плечи. В своем черном смокинге он похож на темную тучу, закрывающую солнце, когда он спускается на нас.

Оливье замечает его не сразу. Он как раз собирается что-то сказать мне, когда Уолт прерывает его.

— Ты не возражаешь, если я украду свою жену?

Мое сердце бешено колотится в груди, и я снова пытаюсь отодвинуться от Оливье, но безуспешно.

Оливье слишком медленно отпускает меня, оглядывается, а затем откидывает голову назад, чтобы встретиться взглядом с Уолтом. Разница в росте между ними, кажется, в данный момент может измеряться милями, и это имеет прямое отношение к угрюмому выражению лица Уолта.

— Ах, конечно, — говорит Оливье с уверенной непринужденностью. — Я уже начал думать, что тебя не существует.

Уолт хмурится, и по мне пробегает волна смущения. Я краснею, как будто сделала что-то не так, и, возможно, так оно и было. Может быть, мне не следовало так долго наслаждаться вниманием Оливье. Может быть, мне следовало уйти от него с самого начала. Но сейчас уже слишком поздно возвращаться.

— Оливье Раппено, — говорит он, протягивая руку. — И ты не нуждаешься в представлении, хотя я немного удивлен. — Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Ты сказала, что твоя фамилия Брайтон, а не Дженнингс.

Взгляд Уолта скользит по мне, и я почти съеживаюсь.

— Да. Извини, я должна была уточнить, — говорю я с гримасой. — Моя девичья фамилия Брайтон, и я все еще привыкаю к перемене.

Оливье улыбается. Уолт этого не делает.

Оркестр ансамбля снова начинает играть, и на этот раз я сразу узнаю песню «Вальс цветов» Чайковского.

Уолт делает шаг вперед и протягивает мне руку, чтобы я приняла ее, чтобы он мог утащить меня с танцпола.

Оливье отступает назад и кивает мне.

— Я найду тебя позже.

— Нет, боюсь, ты этого не сделаешь, — говорит Уолт. — Думаю, вы провели достаточно времени с моей женой, мистер Раппено. Спокойной ночи.

И затем, к моему полному шоку, вместо того, чтобы оттащить меня, Уолт притягивает меня к себе и захватывает мои руки в тот же захват, что и Оливье всего несколько мгновений назад. Затем он ловко начинает кружить меня в вальсе.

Легкость, которую я чувствовала в объятиях Оливье, исчезла в одно мгновение. Я дрожу как осиновый лист, а Уолт продолжает вести меня, его крепкая хватка захватывает мою руку, так что у меня нет ни малейшего шанса ускользнуть, даже если бы я захотела. К сожалению, я этого не делаю. Мне это нравится, даже если Уолту, кажется, это не нравится. Мы стоим почти грудь к груди, пока он ведет меня в танце, не делая никаких попыток завязать разговор. На самом деле, он смотрит через мое левое плечо, как будто хочет избежать встречи со мной любой ценой.

— Мне жаль, что я плохо танцую, — говорю я, пытаюсь вовлечь его в разговор.

Он не идет мне навстречу, как я надеялась.

— Ты сердисься на меня?

— В ярости, — выпаливает он.

— Почему? Я просто танцевала с ним.

Он глубоко вдыхает, но не отвечает.

— Это из-за того, как другие люди воспримут это? Что я флиртвала с другим мужчиной на глазах у своего мужа? Конечно, тебя не так уж сильно волнует мнение других.

— Нет.

— Тогда в чем же дело?

— Элизабет, — предупреждает он, как бы умоляя меня бросить это.

— Нет. Скажите мне. Я тебя не понимаю, Уолт. Действительно. Ты самый загадочный человек, которого я когда-либо встречала. Ты игнорируешь меня чаще, чем нет. В одну минуту ты целуешь меня, а в следующую ведешь себя так, как будто едва можешь выносить

мое присутствие.

Его взгляд скользит по мне, и я снова борюсь с желанием съежиться. Когда музыка набирает обороты, струнные инструменты выстраиваются один на другом в бешеном крещендо, я поднимаю подбородок и умоляю его рассказать мне. Моя рука крепче сжимает его. Мой взгляд остается твердым.

— Пожалуйста, — шепчу я.

Затем, так же быстро, как и в прошлый раз, он наклоняется и прижимается своими губами к моим — только этот поцелуй не поцелуй. Это заклинание, которое уносит нас из этого музея, подальше от музыки и сверкающей толпы. Мы одни, он и я, его губы прижимаются к моим, его руки двигаются, чтобы обхватить мое лицо.

Я подхожу к нему и встаю на цыпочки, пытаюсь встретиться с ним взглядом, чтобы показать ему, как я хочу, чтобы он продолжил.

Хотя его губы мягкие, его поцелуй не нежный. Это олицетворение собственности и власти.

— Элизабет, — шепчет он мне в губы, отстраняясь, как будто от боли.

Мое имя — это признание, и я закрываю глаза и позволяю своей голове упасть на изгиб его шеи.

Затем он отстраняется, глядя на меня сверху вниз.

— Теперь ты видишь? — спрашивает он.

Я киваю, начиная понимать.

Он отводит взгляд, и я вспоминаю тот факт, что мы стоим на краю танцпола, остановившись, пока танцоры продолжают двигаться вокруг нас.

Я очень сомневаюсь, что Уолт из тех, кто любит публичные проявления чувств. Он такой же скрытный, как и все, кого я когда-либо встречала, поэтому мгновение спустя, когда он откашливается и говорит, что пора уходить, я не спорю.

— Мне просто нужно вернуться к нашему столику и взять свою сумочку, — говорю я, отступая назад, ожидая, что он отпустит мою руку. Вместо того, чтобы оставить меня, он продолжает держать меня за руку, направляя меня обратно в том направлении. — Я бы сразу вернулась, — говорю я ему серьезно.

Он хмурится, как будто не веря своим ушам.

— Да, точно так же, как ты сделала, когда ходила в дамскую комнату раньше.

— Ну да, я планировала это, но потом я отвлеклась.

— На Оливье.

— На аукцион, — подчеркиваю я. — У них там есть Магритт.

— Да, я знаю. Мой консультант по искусству упомянул, что картина будет здесь, и я уже планировал сделать за нее ставку.

— Сейчас?

— Нет. Мы сделаем это на обратном пути.

Как и обещал, он ведет меня в аукционный зал после того, как я забираю свою сумочку, и я клянусь, он получает удовольствие от того, что повышает ставку Оливье на единицу. Я удивлена, что он не вычеркнул имя Оливье ручкой. Я отвожу взгляд после того, как замечаю первые несколько нулей, которые он записывает, ошеломленная количеством денег, которыми эти люди разбрасываются, как будто это ничего не значит.

— Как долго еще будет открыт аукцион? — Уолт спрашивает одного из координаторов, находящихся в комнате.

Она смотрит на часы, прежде чем ответить:

— Пять минут.

— Хорошо, — говорит он, бросая ручку. — Если кто-то перекупит меня на Магритте, позвоните. Я не позволю этому пройти без боя.

— Конечно, — говорит она с благоговейным кивком.

Его взгляд встречается с моим, и я хмурюсь, задаваясь вопросом...

Затем, прежде чем я успеваю надавить на него, было ли это двусмысленным или нет, мы снова уходим, идем по коридору к главному входу в музей и забираем наши вещи из гардероба. Впереди маячат двери, и я уверена, что лимузин стоит у тротуара, ожидая нас снаружи. Я уже чувствую сдвиг между нами, магия исчезает. Моя карета Золушки скоро снова превратится в тыкву, и мне нечем будет похвастаться.

Я пытаюсь притормозить, но Уолт мне не позволяет. На самом деле, он ускоряет наш темп.

— Подожди. Уолт, все вернется на круги своя, как только мы уедем?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сделаешь вид, что между нами ничего не произошло?

— Ничего не произошло, — утверждает он.

— Мы поцеловались, Уолт.

Он медленно сглатывает, что-то обдумывая.

— Да, и хотя я не буду называть это откровенной ошибкой, мне нужно, чтобы ты поняла, что это не может повториться. Это соглашение работает, потому что это все бизнес. Я не могу — не пойду с тобой по этому пути.

Затем двери музея распахиваются перед нами, и он ведет нас вниз по лестнице. Я понятия не имею, почему он идет так быстро. Как будто мы от кого-то убегаем, и я вот-вот споткнусь на каблуках, если он не притормозит.

— Пожалуйста, просто остановись, — говорю я, прежде чем он открывает дверь лимузина.

Я скрещиваю руки на груди, в последний раз выходя на тротуар, но это длится всего несколько секунд, прежде чем его взгляд загоняет меня внутрь. Он следует за мной и захлопывает за собой дверь.

Лимузин кажется еще более тесным, чем раньше, как будто наших эмоций может быть слишком много для ограниченного пространства. Крыша может взорваться от такого давления.

К счастью, пробок на дороге нет, и обратный путь проходит намного быстрее, чем наша поездка туда. Мы выходим перед зданием, выражая нашу благодарность Александру, прежде чем я успеваю отдышаться или успокоить свой гнев. В вестибюле и в лифте у меня возникает ощущение, что Уолт хочет, чтобы я полностью оставила эту тему. Как будто он не может убежать от меня достаточно быстро, когда двери открываются, и мы выходим в прихожую квартиры. Свет выключен, но сияние городского пейзажа просачивается сквозь окна большой комнаты в конце коридора, освещая нас достаточно, чтобы я уловила жесткое выражение лица Уолта.

— Я не понимаю, что происходит, Уолт. Тебе придется объяснить мне это по буквам, потому что я этого не понимаю.

— Мы женаты, — говорит он, начиная развязывать галстук-бабочку.

— И?

— Не по своей воле, — добавляет он, пытаясь заставить меня понять.

— Да, и что с того?

— Что с того? Это соглашение рождено необходимостью, Элизабет, — его голос гремит в тихом коридоре. — Ты не хочешь, чтобы это кольцо было у тебя на пальце. Ты здесь по долгу семьи, и я не буду навязываться тебе вдобавок ко всему прочему.

— Уолт...

— Это совсем не то, что я пытался сделать, — продолжает он. — Я держался на расстоянии. Я едва существую в этой квартире из-за страха, что вторгнусь в твое пространство.

Внезапно я не могу этого вынести. Я не могу бороться с растущими чувствами, которые я испытываю к Уолту, чувствами, которые, несмотря на то, как мало я к ним отношусь, похоже, не хотят угасать. Как сорняк, жизнерадостный и безрассудный, я стою здесь и смотрю на мужчину, которого почти люблю, хотя это кажется абсолютно бесполезным.

Я тянусь к нему, чтобы поцеловать его в губы, чтобы заставить его образумиться и прекратить этот утомительный спор о ерунде, и в последний момент он поворачивается и подставляет мне щеку. Мои губы не касаются его рта, и мне кажется, что тысячи осколков стекла врезаются в мое сердце.

Он отступает назад, поворачивается и оставляет меня там, в прихожей.

Глава 18

Я не могу перестать копаться в ране, которую Уолт нанес прошлой ночью. Отвернуться от моего поцелуя, отвергнуть мои чувства... это смешивает печаль и смущение в уродливую смесь, которая так сильно хочет превратиться в гнев. Как хулиган на школьном дворе, я хочу взять свои переполняющие эмоции и выплеснуть их обратно на Уолта. Мне хочется накричать на него, по-детски сказать ему, что я все равно не хотела его целовать! Я хочу, чтобы ему было так же больно, как мне, и именно эта глупая мысль заставляет меня запирается в своей комнате на следующий день.

Я игнорирую свой урчащий желудок и зов моих пастельных тонов на наброске. Я лежу под одеялом с открытой книгой на груди и прислушиваюсь, нет ли признаков Уолта. Я стала искусной в подборе звука к источнику. Я знаю жужжание эспрессо-машины, звон и лязг кастрюль и сковородок, когда он готовит себе завтрак.

Я слышу его шаги, когда они приближаются к моей двери, останавливаются, а затем идут дальше по коридору.

Слезы обжигают уголки моих глаз, и я смаргиваю их, чувствуя себя такой же глупой, как всегда.

Я пытаюсь убедить себя, что не могу сердиться на Уолта за то, что он делает то, что считает правильным. Чушь, которую он нес прошлой ночью, была в некотором смысле благородной. Благородно, но неправильно.

Теперь я лежу здесь, на этой кровати, в его квартире.

Нежелательная.

Я не уверена, куда идти дальше. Уолт оставил мне так мало вариантов. Я не буду повторять то, что сделала прошлой ночью. Абсолютно нет. Я не могу вынести мысли о том, чтобы умолять его поверить мне на слово, поверить, что я могу быть заинтересована в нем вне зависимости от того, кто он и что он собой представляет, и после всего этого все равно заставить его снова отвернуться. Оболочка Уолта толще, чем у большинства, и я беспокоюсь, что она совершенно непробиваема.

Я думаю о Камиле и всех женщинах, которые были до нее. Я должна была оттащить ее в сторону, когда у меня был шанс, и попросить ее взять на себя Уолта. Действительно ли он так замкнут, как кажется? Неужели я глупа, полагая, что могу быть той, кто — как бы банально это ни звучало — изменит его?

Конечно, в глубине моей головы бродит еще одна более глубокая мысль, грустный тихий голосок, напоминающий мне, что все, что он сказал прошлой ночью, возможно, было просто хорошим способом легко подвести меня. О да, видишь ли, Элизабет, мы не можем быть вместе из-за нашего сложного соглашения. Взбодрись. Не волнуйся.

В конце концов, не похоже, чтобы Уолт был так уж заинтересован во мне до вчерашнего вечера. На самом деле, как раз наоборот.

Если бы он действительно хотел меня, если бы он чувствовал то, что чувствую я, — я прижимаю руку к дрожащему подбородку, — ему было бы наплевать на то, насколько сложны обстоятельства.

Я, наконец, сбрасываю с себя одеяло, как только искушение выпить кофе становится слишком сильным, чтобы его игнорировать. Я опускаю взгляд и подумываю о том, чтобы снять пижаму, прежде чем выскользнуть из своей комнаты, но в данный момент я придерживаюсь принципа невмешательства в жизнь. Вчерашнее шикарное красное бальное платье — то самое, которое издевается надо мной, когда висит на дверце моего шкафа, — не преуспело в том, чтобы соблазнить его прошлой ночью, так что какой смысл красиво одеваться сегодня?

У своей двери я хватаюсь за ручку и замираю, ненавидя себя за то, какой нервной я стала, какой глупой я себя чувствую. Я прожила с ним в этой квартире несколько недель и прекрасно выжила. Сегодняшний день не должен быть другим.

С новообретенной уверенностью я рывком открываю дверь и, не пытаясь приглушить свои шаги, направляюсь на кухню.

Там я нахожу накрытую тарелку с сопроводительной запиской, в которой ничего не сказано, кроме моего имени. Мое имя, написанное почерком Уолта. Я беру ее осторожно, как будто держу старую фотографию, которую не хочу запятнать.

Затем, снимая крышку с тарелки, я вижу, что он оставил мне завтрак: яичницу-болтунью, сосиски, нарезанные фрукты.

Это доброта, к которой я не совсем готова. Я беру его записку, вытаскиваю мусорное ведро и бросаю ее внутрь. Я быстро ем и нахожу мимолетное облегчение, уничтожая его аккуратно разложенную еду своей вилкой.

Я почти закончила, когда он заходит на кухню в черных спортивных штанах с низкой посадкой и мягкой серой футболке. Его волосы восхитительно растрепаны. Его подбородок не мешало бы побрить. Я клянусь, что у него есть намек на тени под глазами, которых обычно нет, но я не смотрю на него достаточно долго, чтобы убедиться.

У меня есть мгновение, чтобы решить, какой путь выбрать в отношении того, как я отношусь к нему, и я разочаровываюсь в себе, когда иду по низкому пути, предпочитая притворяться, будто его даже не существует.

Я выкидываю остатки своего завтрака в мусорное ведро, затем поворачиваюсь, чтобы ополоснуть тарелку, пока он обходит меня, чтобы набрать воды.

— Доброе утро, — говорит Уолт скрипучим голосом.

— Доброе.

С этого момента зарождающийся разговор увядает. Воцаряется тишина, и я начинаю

нервничать от беспокойства.

Я бы сбежала, но я еще не сварила свой кофе, а обещание чашки крепкого кофе было единственным, что заставило меня встать с постели в первую очередь.

Я подхожу, чтобы взять кружку и поставить ее под кофеварку для эспрессо. Затем я стою лицом к ней, пока она с жужжанием оживает. Чтобы размолоть зерна эспрессо и нагреть воду, всегда требуется время, поэтому я разминаю затекшую спину, готовясь к целому дню перед мольбертом. Я поворачиваюсь туда-сюда, а потом замираю, когда обнаруживаю, что Уолт наблюдает за мной с другой стороны стола.

Я немедленно опускаю руки обратно по бокам. Мой пижамный топ возвращается на место. Я краснею и отворачиваюсь.

— Не хотела бы ты продолжить наш вчерашний разговор? — внезапно спрашивает он.

Мой позвоночник выпрямляется.

О, теперь он хочет поговорить? Теперь, после того, что он сделал прошлой ночью?

— Нет. Думаю, мы сказали все, что нужно было сказать, тебе не кажется?

— Правильно. — Я оглядываюсь и вижу, как он оттолкнулся от стола и отступил назад. — Тогда я буду в своем кабинете.

Я смотрю, как он уходит, засунув одну руку в карман спортивных штанов, другой потирая затылок, как будто он расстроен.

Добро пожаловать в клуб, приятель!

Мы все такие!

Я без устали работаю в библиотеке весь день, радуясь, что у меня так много работы, которая отвлекает меня. Из кабинета Уолта доносится музыка, но я не возражаю. На самом деле, несколько песен без лирики мне действительно нравятся. Я бы почти забыла, что он дома, если бы не недавно появившийся у него кашель. Сначала я почти думаю, что он делает это нарочно, немного психологической войны, но к утру воскресенья его кашель зажил своей собственной жизнью.

— Ты болен, — говорю я ему с порога его кабинета.

Он сидит за своим столом в другом спортивном костюме, чем накануне. Штаны серые, а его футболка белая. Тени под его глазами темнее, чем вчера. Держу пари, он не сомкнул глаз.

— Это аллергия, — говорит он, сосредоточившись на каких-то бумагах.

— Аллергия. Конечно.

— Я не болею, — настойчиво говорит он мне.

Я чуть не смеюсь. Вместо этого я просто отворачиваюсь.

Несколько часов спустя я снова прохожу мимо двери его кабинета и нахожу его откинувшимся на спинку стула и потирающим закрытые глаза. Он выглядит так, словно у него самая сильная в мире головная боль.

— Аллергия, да?

Его глаза распахиваются, и он смотрит туда, где я стою, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к дверному косяку.

Он наклоняется вперед в своем кресле и пытается вернуться к работе.

— Да. Вероятно, пока мы разговариваем, что-то дует внутрь, летит пыльца. Береза. Кедр. — Он машет руками, как бы говоря: «И так далее».

— Да, или, возможно, это обычная простуда.

— Ты собираешься стоять там весь день и издеваться надо мной?

Я напеваю, как будто обдумываю это, а затем оставляю его наедине с этим.

Кашель только усиливается, и вскоре он сопровождается восхитительно раздражающим насморком.

Около 15:00 я бросаю пастель, мою руки и выхожу из квартиры на рынок. Я покупаю много свежих овощей, а также все остальные ингредиенты для домашнего куриного супа с лапшой. К тому времени, как я возвращаюсь, Уолт уже уронил голову на стол.

Я больше не могу этого выносить.

Я вхожу и толкаю его в спину.

— Пойдем. Давай.

— Оставь меня, — говорит он, садясь. — Я в порядке.

Я указываю на гору салфеток в мусорном ведре.

— Нет. Не в порядке.

Затем я разворачиваю его кресло и прижимаю ладонь к его лбу. Как и ожидалось, он обжигает горячий.

— Ты весь горишь.

Его карие глаза пристально смотрят на меня, и впервые за все время он не пугает меня. На самом деле, сейчас он больше похож на грустного щенка, чем на сурового бизнесмена.

— Мне просто жарко, — говорит он, пытаюсь развеять мои подозрения насчет его температуры.

— Угу. Ты, наверное, какое-то чудо медицины. А теперь пошли. — Я машу ему, чтобы он встал со стула, а когда он этого не делает, я постукиваю его носком ботинка по голени. — Не заставляй меня пытаться поднять тебя. Я сорву спину, и тогда мы оба будем вздыхать и стонать.

— Я не стонал.

— О, пожалуйста! Ты должен услышать себя. Как будто ты на смертном одре.

Ох уж эти мужчины. Серьезно?

Со вздохом он встает, и я подталкиваю его к большой комнате. Я уже приготовила ему одеяло и подушку там.

Он ложится, выглядит слегка смущенным, затем поворачивается, чтобы понюхать подушку под головой.

Он смотрит на меня почти с удивлением.

— Это твоя подушка.

Я хмурюсь.

— Да. Я не хотела заходить в твою комнату, но я могу сходить за твоей, если ты...

— Нет, — говорит он, прерывая меня почти резким тоном.

— О... хорошо. Тогда просто лежи и смотри телевизор, пока я готовлю тебе суп.

— Какой?

— Куриная лапша, — кричу я в ответ, уходя.

Это не займет много времени. Я нарезаю все, бросаю в кастрюлю и оставляю тушиться, пока нарезаю багет с хрустящей корочкой. Пока суп продолжает вариться, я отправляюсь на поиски лекарства для Уолта. Он дремлет на диване, чтобы я его не разбудила. Я полагаю, он не будет возражать против небольшого вторжения в частную жизнь, если это для его же блага. На пороге его спальни я колеблюсь, как будто собираюсь нарушить какой-то закон. Это глупо. Я вхожу внутрь и смотрю на его неубранную постель. Простыни выглядят мягкими. На его подушке все еще видна вмятина от его головы. Я вдыхаю, и моя грудь

наполняется ароматом Уолта. Я нравится это. Как будто комната пропитана им.

Из большой комнаты доносится кашель, побуждающий меня к действию. Я огибаю его кровать и захожу в его ванную — лишь на мгновение меня останавливает размер этой чертовой штуковины. Я бывала здесь раньше, во время экскурсии по квартире с Ребеккой, но я забыла, как здесь хорошо. Эта ванна для купания — вот из чего сделаны мечты.

Вспомнив о своей миссии, я направляюсь к аптечке рядом с его раковиной.

Первое, что я вижу, когда открываю ее, — это коробочка с презервативами. Они находятся прямо на уровне глаз, и их невозможно не заметить.

Я краснею, как школьница, и отодвигаю их в сторону.

Конечно, у Уолта есть презервативы, говорю я себе. Что в этом такого особенного?

Большое дело. Тоже мне важное событие. Большое такое... Черт.

Ладно, двигаемся дальше.

Я обмахиваю лицо, пока ищу какое-нибудь лекарство, чтобы снять его лихорадку. Как только я нахожу дребезжащую бутылочку Тайленола, я закрываю шкафчик и убегаю.

Он там, где я его оставила, на диване, только теперь он проснулся.

— Почему ты покраснела? — спрашивает он, когда я вытряхиваю две таблетки и передаю их ему вместе с водой.

— Я не покраснела.

Он проглатывает таблетки, затем смотрит на меня проницательным взглядом.

— У тебя красные щеки. Ты тоже плохо себя чувствуешь?

— Я в порядке. Не придумывай. Суп будет готов через минуту, — обещаю я, быстро возвращаясь на кухню.

Я охлаждаю лицо, заглянув в морозилку, затем наливаю суп в миску и ставлю ее на поднос вместе с несколькими ломтиками багета. Уолт садится, когда я приношу ему еду в большую комнату. Я расставляю все на кофейном столике, и он внимательно смотрит на это, но не делает ни малейшего движения, чтобы взять ложку.

От супа поднимается пар. Может быть, он беспокоится, что слишком горячо.

— Дай ему секунду, и он остынет.

И все же он ничего не говорит.

— Ты не голоден? Ты должен заставить себя съесть хотя бы несколько ложек. Ты начнешь чувствовать себя хуже, если не будешь есть.

— Спасибо, — говорит он так искренне, что мне становится не по себе.

— Ох. — Я отмахиваюсь от его благодарности, пытаюсь уменьшить то, что я сделала. — Это пустяки. Буквально просто бросила кое-что в кастрюлю и оставила тушиться.

Я отступаю, чтобы оставить его в покое, но он хмурится.

— Останься.

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Есть что-то в том, чтобы быть одному, когда ты болен.

Я киваю, зная, что он имеет в виду.

— Хорошо. Позволь мне налить немного супа для себя, и я вернусь.

Мы едим, сидя бок о бок на диване, просматривая телевизионные каналы.

— Что ты любишь смотреть? — я спрашиваю его.

— Я редко смотрю телевизор. Хотя мне нравятся настоящие криминальные документальные фильмы.

— О, мне тоже. На Netflix есть новый сериал, который я давно хотела посмотреть. Давай начнем с этого.

Мы не двигаемся с дивана до конца вечера. Мы проглатываем эпизод за эпизодом сериала, следуя за тайной, как проницательные детективы, утверждая, что раскрыли дело, только для того, чтобы быть шокированными каким-то неожиданным поворотом.

— Еще один, — говорит Уолт после окончания очередного эпизода.

— Давай я приготовлю попкорн. Хочешь немного?

Он качает головой и собирается лечь. К тому времени, как я возвращаюсь, он занимает большую часть дивана.

— Ты серьезно?

— Я же болен, — указывает он, и это звучит глупо и по-детски.

— По крайней мере, перевернись, чтобы я села рядом с твоей головой, а не ногами.

Черт возьми.

Он делает, как я прошу, сдвигая подушку так, чтобы она лежала прямо у моего бедра. Он ложится, а я устраиваюсь на своем месте, скрестив ноги и положив попкорн на колени.

— Готов? — спрашиваю я его, беря пульт.

— Готов.

Я нажимаю кнопку воспроизведения и начинаю есть свою закуску. Через тридцать минут после начала эпизода я оглядываюсь и вижу Уолта, лежащего на боку с закрытыми глазами. Я не уверена, когда он задремал. Честно говоря, я удивлена, что он продержался так долго. Я ставлю шоу на паузу и откладываю свой попкорн в сторону. Я собираюсь встать, когда его рука дотрагивается до моего бедра. Его пожатие нежное, я думаю, это его способ попросить меня остаться. Я замираю на месте, а его рука не двигается с того места, где она лежит, чуть выше моего колена. Он держится за меня, пока его дыхание выравнивается. Сейчас он снова спит, его губы слегка приоткрыты, его лицо такое спокойное, каким я его никогда не видела. Я провожу взглядом по его густой брови, опускаясь вниз по его скуле и губам. Я впитываю его с неограниченным доступом, удивляясь тому, как приятно изучать его без его ведома.

Через некоторое время я подумываю о том, чтобы встать, но потом вспоминаю, каким несчастным он выглядел раньше, каким усталым он, должно быть, был, и я остаюсь на месте, позволяя ему использовать меня, как малыш использует любимую маму. Я откидываю голову на спинку дивана и закрываю глаза. Это последнее, что я помню, что делала, пока ощущение подъема не разбудило меня.

Уолт держит меня на руках, пока мы идем по коридору.

— Ты же болен, — делаю я ему выговор.

— Не настолько болен.

— Мог бы одурачить меня своими стонами раньше. — Я пытаюсь освободиться. —

Теперь отпусти меня.

— Уже поздно. Прекрати спорить.

Я перестаю извиваться, но, тем не менее, продолжаю спорить.

— Ты обнаружишь, что я могу быть очень упрямой в любое время дня.

— Да. Я уже понял это.

— Это что, какой-то жест мачо? Несешь меня на руках?

— Я подумал, что это был бы хороший жест.

У двери моей комнаты он колеблется, смотрит в коридор, затем снова смотрит на мою

комнату.

— Что? — я спрашиваю.

— Ничего, — говорит он, качая головой.

Он заходит внутрь и легко укладывает меня на кровать. Я смотрю на него снизу вверх, когда он нависает надо мной, освещенный только лунным светом. Его темные глаза, кажется, хотят о чем-то спросить, и я терпеливо молчу. Ожидание оказывается бесплодным, когда он в конце концов вздыхает.

— Спасибо за суп, — говорит он, мельком взглянув на мои губы, прежде чем отвести взгляд.

— Спасибо, что подвез.

Он улыбается и отворачивается.

Я смотрю, как он выходит из моей комнаты, и жалею, что мы все еще не на том диване.

Глава 19

На следующий день я нахожусь в библиотеке, аккуратно покрываю лаком одно из своих полотен, когда мне звонят. Моя мама и моя сестра приезжают в город. Мне об этом сообщается в последнюю минуту. Они уже в машине, едут сюда из Коннектикута.

— В «Сакс» сезонная распродажа (*прим. Saks Fifth Avenue — американский магазин для взыскательных клиентов*), — это официальная причина, которую моя мама называет мне, как только они подключают меня к громкой связи. Там нет упоминания о том факте, что мы не виделись почти год.

— Ты пойдешь с нами за покупками, — говорит мне мама.

— Хотела бы я это сделать, но у меня много работы, — возражаю я, доказывая это (даже самой себе), зажимая телефон между плечом и ухом, чтобы я могла продолжать наносить лак на слои пастели, угля и краски.

— Лиззи все еще занимается своим искусством? — Шарлотта спрашивает мою маму, как будто я ее не слышу.

— Да. Я все еще занимаюсь своим искусством, — отвечаю я, прежде чем безуспешно пытаюсь удержаться от раздраженного скрипа зубами.

— Ну, а разве ты не можешь делать это, как... когда угодно? — Шарлотта смеется. — Не похоже, что у тебя есть босс.

— У меня все еще есть крайние сроки. На самом деле, я пытаюсь собрать серию для...

— Мама, смотри! Марисса уже там и публикует посты в своем Инстаграме. Она примеряет туфли на танкетке от Gucci, которые я хочу. Я рассказала ей о них, и теперь она их покупает.

— Я не могу смотреть, когда веду машину, Шарлотта.

— Вот. Я буду держать телефон над рулем.

— О, они такие милые. — На заднем плане сигналиит машина, и я задаюсь вопросом, не попала ли моя мама в автомобильную аварию. — Не удивляйся, если к тому времени, как мы туда доберемся, они уже будут распроданы.

— Я знаю. — Шарлотта звучит безнадежно. — Мы действительно должны были быть в пути час назад.

— Элизабет, милая, — говорит моя мама, — тебе придется встретиться с нами в «Сакс». У нас не будет времени заехать за тобой.

Я буду скрежетать зубами до пеньков к тому времени, как закончится этот телефонный звонок.

— Как я уже сказала, я действительно не могу сделать это сегодня.

— Перестань быть глупой. Я бы хотела тебя увидеть. И Шарлотта хотела бы тебя увидеть.

Шарлотта этого не подтверждает.

— Отдохни несколько часов от того, что у тебя там, и встретимся в «Сакс», — настаивает моя мама.

Я не знаю, почему я не могу настоять на своем. Часть меня хочет удвоить усилия и коротко заявить, что я хотела бы присоединиться, но я не могу.

К сожалению, я, кажется, не могу заставить свой рот произнести эти слова. Вместо этого я принимаю душ и готовлюсь, надевая темные джинсы и белую крестьянскую блузку. Я добавляю свои ботинки Doc Martens, потому что мне нравится контраст между женственным верхом и массивными ботинками. Как и ожидалось, моя мама абсолютно ненавидит это сочетание.

— Изящные балетки подошли бы сюда лучше, — это первое, что слетает с ее губ, когда она видит меня в «Сакс».

Я принимаю ее объятия и игнорирую ее приветствие, внезапно осознав, что у меня действительно есть веская причина быть здесь сегодня.

Моя сестра и моя мама, кажется, забыли, в каком затруднительном финансовом положении они оказались. Обувные коробки валяются на полу вокруг них. Моя сестра примеряет пару туфель на каблуках от Валентино вместо того, чтобы рыться в корзине с уценкой для покупок.

— Ты уверена, что это хорошая идея — ходить по магазинам на распродаже в этом году? — спрашиваю я маму, стараясь говорить тише. Многие из ее друзей, вероятно, тоже пришли сюда за покупками, и я не собираюсь смущать ее.

— Дорогая, расслабься, — говорит моя мама, похлопывая меня по руке.

— Разве ты не собираешься подойти и обнять меня? — говорит Шарлотта, не потрудившись встать.

— Я действительно не могу до тебя добраться, — говорю я, указывая на гору коробок.

Это хорошее оправдание, учитывая, что я не хочу ее обнимать. Я все еще не до конца смирился с тем фактом, что она солгала о том, что сбежала со своим водителем. Очевидно, я единственная, кто считает, что она заслуживает того, чтобы испытать какие-то последствия в своей жизни. Очевидно, что она и моя мама снова в хороших отношениях, как будто ничего не произошло. Хотя они всегда были слишком похожими друг на друга для их же блага.

Моя сестра встает, чтобы посмотреть на себя в зеркало в пол, установленное рядом.

— За эти туфли можно умереть, Шарлотта, — говорит моя мама с легким придыханием.

— Правда? Посмотри, какими длинными они делают мои ноги.

— Думаю, они просто тебе необходимы, — говорит моя мама, резко кивая.

Я наклоняюсь, чтобы взять коробку и перевернуть ее, чтобы проверить цену. Я чуть не проглатываю свой язык.

— Как ты собираешься заплатить за это, Шарлотта? — спрашиваю я, показывая ей бирку на случай, если она сама ее не видела. Даже учитывая скидки они стоят безумно дорого.

Она протягивает руку и вырывает коробку из моих рук, закатив глаза.

— Если бы я знала, что ты будешь такой занудой, я бы не позволила маме пригласить тебя.

Моя мама бросает на меня осуждающий взгляд.

— Элизабет. Будь уверена, я не забыла о нашей ситуации. Это все, о чем я думаю, поэтому, пожалуйста, прости меня, если я хочу провести один день, притворяясь, что все нормально.

У меня нет ответа на это, потому что на каком-то уровне мне действительно жаль ее. Я уверена, что ее повседневная жизнь ничто по сравнению с тем, что было раньше, и, возможно, нет ничего плохого в том, чтобы примерять одежду и обувь и притворяться, что все в порядке. Всего на один день.

Я убираю несколько обувных коробок с одного из стульев и сажусь. Очевидно, что сейчас не время обсуждать с Шарлоттой ее ложь, поэтому я стараюсь изобразить если не совсем счастливое лицо, то хотя бы умеренно приятное выражение.

Через час мы переходим от обувного отдела к дизайнерской одежде. Поскольку я на самом деле не заинтересована в том, чтобы самой совершать покупки на распродаже, я назначена человеком «вот, поддержи это». Мои руки нагружены рубашками, джинсами и платьями, пока они вдвоем пробираются через вешалки с одеждой в рекордно короткие сроки.

Время от времени я бросаю взгляд на ценник и стараюсь не ахать вслух от того, насколько все возмутительно дорого. Три тысячи долларов за куртку. Еще тысяча за модные спортивные штаны. Я продолжаю говорить себе, что они только примеряют вещи, заикливаясь на этом заблуждении, потому что я не хочу продолжать портить им праздник.

— Мисс, вы хотите, чтобы я забрала это у вас? Извините, у нас сегодня просто небывалый наплыв покупателей, — говорит мне продавец, протягивая руку, чтобы забрать все, что было у меня в руках.

— О, конечно. Да. Спасибо.

— Как вас зовут? Я могу найти для вас гардеробную.

— Там все наши вещи перемешаны, — говорит ей моя мама.

Продавец-консультант улыбается.

— Это прекрасно. Почему бы мне не устроить вас, дамы, в большой раздевалке, и вы могли бы пойти туда вместе?

— Отлично, — радостно говорит Шарлотта.

Это действительно ее представление о лучшем дне в жизни.

Чем дальше я нахожусь в магазине, тем больше у меня в животе разливается пустота. Мое тщательно созданное заблуждение начинает давать трещины и сколы каждый раз, когда моя мама или Шарлотта соглашаются, что что-то «обязательно нужно купить».

Я тщетно пытаюсь еще раз напомнить им о реальности.

— Мам, у тебя достаточно одежды. Seriously, тебе действительно нужна еще одна куртка?

При этих словах в ней что-то обрывается.

— Хватит, Элизабет!

Я вздрагиваю от неожиданности, когда жар заликает мои щеки. Моя мама обычно не повышает голос. Она привыкла добиваться своего, вызывая чувство вины, так что для нее откровенно кричать на меня... что ж, это шокирует меня настолько, что с этого момента я сжимаю губы.

Я слеую за ними, пока они расплачиваются, отводя взгляд от кассы, больше не заботясь о том, сколько они решат потратить на свои покупки.

— А теперь давай посмотрим твою квартиру, — говорит мне мама, когда мы снова выходим на тротуар, нагруженные здоровенными пакетами с покупками.

Она поворачивается ко мне, улыбаясь теперь, когда она снова в хорошем расположении духа.

Я останавливаюсь как вкопанная, с выражением оленя в свете фар.

— Что?

— Да. — Она кивает. — Давай посмотрим, где ты живешь. Я устала от того, что весь день провела на ногах. Мы закажем ужин и немного отдохнем, прежде чем поедим домой.

— О, это не... Разве ты не хочешь успеть выехать до пробок?

— Я не против. Я не видела тебя целую вечность, и я бы предпочла не спешить домой.

О, теперь она вдруг захотела провести со мной время.

Парковщик подъезжает к обочине на «Рендж Ровере», прежде чем помочь нам загрузить их пакеты с покупками в багажник.

Шарлотта садится на переднее сиденье, и я, поколебавшись на обочине, проскальзываю на заднее. Затем моя мама поворачивается и выжидающе смотрит на меня.

— Разве ты не говорила, что живешь в Трайбеке? Шарлотта, выведи адрес на Google Maps, чтобы мы могли найти кратчайший маршрут.

— Мам, я просто... мне действительно нужно вернуться к работе, — говорю я, все еще пытаюсь избежать неизбежного.

— Мы не останемся надолго! Всего на пол часика.

Если не сказать «нет» прямо, у меня не остается выбора.

Единственное спасение в том, что Уолта не будет дома. Даже будучи больным, он уже ушел из квартиры, когда я проснулась сегодня утром. Я не ожидала от него ничего меньшего, учитывая, что сегодня рабочий день. Я уверена, что он принял душ, принял немного Тайленола и продолжал жить так, как будто у него все было в порядке.

— Элизабет? — спрашивает моя мама, подталкивая меня.

Я вижу, что ее терпение лопнуло, поэтому со смиренным вздохом я говорю ей, что ей не нужно составлять карту.

— Я могу просто сказать тебе, как туда добраться.

По дороге я пытаюсь придумать хотя бы одну правдоподобную причину, по которой я могла бы позволить себе жить в квартире Уолта совершенно одна. Это невозможно. Это неприлично красивое здание, предназначенное только для высшего эшелона богатых ньюйоркцев. Если не говорить им, что каким-то чудом я стала скрытым миллиардером, я не могу ничего придумать.

Когда мы подъезжаем к указанному адресу, и я направляю их за угол к гаражу, Шарлотта оглядывается назад, смущенно хмурясь.

— Зачем ты привела нас сюда?

— Это то место, где я живу.

У нее отвисает челюсть.

— Что ты имеешь в виду? Ты здесь живешь? В этом здании?

Я киваю.

Впервые за весь день мои мама и сестра потеряли дар речи. Мы поднимаемся на лифте на 35-й этаж, а затем выходим в квартиру Уолта.

Они обе достаточно быстро сложили два и два. Несмотря на то, что Уолт не из тех, у кого на стенах висит куча личных фотографий, ясно, в чьей квартире мы находимся. Он

единственный человек в моей жизни, который мог позволить себе жить в таком месте, как это.

— Ты живешь с Уолтом?! — спрашивает моя мама, скорее констатируя факт, чем задавая вопрос.

Тем не менее, я киваю в подтверждение.

Моя сестра смеется про себя, продолжая идти по коридору, направляясь в сторону большой комнаты.

— Ты шутишь? Это его долбаная квартира? Если бы я знала...

Ее фраза обрывается, и мой желудок сжимается от дискомфорта.

Если бы она знала, то согласилась бы выйти за него замуж?

Меня тошнит от этой мысли.

— Да, так что теперь вы можете понять, почему я не решалась привезти вас обоих сюда. Я не уверена, разрешено ли мне приглашать гостей. Это не моя квартира.

— Мы не гости, Элизабет. Мы семья. Кроме того, я знаю Уолта, — говорит Шарлотта беззаботно. — Он не будет возражать, что я здесь.

Что, черт возьми, это значит?

Моя мама не чувствует себя как дома так быстро, как Шарлотта. Она складывает руки вместе и осторожно идет по коридору, останавливаясь по пути, чтобы полюбоваться произведениями искусства. Я догоняю ее, когда она стоит перед мраморным бюстом Аполлона, который покоится на пьедестале. Я не сомневаюсь, что это оригинал.

— Он страстный коллекционер, — говорю я ей с чувством гордости.

— Похоже на то, — отвечает моя мама с подозрительностью в голосе.

— Отсюда виден весь Нью-Йорк! — вскрикивает моя сестра со своего места у окна в большой комнате.

Вместо того чтобы присоединиться к ней, я спрашиваю их, не хотят ли они чего-нибудь поесть или выпить. Они обе соглашаются, что им не помешало бы перекусить, поэтому я направляюсь на кухню и начинаю рыться в холодильнике. Домработницы, должно быть, пришли сегодня и наполнили его едой. Здесь более чем достаточно вариантов на выбор. Я достаю свежие фрукты, которые уже были нарезаны, овощи, сыр и немного хумуса, чтобы приготовить блюдо для всех нас. Я на полпути к нарезке сыра, когда слышу, как подъезжает лифт.

Я замираю и поворачиваю голову влево, задаваясь вопросом, может быть, моя сестра или мама ушли из квартиры, не заметив меня, и теперь они возвращаются. Я бросаю взгляд на часы и предполагаю, что Уолту еще слишком рано быть дома. Сейчас только 16:30, но потом я слышу голос моей сестры, когда она зовет его.

— Уолт!

Я представляю, как она одаривает его сияющей улыбкой, подбегая к нему поприветствовать.

— Шарлотта. Джулианна. Я не ожидал увидеть вас обеих здесь.

— Извини за вторжение, — говорит моя мама. — Мы приехали в город, чтобы увидеть Элизабет.

Полагаю, где-то здесь есть крупица правды.

— Я не возражаю, — говорит он так, как будто действительно имеет это в виду. — Извините, я начинаю простужаться, так что я вас обоих не обниму.

Шарлотта смеется.

— Не говори глупостей. Я не против.

Мне так сильно хочется закатить глаза.

— Где Элизабет? — спрашивает он.

— На кухне, я думаю, готовит нам напитки, — говорит Шарлотта.

— Хорошо. Позвольте мне пойти посмотреть, не нужна ли ей какая-нибудь помощь.

Я быстро кладу нож и поправляю прическу. Я натягиваю робкую улыбку, как только он сворачивает за угол. Его присутствие так же захватывает дух, как удар под дых. Если бы я вчера не видела, как ему было плохо, я бы никогда не заподозрила, что он вообще не в себе. На нем черный костюм и галстук. Его подбородок чисто выбрит, волосы уложены. Он идет ко мне, и мое тело гудит от предвкушения.

Я чего-то жду — даже чувствую возбуждение, — когда он приближается. Похоже, он чувствует то же самое, пока внезапно не останавливается в нескольких футах от меня и натянуто улыбается. Его рука мягко сжимается в кулак, а затем он стучает ею по столешнице.

— Привет.

— Привет, — говорю я робко. — Чувствуешь себя лучше?

Он морщится и потирает затылок.

— На самом деле, как ходячая смерть.

— Но ты пошел на работу?

Он пожимает плечами, как будто отчасти смущен.

— На самом деле у меня не бывает больничных.

— Могу я тебе что-нибудь предложить? Я могу разогреть тот вчерашний суп. Там еще кое-что осталось.

— Все в порядке.

Я делаю шаг к нему и протягиваю руку, слишком поздно осознав, что моим намерением было утешить его. Поскольку мы не прикасаемся друг к другу без повода, я вместо этого обхватываю рукой живот.

— Прости, — говорю я, осторожно понижая голос. — Я не знала, что они приедут в город сегодня. Если бы я знала, я бы придумала план получше. В мои намерения не входило, чтобы они вторгались в твое личное пространство.

— Я не возражаю.

— Они не останутся надолго.

Он качает головой.

— Честно говоря, я правда не возражаю.

— Элизабет? — зовет моя сестра. — Тебе нужна помощь?

— Нет! — отвечаю я. — Это займет всего минуту.

— Тогда хорошо. — Она просовывает голову в кухню и мило улыбается. — Уолт, я бы с удовольствием провела экскурсию по твоей квартире.

Глава 20

Несколько часов спустя я оказываюсь за обеденным столом Уолта, сидя за самым неловким ужином в мире. Вокруг нас существует слой напряженности, который все, кажется, слишком стремятся игнорировать. В свою защиту скажу, что это была не моя идея, чтобы мои мама и сестра остались так долго. Уолт настоял на том, чтобы заказать ужин в итальянском ресторане на соседней улице, и вот я сижу с тарелкой, полной салата, грибного ризотто и свежего хлеба фокачча — и все это нетронуту.

Моя мама сидит рядом со мной, скручивая салфетку на коленях. Я знаю, что это, должно быть, невероятно трудно для нее. Я сомневаюсь, что она счастлива сидеть в квартире Уолта и ужинать с ним. Тот факт, что Уолт является хранителем совместного траста наших семей, означает, что он фактически держит ее кошелек в своих руках, и всего несколько недель назад она умоляла меня заставить его увеличить ее ежемесячные выплаты. И вот она здесь, с натянутой улыбкой, слушает любую историю, которую рассказывает Шарлотта.

Это еще один источник неловкости во всем этом вечере. Шарлотта вцепилась в Уолта так же, как вцепилась в эти туфли на танкетке от Gucci в «Сакс». Она не переставала болтать ему без умолку с тех пор, как он вернулся домой. Ранее я пропустила экскурсию по квартире в пользу того, чтобы закончить с закусками на кухне. Мало что хорошего это принесло. Даже там я была посвящена в то, как моя сестра охала и ахала из разных комнат, рассматривая квартиру Уолта.

Мне хотелось подшутить над ее энтузиазмом. Теперь все стало еще хуже.

Когда принесли ужин и мы наполнили наши тарелки, она вцепилась в Уолта, настояв, чтобы он сел рядом с ней, чтобы она могла продолжить расспрашивать его о его любимых ресторанах в Нью-Йорке.

— Эта еда просто потрясающая. Как ты обнаружил это место? — спрашивает она.

— Это прямо за углом. Я все время прохожу мимо него.

Она уплетает каждый кусочек, как будто никогда в жизни не ела чертовой хлебной палочки.

— За эту лазанью можно умереть, — говорит она, практически испытывая оргазм на месте.

Справедливости ради, вероятно, именно это и происходит, поскольку большую часть времени она отказывается от углеводов.

Она откусывает еще кусочек, затем протягивает руку, чтобы коснуться предплечья Уолта, подчеркивая свой энтузиазм. Мой взгляд прикован к ее руке, как будто я пытаюсь использовать какое-то ранее неиспользованное лазерное зрение. Когда я понимаю, насколько суровым выглядит мое выражение лица, я моргаю и отвожу взгляд, пытаюсь игнорировать ее.

По мере продолжения ужина это становится все труднее и труднее.

Я никогда по-настоящему не видела Шарлотту такой, настолько бесстыдной, чтобы ясно выражать свои намерения. Обычно она хочет, чтобы мужчины преследовали ее, что ей нравится сидеть сложа руки и заставлять их потеть. Теперь, однако, она полностью поглощена Уолтом, доминируя в разговоре, наклоняясь к нему всем телом, как будто нас с мамой здесь даже нет.

Уолт сидит напротив меня, тихий, но внимательный.

Почему-то его вежливость только больше бесит меня. Я хочу, чтобы он отверг ее ухаживания. Оттолкнул ее руку. Дал понять, что он не заинтересован.

Наконец, в разговоре наступает затишье, потому что Шарлотта пережевывает свою еду, а Уолт бросает взгляд на мою маму.

— Что привело вас двоих сегодня в город?

Шарлотта спешит закончить жевать.

— Мы не могли отказаться от распродажи...

— Возможность увидеть Элизабет, — перебивает моя мама с улыбкой, сладкой, как мед.

Я чуть не фыркаю, но в последний момент подавляю порыв. Уолт бросает на меня любопытный взгляд, но я опускаю взгляд на свою еду, беспокоясь, что если он хорошенько меня рассмотрит, то поймет, что что-то не так.

— И вы смогли осмотреть город? — спрашивает он.

Да, мы исследовали все три уровня Пятой авеню «Сакс».

Конечно, я этого не говорю. Это не мое дело — выдавать маму и Шарлотту. Я могу не согласиться с их выбором, но я также не думаю, что мне нужно бежать к Уолту и закладывать их.

Моя мама опускает взгляд на свою еду.

— О, не так сильно, как мне бы хотелось. Может быть, в следующий раз, когда мы приедем, нам удастся попасть на бродвейскую пьесу или что-нибудь в этом роде.

У Шарлотты кружится голова от такой перспективы.

— Да! Пожалуйста. Уолт, ты ведь пойдешь с нами, правда?

— Он занят, Шарлотта, — говорю я, понимая, что это первый раз, когда я заговорила за весь ужин.

Три пары глаз смотрят на меня, как будто только сейчас осознав мое присутствие. Я краснею и тянусь за своим бокалом вина.

— О боже, — внезапно вспыхивает Шарлотта, уставившись на мою руку. — Как я могла пропустить твое кольцо раньше? Это реально? Этого не может быть!

Я замираю с бокалом на полпути ко рту и смотрю вниз на драгоценный камень, мерцающий в свете люстры. Оно так же прекрасно, как и всегда.

— Это просто позаимствовано у Уолта, — смущенно говорю я. — Ты знаешь люди покупаются на всю эту историю с браком.

Он хмурится, но не возражает мне перед ними.

— Дай сюда. Дай мне посмотреть на эту штуку.

Я протягиваю ей руку, и вместо того, чтобы посмотреть на кольцо у меня на пальце, она снимает его и подносит к свету.

Бриллиант мерцает в ее взгляде, делая ее похожей на мультяшную воровку.

Затем, к моему ужасу, она надевает его на безымянный палец и показывает нам, даже заходя так далеко, что подмигивает Уолту.

— А? Довольно неплохо, не так ли? Это могли быть мы, Уолт.

Такое чувство, что пол уходит у меня из-под ног.

Я не совсем понимаю, как мы попали в эти обстоятельства, в этот недостойный флирт между моей сестрой и моим мнимым мужем, но мне совершенно ясно одно: я хочу, чтобы это прекратилось. Весь вечер я чувствовала себя собственнически по отношению к Уолту. Мое тело реагировало так, как будто мой брак с ним реален, как будто моя сестра флиртовала с мужчиной, которого я действительно люблю. Моя рука болит от желания протянуть руку и забрать у нее свое кольцо, сказать ей, что у нее был шанс, и она его упустила.

— Можно мне взглянуть? — спрашивает моя мама.

— Через минуту, — говорит Шарлотта, все еще любясь кольцом на своем пальце.

Я пытаюсь продолжать есть, но мое ризотто превратилось у меня во рту в жевательный комочек. Я проглатываю свой кусок, затем кладу вилку на край тарелки.

— Я не совсем уверена, что понимаю, что здесь происходит, — говорит моя мама, переводя взгляд с Уолта на меня. — Почему Элизабет было необходимо иметь кольцо?

Почему она живет здесь? Я думала, что брак был заключен просто по юридическим причинам, связанным с трастом.

— Да, а потом я понял, что будет почти невозможно сохранить наш брак в секрете, — отвечает Уолт, как ни в чем не бывало. — Поэтому мы договорились разместить объявление в «Таймс» и сделать его официальным.

— Ой! Так что кольцо — это просто показуха! — говорит Шарлотта с приступом хихиканья. — Мне это нравится! Такой скрытный. Так весело. Я бы с удовольствием подыграла тебе, если бы знала, что это не будет просто какой-то скучный контракт.

— Да, но ты этого не сделала. Ты солгала.

Мой ответ заставляет всех за столом замолчать. Снова взгляды устремляются на меня, и на этот раз я не отступаю.

Красивые черты лица Шарлотты искажаются в замешательстве.

— Что?

Я смотрю ей прямо в глаза.

— Я не могу сидеть здесь и слушать, как ты легкомысленно относишься ко всему, что ты сделала, Шарлотта. Когда твоя семья нуждалась в тебе, ты солгала и сказала, что влюблена, и я купилась на это. Я хотела, чтобы ты была счастлива, но тебе было наплевать на мое счастье. Для тебя все это какая-то большая игра. Вместо того, чтобы помочь, ты сбежала и делала все, что тебе заблагорассудится, не заботясь о своей семье. Я должна была сделать шаг вперед и поступить правильно. Мне пришлось выйти замуж за почти незнакомого человека, и всем вам было на это наплевать. — Теперь я поворачиваюсь к маме, пытаюсь сдержать злые слезы. — Ты заставила меня сделать это.

— Я ничего подобного не делала, — высокомерно возражает моя мама.

Я бросаю салфетку на тарелку.

— Ты шутишь? Чувство вины, которое ты повесила на меня? Тот факт, что вы с папой вообще оказались в таком положении? Ты бы потеряла все, если бы не я. У меня не было выбора. Вы обеспечили это.

— Да, хорошо. Но вряд ли это можно назвать жертвой. — Шарлотта смеется, неправильно истолковав мой тон.

— Я вышла замуж за человека, которого едва знала, Шарлотта!

— Да, и что с того? Теперь ты живешь в роскошном пентхаусе и носишь кольца с бриллиантами. Дай мне передохнуть, — парирует она, бросая мне мое кольцо обратно. Оно звенит на моей тарелке, переворачивается, а затем с хлопком оседает в моем ризотто.

Уолт вскакивает на ноги, задевая стулом пол.

— Думаю, нам следует закончить вечер.

— Не могу не согласиться, — говорит Шарлотта, вставая рядом с ним, как будто они одна команда. — Прости, что моя сестра такая дрянь.

— Шарлотта, — шипит моя мама.

— Что? Ты что, издеваешься надо мной? Ты просто позволишь ей так с нами разговаривать? — спрашивает она, указывая на меня. — Весь день в «Сакс» она была как скряга, указывая на каждый долбаный ценник. Боже, я больше не могу это слушать.

Это чувство взаимно. Я не могу находиться в ее присутствии ни секунды, даже достаточно долго, чтобы проводить их. Я встаю, отодвигаю свой стул и оставляю их там, в столовой.

Моя спальня манит. Тихая темнота — это именно то, чего я хочу после такого дня, как

сегодня. Я закрываю за собой дверь, зажмуриваю глаза и позволяю всем скопившимся слезам пролиться.

Странным образом, от слез мне становится только хуже. Я даже не могу по-настоящему насладиться чувством отпуска, потому что так много эмоций переплелось воедино. Отчасти это связано с тем, что Шарлотта сказала за ужином. Она не ошибается. В некотором смысле мой брак с Уолтом не был огромной жертвой. Не совсем. На самом деле, я наслаждалась своей жизнью с тех пор, как вышла за него замуж, особенно здесь в последнее время. Мне нравится быть с ним в этой квартире. Мне нравится... он.

Но это почти не относится к делу. Мои чувства к Уолту не уменьшают того, насколько я зла на свою семью за то, что она поставила меня в такое положение в первую очередь. Моя мама ни разу не спросила меня, как я поживаю после свадьбы. Она не поблагодарила меня за то, что я сделала для нее и моего отца. Боже, не говоря уже о том, что — вдобавок ко всему прочему — она даже не изменила своих привычек! Как будто все, что я делала, было напрасно. Ей все равно. Нет, пока она продолжает получать эти чеки каждый месяц.

Эта правда, кажется, возникает из ниоткуда, как будто ее давление нельзя было сдерживать еще хоть на мгновение. Мои чувства к моей семье долгое время бушевали во мне, но я старалась избегать их.

Даже сейчас мне неприятно признавать правду.

Я отталкиваюсь от двери и заползаю на свою кровать. Я ложусь лицом к окну, засунув руки под подушку. Я чувствую себя хуже, а не лучше после своего поведения за столом. Я уверена, что они все еще где-то там, говорят обо мне. Моя мама, вероятно, извиняется за меня, смущенная моей вопиющей честностью. Или, что более вероятно, она извиняется, чтобы убедиться, что эти чеки не перестанут поступать.

Проходит несколько минут, а затем в мою дверь тихонько стучат.

— Ты можешь войти, — говорю я, не потрудившись обернуться и посмотреть, кто это.

В этом нет необходимости; я знаю, что это Уолт.

Он тихо входит и садится позади меня на кровать. Матрас прогибается под его весом, а затем он кладет руку мне на бедро и что-то протягивает мне.

Мое обручальное кольцо мерцает в свете, проникающем через окно.

— Я помыл его, — обещает он.

Почему это заставляет меня плакать еще сильнее, остается полной загадкой. Я перекатываюсь вперед и утыкаюсь лицом в подушку, пытаюсь скрыть слезы.

Его рука скользит вверх по моему позвоночнику и опускается на мою шею, чтобы он мог водить большим пальцем взад и вперед, успокаивая меня. В конце концов, он кладет руку мне на плечо, мягко перекатывая меня на спину. Я не могу смотреть на него, даже когда он наклоняется надо мной. Мое внимание приковано к потолку.

— Пожалуйста, не плачь, — говорит он так, как будто это ему больно.

— Я не плачу, — вру я с плохо скрываемым всхлипом.

— Теперь они ушли, — говорит он, беря меня за левую руку, чтобы он мог надеть кольцо обратно на мой палец. Я чувствую себя намного лучше, когда оно снова на месте.

Я благодарю его, а затем жду, когда он встанет и уйдет. Он выполнил свой долг и проверил меня. Я не ожидаю, что он задержится надолго.

Вместо этого он остается на месте, ожидая, пока я наберусь смелости встретиться с ним взглядом. Когда я это делаю, он грустно улыбается, ямочки на его щеках едва заметны.

— Если это поможет, я тоже не люблю свою семью.

Я хихикаю и качаю головой.

— О, да? Тогда ты можешь сказать мне, что я должна теперь делать?

— Я уверен, что все это пройдет через несколько дней.

Мой желудок сжимается от мимолетного гнева.

— А что, если я этого не хочу? Что, если я устала от их дерьма?

— Тогда ты должна двигаться дальше.

Я смаргиваю слезы.

— Почему это тебя так печалит? — спрашивает он, нахмутив брови. — Очевидно, как сильно они причиняют тебе боль.

Я пощелкиваю челюстью, пытаюсь придумать объяснение получше, чем правда.

Уолт обхватывает мою щеку и вытирает мои слезы подушечкой большого пальца. Успокоив дыхание, я смотрю ему прямо в глаза и объясняю, что без них у меня никого нет.

Он задумчиво молчит, а потом произносит:

— Что ж, тогда нам придется найти тебе друга.

Я не могу удержаться от смеха над абсурдностью его ответа.

— Мы дадим объявление в газету, — продолжает он.

— Уолт, — стону я, пытаюсь вырваться из его хватки.

— Хорошо, тогда мы купим тебе щенка.

— Я говорю серьезно.

Я протягиваю руку, чтобы попытаться оттолкнуть его, но вместо этого он притягивает мою руку к своей груди и сильнее прижимает ее к своему сердцу, чтобы я могла почувствовать его биение.

— Я тоже.

Его взгляд умоляет меня понять причину.

В этот момент настроение в комнате меняется, когда он крепко и заботливо сжимает мою руку.

Теперь я понимаю, что он пытается заставить меня увидеть. То, что он слишком боится мне сказать.

Глава 21

Мои губы приоткрываются, и надежда наполняет меня, как гелий наполняет воздушный шар. Воздух между нами наполнен невысказанными словами. Мой взгляд падает на его губы, и я наклоняюсь вперед, отрываясь от подушки, мой подбородок лишь слегка приподнимается. Все это вдруг кажется таким простым. Мы вдвоем вместе.

Если он не наклонится, это сделаю я.

Или я бы...

Если бы я вдруг не вспомнила ту ночь, когда поцеловала его в галерее у входа, ночь, которая была так похожа на эту. Тогда он отвернулся от меня, и думать о его отпоре до сих пор больно, даже сейчас.

Я поджимаю губы и отвожу взгляд.

Уолт замечает мое отступление и отпускает меня, пытаюсь встать. Он желает мне спокойной ночи, выходя за дверь, а я смотрю на него в своей темной комнате, желая, чтобы между нами все было по-другому.

Чтобы он меня хотел.

Утром он — первое, о чем я думаю. Я отбрасываю одеяла в сторону и спешу на кухню, горя желанием увидеть его. Я хотела бы поблагодарить его за вчерашний вечер. Он был

неожиданным источником доброты в трудный день.

Я готовлю себе завтрак и кофе и сажусь за стол, медленно ем, каждые пять секунд бросая взгляд на дверь, только чтобы понять, загружая посуду в посудомоечную машину, что он уже ушел на весь день. Его пустая кофейная чашка, перевернутая вверх дном на верхней полке, — тому доказательство.

Я также не вижу его в тот вечер.

Я отмахиваюсь от этого как от аномалии, но проходит еще один день, а он все еще остается тенью в квартире. Я знаю, что он был дома, только потому, что к тому времени, как я просыпаюсь утром, в посудомоечную машину загружается другая кофейная чашка. На этот раз его айпад тоже лежит на кухонном островке. Должно быть, он просыпается и уходит на работу ни свет ни заря и остается там до позднего вечера. Я помню кое-что, что он сказал в ночь сбора средств о том, чтобы держаться на расстоянии и стараться не вторгаться в мое личное пространство.

Я думаю, он снова это делает, и мне это не нравится.

Как бы абсурдно это ни звучало, я начинаю скучать по нему.

Скучаю по нему!

По такому человеку, как Уолт!

Я сама с трудом в это верю.

Конечно, я заставляю себя работать. У меня нет другого выбора. У меня есть всего три недели, чтобы собрать коллекцию для Надежды. Она связалась со мной по электронной почте, чтобы подтвердить, что я на верном пути, и я отправила ей фотографии нескольких готовых работ. К счастью, они ей, похоже, действительно понравились, так что, по крайней мере, у меня это получилось.

Теперь, если бы только Уолт вернулся домой...

Чем дальше мы остаемся порознь, тем больше я понимаю, что соглашение между нами в его нынешнем виде не будет работать вечно. Мы играем в игру, и это похоже на бег с завязанными глазами. Вместо того чтобы мчаться навстречу друг другу с головокружительной скоростью, мы бежим в совершенно противоположных направлениях. Цель проста: кто дольше другого сможет избежать признания в своих чувствах? Кто сможет больше держаться подальше?

Это самая скучная игра в мире. На самом деле так скучно, что я начинаю думать, что, возможно, не против покончить с этим, даже если я проиграю, даже если это у меня будет разбито сердце.

Просто альтернатива — это постоянное состояние недоумения, что может произойти между нами, — сводит меня с ума.

К сожалению, Уолт сделал невозможным окончание игры, потому что его никогда не бывает дома.

В пятницу утром я потягиваю кофе в библиотеке, перебираю цветовую палитру для нового произведения, когда мне приходит в голову безрассудная идея прийти к Уолту на ланч в его офис.

Эта концепция подобна удару молнии, возвращающему меня к жизни. Мне так не терпится, что я вскакиваю со стула и кладу мастихин (*прим. тонкая упругая лопаточка, которой художник-живописец наносит грунт на полотно и удаляет лишнюю краску*), только чтобы понять, что еще только 9:00. Не совсем обеденное время.

Хорошо.

Я возвращаюсь к работе — немного более мрачная, чем раньше, — и заставляю себя быть продуктивной примерно до 11:00, затем бросаюсь к своему шкафу и перебираю одежду, выбрасывая один наряд за другим без видимой причины. Мне даже не нужно переодеваться. Одежда, которая на мне, в порядке, и все же, мне кажется, что если я собираюсь появиться на работе Уолта, мне следует надеть что-то другое, кроме джинсов. Не говоря уже о том, что весна наконец-то решила выглянуть наружу, поэтому я надеваю мягкую облегающую белую футболку и сочетаю ее с короткой юбкой с запахом, завязывающейся небольшим бантом с левой стороны. Как всегда, я надеваю свои ботинки «Док Мартенс» и украшения.

Я трачу время на то, чтобы придать волосам мягкие завитки и нанести макияж. Мне нравится общая атмосфера, которую я создала. Я стараюсь, не слишком стараясь. Мой наряд говорит: «О, я так одеваюсь каждый день, что такого?». Мое нутро говорит: «Э-э-э, ты уверена, что удивить Уолта — хорошая идея?»

К 12:30 я выхожу за дверь и направляюсь в кафе дальше по улице. Я не думаю, что смогу переварить больше, чем простой сэндвич, поэтому я заказываю для нас два сэндвича с несколькими гарнирами, которые мне посоветовал хозяин.

«Диомедика» находится достаточно близко к квартире Уолта, чтобы я могла прийти туда пешком после того, как выйду из кафе. Всего через несколько минут я стою за сверкающими стеклянными дверями с нашим обедом в руках.

Двери открываются, и я вхожу, затем на мгновение замираю при виде охраны.

Здесь как в Форт-Ноксе (*прим. военная база США*).

Сотрудники суетятся и быстро проносятся, приходя и уходя с обеда. Есть два контрольно-пропускных пункта, где сотрудники, которые входят, могут отсканировать свои бейджи, а затем пройти мимо турникета и охранника.

Я стою посреди фойе, перекрывая движение.

Я, должно быть, выделяюсь, как белая ворона, потому что проходящая мимо женщина сжалилась надо мной.

— Ты доставляешь кому-то обед? — она указывает налево. — Ты можешь обратиться в службу поддержки, и они передадут это нужному человеку.

Конечно, хорошо. Я действительно выгляжу так, как будто могла бы быть разносчиком еды. Я имею в виду, что я не совсем одета по офисному дресс-коду в своей кокетливой юбке. Как бы то ни было, ее совет действительно полезен. Поблагодарив ее, я направляюсь прямо к столу, чтобы объяснить свою ситуацию. Я знаю, что могла бы просто позвонить Уолту и сообщить ему, что я здесь, но есть множество причин, по которым я не хочу этого делать. Для начала, я хочу, чтобы мое появление здесь было сюрпризом. В глубине души я беспокоюсь, что он точно не будет рад меня видеть. Мы не так уж далеко ушли от того времени, когда я должна была связываться с ним только в случае крайней необходимости. Боже милостивый, возможно, это была плохая идея.

— Мисс? Могу я вам чем-нибудь помочь?

Служащая справочной службы спрашивает меня об этом после того, как я колеблюсь между уходом и пребыванием здесь. Я поворачивалась на пятках туда-сюда около полудюжины раз. Я уверена, что выгляжу так, будто сошла с ума.

— Эээ... да. — Я поднимаю коричневый бумажный пакет из кафе. — Я пытаюсь донести это до мистера Дженнинга.

Без энтузиазма она говорит:

— Хорошо, отдай это мне, и я возьму это на себя.

Я выдаю что-то вроде умоляющей, полу искривлённой улыбки.

— Есть ли какой-нибудь способ, которым я могла бы сама это сделать?

Она тихонько посмеивается, как будто не может поверить, что я вообще задала этот вопрос.

— Прости. Никому не разрешается подниматься наверх без специального разрешения.

— Это то, с чем вы могли бы мне помочь?

Выражение ее лица говорит о том, что я только что усложнила ее работу в сто раз.

— Он ждет тебя?

Я съеживаюсь.

— Не совсем, но я его знаю. Вообще-то, я его жена.

Вау, произносить это вслух все еще звучит странно. Как будто я сама в это не верю, и, наверное, поэтому она тоже в это не верит.

— Могу я взглянуть на какое-нибудь удостоверение личности? — спрашивает она, приподняв бровь.

Вот дерьмо.

Я не меняла свою фамилию. Согласно моим документам, я все еще Элизабет Брайтон.

Я говорю ей об этом, и она хмурится.

— Без какого-либо способа подтвердить вашу личность я не могу просто отпустить вас. Я могу ему позвонить?

Она начинает поднимать телефон, и я бросаюсь вперед, протягивая руку, как будто блокирую ее.

— Нет, нет, не делайте этого. Это испортит сюрприз. Вот, дайте мне... — я оглядываюсь вокруг, пытаюсь найти что-нибудь, что могло бы помочь. Мой взгляд натывается на газету, забытую в гостиной у окна. Я щелкаю пальцами.

— Вы можете найти нас в Интернете!

— Что?

— Да, посмотрите нашу свадьбу. Там есть наши фотографии и все такое.

— Это не совсем стандартный протокол, — говорит она, поджимая губы, когда включает компьютер, щелкая мышкой.

Я съеживаюсь.

— Я знаю. Мне неприятно просить вас об этом. Я просто подумала, что было бы забавно, если бы я удивила его.

Она набирает что-то на клавиатуре, а затем наклоняется, чтобы изучить экран, переводя взгляд с него на меня, затем снова на него.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Элизабет Брайтон, — говорю я.

— Вы двое поженились в здании суда?

Я улыбаюсь.

— Да. На фотографии я должна быть в платье с леопардовым принтом.

— Ну, это определено вы, — говорит она со смехом и качает головой. — Хорошо. Дайте свое удостоверение личности, чтобы я могла отсканировать его, а затем я попрошу кого-нибудь сопроводить вас наверх.

Несколько минут спустя я стою плечом к плечу в лифте с мускулистым охранником. Ну, не совсем плечом к плечу. Больше похоже на плечо к бедру. Этот парень просто огромен. Он в четыре раза больше меня и заинтересован только в том, чтобы делать свою работу. Его

глаза устремлены прямо перед собой. Его большие пальцы просунуты за пояс. Его рот неулыбчив. Похоже, он не хочет говорить, поэтому я не давяю на него.

Лифт прибывает на двадцатый этаж, и затем мы выходим вместе.

— Сюда, — говорит он, кивая головой.

Мы поворачиваем налево, направляясь по короткому коридору, который ведет в большую прихожую.

Я следую за охранником, слегка пораженная тем, как здесь все красиво. Здесь нет ничего от суровости вестибюля. Здесь стены обшиты панелями и выкрашены в гляцевый серо-голубой цвет. Вокруг низких журнальных столиков расставлены плюшевые кожаные кресла, а над головой висят модные латунные люстры без украшений. Есть и искусство: скульптуры и масштабные картины. На одной из них, в частности, изображен корабль в бурных водах. Я бы с удовольствием посмотрела поближе, если бы у меня было время.

Охранник нетерпеливо машет мне рукой в сторону стола, расположенного в центре комнаты, за которым сидит симпатичная блондинка, улыбающаяся мне. На ней классные аквамариновые очки и черная гарнитура. Когда она снимает ее, я замечаю маленький слуховой аппарат, незаметно спрятанный у нее за ухом. Ее пальцы покрыты кольцами, а на свитере вышито крошечное сердечко. Ясно, что она любит растения. Ее стол завален ими. Одно из них, в частности, начинает обвивать ножку стола.

— Спасибо, Тед, — говорит она, махая охраннику.

Он кивает нам обеим, прежде чем направиться обратно к лифтам.

— Так ты Элизабет, — говорит блондинка, когда я поворачиваюсь к ней лицом, не пытаюсь скрыть, что она разглядывает меня.

Я заставляю себя улыбнуться, хотя чувствую себя слегка застигнутой врасплох.

— О, да, извини. Я Эйприл, — добавляет она с широкой улыбкой. — Мы говорили по телефону некоторое время назад? Я одна из помощников Уолта. Я дежурю за столом.

— Эйприл! — говорю я, когда кусочки встают на свои места.

Она смеется.

— Ага.

— Круто. Приятно увидеть тебя в живую.

— И мне. Я имею в виду, я видела фотографии тебя и Уолта, но я имею в виду, да, я полностью вижу тебя теперь, когда ты здесь лично.

Я хмурюсь, как будто что-то упускаю.

— Видишь что?

Она пожимает плечами.

— Просто... все это. — Она машет рукой вверх и вниз по мне. — Я понимаю, почему он надел тебе на палец этот огромный камень. Я имею в виду, посмотри на эту штуку. Он тяжелый?

Я смущенно провожу большим пальцем по своему кольцу.

— Нет. Я уже привыкла к этому.

— Не знаю, сказал ли он тебе, но он выбрал его сам. Попросил меня назначить встречу с ювелиром, но это все. — Она пожимает плечами. — Думаю, что он проделал действительно хорошую работу.

Я киваю, не уверенная в том, что я должна сказать на эту информацию.

— Хорошо, хорошо, я не буду тебя задерживать. Похоже, у тебя дело. — Она кивает в сторону двух обшитых панелями дверей из красного дерева слева. — Входи прямо сейчас.

Я сглатываю, как будто собираюсь встретиться лицом к лицу с главным боссом в конце видеоигры. Я перевожу взгляд с дверей обратно на Эйприл, как будто надеюсь, что она сможет мне как-то помочь, но она уже вернулась к своему компьютеру.

Здорово.

Я заставляю свои ноги двигаться вперед, шаг за шагом, пока не добираюсь до кабинета Уолта.

Я уже собираюсь повернуть ручку, но передумываю и вместо этого стучу.

— Войдите, — говорит Уолт, его голос едва слышен через толстые двери.

Я поворачиваю ручку и толкаю дверь, чтобы увидеть своего мужа, сидящего за своим столом, его внимание сосредоточено на компьютере.

— Элизабет, — говорит он, даже не глядя на меня.

Он несколько не удивлен, обнаружив меня здесь, а это значит, что кто-то позвонил, чтобы предупредить его о моем прибытии. Держу пари, это была охранник внизу. Очевидно, что ее преданность связана с мужчиной, подписывающим ее чеки. Не могу сказать, что я виню ее.

— Ты занят?

— Я всегда занят, — говорит он, что-то печатая.

Его ответ раздражает меня и заставляет действовать. Я вхожу в его кабинет полностью, закрываю за собой дверь и отвечаю:

— Что ж, очень жаль.

— Это обед для меня?

— Может быть... если будешь хорошо себя вести.

Его взгляд, наконец, падает на меня, и он расплывается в кривой улыбке.

— Я всегда хорошо себя веду.

Я фыркаю, чтобы доказать, насколько неуместен этот комментарий.

Он откидывается на спинку стула, оценивая меня. Я ненавижу то, как уверенно он выглядит за этим модным столом, как мало мое присутствие сбивает его с толку. На мгновение я хотела взять верх, но, похоже, этого не произойдет.

— Зачем ты пришла в мой офис? Просто чтобы принести мне обед?

— Ну, я не видела тебя всю неделю. Ты, кажется, собираешься быть здесь каждый день с утра до ночи, поэтому я подумала, что сама приду к тебе.

— Я сплю в квартире, — указывает он, как будто желая, чтобы я знала.

— Это приглашение? — спрашиваю я, не совсем узнавая эту версию себя. В его глазах что-то искрится, и я невинно улыбаюсь. — Просто шучу.

Боже, как это тяжело. Мои инстинкты самосохранения требуют, чтобы я прервала свою миссию и побежала обратно в квартиру. Я могла бы прятаться в библиотеке, работать над своими картинами и никогда не беспокоиться о том, чтобы рисковать своим сердцем.

Появляться здесь вот так, открыто флиртовать с ним... Что ж, есть только два возможных исхода, и я боюсь, что меня ждет мир боли.

Я подхожу и со стуком ставлю бумажный пакет на его стол, затем оглядываюсь в поисках удобного кресла. Позади меня есть одно, но, недовольная его расположением, я начинаю толкать его вокруг стола Уолта.

— Что ты делаешь?

Я делаю паузу.

— Иду посидеть рядом с тобой. Я не собираюсь сидеть там, как будто я одна из твоих

сотрудников. Это странно.

— Вот, дай мне, — говорит он, вставая, чтобы отобрать у меня кресло.

Затем, как будто он сделан из картона, он легко поднимает его и переносит, чтобы поставить рядом со своим креслом. Вуаля.

Я сажусь и скрещиваю ноги, поправляя юбку. Он наблюдает за мной, как ястреб, заставляя меня краснеть.

— Что?

Он качает головой и отводит взгляд.

— Ничего.

— Я только что познакомилась с твоей помощницей. Она мне нравится. — Он не отвечает, поэтому я продолжаю: — Знаешь, я могла бы сыграть роль ревнивой жены и указать на тот факт, что она очень хорошенькая.

— Эйприл? — спрашивает он, не тронутый моим наблюдением. — Она молода.

Я сдерживаю улыбку.

— Я тоже молода.

Его взгляд возвращается ко мне, перескакивая с моих ног на юбку. Затем его глаза встречаются с моими всего на мгновение, прежде чем он, кажется, приходит к какому-то выводу.

— Ты совсем другой тип молодежи.

Я краснею и наклоняюсь, чтобы подтащить к нам бумажный пакет.

— Я ценю, что вы принесла мне обед, но через полчаса у меня встреча с отделом контроля качества, — говорит он бесцеремонно.

— Тогда мы будем есть быстро.

Я встаю и делаю шаг вперед, так что оказываюсь зажатой между ним и его столом. Я начинаю разгружать наш обед, давая понять, что меня не остановит его встреча или даже тот факт, что на его столе не так много места для нашей еды. Он вынужден быстро убрать бумаги, прежде чем я накрою их нашими сэндвичами и гарнирами.

— Нет, пожалуйста, чувствуй себя как дома, — издевается он, когда я отодвигаю его клавиатуру в сторону.

— Ну и что я должна делать? Тут нет никакого свободного места. Обычно ты гораздо аккуратнее, чем сейчас.

— Да, ну, в последнее время я был рассеян. Нет, не двигай это. Мне нравится, когда моя мышь лежит прямо там.

Я тихо смеюсь.

— Должно быть, это тебя так раздражает.

— Что?

— Я. Это так очевидно, как сильно я действую тебе на нервы. Я чувствую, как сильно ты хочешь, чтобы я убралась отсюда.

Я оглядываюсь, и моя улыбка сразу же застывает, как только я вижу, что Уолт откинулся на спинку кресла, его пристальный взгляд сосредоточен на задней части моих ног, прямо там, где заканчивается моя юбка.

Он не делает никаких попыток отвести взгляд или скрыть тот факт, что он открыто разглядывает меня. Он просто высокомерно медленно поднимает свой взгляд на меня.

— Ты не так сильно действуешь мне на нервы, как тебе кажется.

Мои глаза сужаются, и я поворачиваюсь обратно, чтобы переключить свое внимание на

наш обед.

— Ты хочешь, чтобы я это доказал? — спрашивает он, протягивая руку и дотрагиваясь до моей ноги, обхватывая ее чуть выше колена, так что от его пальцев у меня по спине пробегают мурашки.

Я замираю, внезапно обнаружив, что мне трудно проглотить комок в горле. Его рука теребит подол моей юбки, едва проникая под ткань.

— Я удивлена, что ты это предлагаешь. Я предполагала, что ты хочешь оставить меня в покое. Ты ясно дал понять, что не хочешь ничего начинать со мной.

— Потому что это в твоих интересах, — говорит он, проводя рукой чуть выше. — Технически у тебя со мной контракт. Наш брак был заключен при посредничестве моего адвоката. Или ты забыла об этом?

— Как я могла? — спрашиваю я, моя грудь поднимается и опускается в быстрой последовательности.

— Хорошо. Так что мы должны поддерживать простые и платонические отношения.

— Платонические и простые, — повторяю я, ожидая, когда он уберет руку.

Когда он этого не делает, я сдерживаю зловещую улыбку.

Глава 22

— Какова настоящая причина, по которой ты пришла сегодня в мой офис, Элизабет?

— Чтобы принести тебе обед.

— Хорошо, тогда давай поедим, — говорит он, как будто проверяет меня. Он хочет, чтобы сначала я разорвала связь, чтобы ему было легче.

— Нет.

Следует тишина, секунды растягиваются на годы, пока я жду.

Его рука покидает мою ногу. Позади меня он медленно поднимается. Учитывая его рост, я кажусь такой маленькой. Он делает шаг вперед, и его грудь касается моей спины. Еще шаг, и я оказываюсь зажатой между ним и краем стола.

Теперь, внезапно, это кажется опасным.

Мы находимся в точке невозврата.

С чувством собственника он возвращает руку на переднюю часть моего бедра в собственническом захвате, затем медленно поднимает ее выше.

— Я предупредил тебя, — шепчет он, как будто сердится.

Мне трудно дышать, когда он проводит рукой по внутренней стороне моего бедра, словно дразня.

— Ты не собираешься бежать к двери? — спрашивает он.

Я вздергиваю подбородок и откидываю голову ему на грудь.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в шею. Это нежно и мимолетно. Я почти не чувствую этого, и все равно мое сердце бешено колотится. Я жду, надеюсь. Боже, я боюсь того, что произойдет, но больше всего я боюсь, что ничего не произойдет. Я боюсь, что меня все еще ждет — но мы не можем. Что внезапно он погасит спичку, которую мы только что зажгли.

Я поворачиваю голову в сторону, чтобы посмотреть на него снизу вверх.

Его карие глаза оценивают меня страстным взглядом, и его хватка сжимается еще сильнее. Я клянусь, он взвешивает свои варианты, как будто даже сейчас он все еще может уйти.

Мои глаза сужаются, как бы говоря: «Сделай это уже», и медленно коварная улыбка

расползается по его губам, когда его рука опускается между моих бедер. Он так близок к тому, чтобы прикоснуться ко мне там, где я отчаянно нуждаюсь в этом. Так близко.

— Итак... Какова настоящая причина, по которой ты пришла сегодня в мой офис, Элизабет?

Его высокомерие не позволяет мне дать ему настоящий, уязвимый ответ.

— Чтобы поздороваться.

Он посмеивается.

— Так это та история, которой ты придерживаешься? Потому что эта юбка говорит о чем-то другом.

Я дрожу, когда румянец распространяется по моему телу. Я ненавижу, что меня так легко вычислить. Я ненавижу, что он произнес эти слова вслух, и, что еще хуже, я ненавижу, что не могу их опровергнуть.

— У меня эта юбка уже много лет, — парирую я, пытаюсь уклониться.

— И все же... Думаю, ты надела ее сегодня в мой офис, потому что хотела, чтобы это произошло.

Я не спорю, и он вознаграждает меня своей честностью.

— Я лягу спать сегодня ночью, мечтая о тебе в этой юбке, — говорит он, едва слышно шепча.

Затем его рука, наконец, скользит вверх между моих ног, прямо к середине трусиков. Моя спина выгибается от его груди, когда я до боли хочу, чтобы он продолжил.

Даже малейшее прикосновение — это почти чересчур. Прошло слишком много времени, мое тело слишком изголодалось, слишком нетерпеливо.

Он удерживает мои трусики на месте, прикрывая меня, пока его палец скользит по мне. Барьер делает меня еще более нуждающейся, как будто я в нескольких секундах от того, чтобы вспыхнуть. Задыхающаяся. Нетерпеливая. Умоляющая. Просто... прикоснись ко мне! Мне хочется кричать. Вместо этого я зажмуриваю глаза, стараясь не чувствовать себя подавленной.

Его твердая длина касается меня, и у меня перехватывает дыхание. Он не перестает трогать меня поверх трусиков, даже когда я нетерпеливо извиваюсь рядом с ним.

Он берет мою левую руку и кладет ее на край стола, чтобы я могла опереться, когда он начинает наклонять меня вперед под углом. Я открываю глаза и также опускаю другую руку, когда он отступает назад.

Иисус.

Это совершенно неуместно. Я не должна была быть здесь, дефилировать перед ним в таком виде. Я чувствую, как прохладный воздух касается задней части моих бедер, когда он поднимает подол моей юбки и накрывает мои бедра. Я знаю, насколько незащитна перед ним в таком состоянии. Я могу представить, как мои трусики разрезают мою задницу, открывая больше, чем скрывая. Эта поза дает ему столько силы, и все же тепло накапливается и растет, пока он остается на месте, рассматривая меня. Я чувствую себя такой уязвимой и неподвижной, мое тело более чем готово, когда он протягивает руку, зацепляет пальцами с обеих сторон мое нижнее белье и начинает стягивать его с моих ног.

— Не двигайся, — резко приказывает он, его голос хриплый от желания.

Мои трусики падают до колен, а затем спадают до лодыжек, такие нежные и милые по сравнению с моими черными ботинками.

Он отступает назад, разрывая нашу связь, и я зажмуриваю глаза, понимая, как сильно я

дрожу. Эта поза на волосок от унижения, особенно когда он держит дистанцию, почти лениво глядя на меня, как будто я вещь, выставленная на полке, на которую он может смотреть.

— Элизабет.

Я не шевелю ни единым мускулом. Как он и просил.

Со стоном, который он в основном сдерживает, он подходит ко мне и отодвигает меня со стола, притягивает к себе и обхватывает рукой мой живот, чтобы удержать меня на месте. Затем он наклоняется и скользит правой рукой между моих бедер, чтобы благоговейно накрыть меня, наконец, кожа к коже. Его рука дразнит меня между ног, пока я пытаюсь удержаться.

Я сгораю от желания, а он только усугубляет ситуацию. Невозможно ослабить или погасить желание, нарастающее внутри меня. Одно прикосновение заставляет меня сгорать от желания другого. Я мышка с сыром у мышеловки, желающая большего.

Его жесткую длину невозможно игнорировать, но мне не хватает места, чтобы протянуть руку между нами и что-то с этим сделать. Он прижимает нас тело к телу. Кроме того, я не думаю, что он этого хочет. Кажется, он намерен просто прикасаться ко мне, доставлять лишь мне удовольствие.

Я снова опускаю голову ему на грудь, и его губы находят мою шею в тот самый момент, когда его средний палец вдавливаются в меня. Я зажмуриваю глаза и вижу черные звезды за закрытыми веками.

Это потрясающе, когда он скользит пальцем внутрь и наружу во второй раз, затем в третий. Боже, как хорошо, что он так прикасается ко мне, как хорошо наконец-то узнать, каково это. Я уже слишком близко. Слишком уверена, что вот-вот разлечусь на куски.

Он хочет, чтобы я это сделала. Он поощряет это, когда его рот движется вверх по моей шее, чтобы накрыть точку пульса. Он сильнее притягивает меня к себе, его дыхание горячее и тяжелое. Он такой же нетерпеливый, как и я. Он добавляет второй палец, затем входит и выходит ими снова и снова, потирая кругами, набирая темп, когда мое дыхание прерывается и вырывается из меня со всхлипами. Моя рука сжимается на его предплечье, когда оно тянется к моему животу. Другая моя рука обвивается вокруг его шеи сзади, прижимая его к себе, а пальцы вцепляются в его волосы.

Нет необходимости говорить ему, что я близко. Он знает.

Я кончаю с приливом ощущений, настолько всепоглощающих, что это делает меня слабой. Покальвание распространилось от пальцев ног вверх по ногам. Я теряюсь в этом, пока оно затягивается, фейерверк ощущений окутывает меня настолько, что я не осознаю, что кричу, пока рука Уолта не закрывает мне рот. Он мягко смеется, наслаждаясь собой.

— Из-за тебя нас поймают.

Мои глаза распахиваются, и я замираю, реальность мчится, чтобы догнать текущий момент, как резиновая лента, возвращающаяся на место.

— Прости, — говорю я, прикрывая рот рукой, как только он убирает свою. Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него, надеясь, что он понимает, что я говорю серьезно. Я пришла сюда не для того, чтобы создавать проблемы. Я не хочу ставить его в неловкое положение перед своими сотрудниками.

— Все в порядке, — уверяет он меня, убирая волосы с моего лица. — Мой помощник ничего не слышит. Двери толстые, а стены хорошо изолированы. Я ценю свою частную жизнь. — Затем его рука обхватывает мою щеку, чтобы приподнять мой подбородок. Его

взгляд останавливается на моих губах. — Но сейчас... Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Он отпускает мою талию, и я выпрямляюсь, когда смотрю вниз. Моя юбка перекосилась, и материал все еще задран так, что обнажена верхняя часть бедер. Я быстро опускаю ее обратно, когда Уолт наклоняется, чтобы взять мои трусики. Он незаметно протягивает их мне, но даже сейчас мое лицо пылает.

— Элизабет?

— Хмм?

— Почему ты не смотришь на меня?

У меня нет ответа на это.

— Ты сожалеешь о том, что мы только что сделали?

— Нет!

— Тогда ты смущена? — спрашивает он меня, немного наклоняясь, чтобы попытаться поймать мой взгляд.

Я не позволяю ему.

— Чрезвычайно.

— Почему?

— Потому что.

Я отворачиваюсь и в спешке натягиваю трусики обратно, чуть не разрывая их посередине, когда они зацепляются за один из моих ботинок. Я сразу же испытываю благодарность, как только они снова прикрывают меня. Я поправляю юбку, перевязываю бант и одергиваю рубашку на место.

После этого я сразу же начинаю собирать свои вещи.

— Что ты делаешь?

— Ухожу. Очевидно.

— У нас есть время поесть. Моя встреча состоится только через пятнадцать минут.

Мы даже не потратили целых полчаса?! О боже. Приятно знать, что со мной было так просто.

Теперь я быстро передвигаюсь, пытаюсь вернуть свой стул туда, где я его нашла, но Уолт протягивает руку и хватается его за спинку, удерживая на месте.

— Сядь. Ты ведешь себя глупо.

У меня отвисает челюсть, и, наконец, я смотрю на него. Мужчина, похоже, несколько не обеспокоен тем, что только что произошло. Я знаю, что не могу сказать того же о себе. Я съеживаюсь, думая о том, как я, должно быть, выгляжу в данный момент.

— Я не веду себя глупо. Я просто...

— Убегаешь.

— Да.

— Хорошо, остановись. Садись и ешь. Секунду назад ты дрожала. Тебе, наверное, не помешала бы еда.

Я борюсь с желанием фыркнуть. Я дрожала не потому, что была голодна, и мы оба это знаем.

— Я вернусь через минуту, — говорит он, прежде чем отправиться в ванную комнату в своем кабинете.

Мой взгляд немедленно устремляется к входной двери, и я подумываю о бегстве, но не успеваю принять решение, как он выходит, вытирая руки бумажными полотенцами.

— Мне действительно нужно идти.

Теперь он почти улыбается. Я могу сказать, что он подавляет это ради меня.

— Из-за того, что мы только что сделали?

— Да.

Мои глаза смотрят куда угодно, только не на него.

— Ты ведешь себя так, как будто никогда раньше этого не делала.

— Делала! — я говорю это в спешке, не желая, чтобы он подумал, что я провела свою жизнь в монастыре. — Просто прошло... некоторое время.

Кроме того, я не думаю, что можно сравнить неуклюжий секс в общежитии колледжа с тем, что только что произошло в этом офисе с Уолтом. Я только что катапультировалась в высшую лигу, и я не совсем уверена, как я теперь выживу.

Он идет ко мне, и мое тело на полсекунды приходит в полную боевую готовность, прежде чем он проходит передо мной и начинает рыться в еде на своем столе.

— Какой сэндвич твой? — небрежно спрашивает он.

— Они оба одинаковые.

— Хорошо. Вот, — говорит он, разворачивая один для меня.

Я не двигаюсь с места.

Он смотрит на меня, приподняв бровь.

— Мне заставить тебя есть? — говорит он, поворачиваясь, как будто собирается подойти ко мне.

Мои глаза расширяются в тревоге, и я протягиваю руки, чтобы удержать его на расстоянии.

— Нет. Я сама.

Я бегу к своему месту и снова сажусь, делая вид, что тянусь за своим сэндвичем, как будто я действительно собираюсь его съесть. Мой желудок скручивается в узел, но Уолт ждет, когда я поем, поэтому я откусываю самый маленький кусочек и жую.

Тем временем Уолт наблюдает за мной.

— Может, ты прекратишь? — я стону.

— Я ничего не могу с собой поделаться.

— Тебе обязательно смотреть на меня?

— Я должен убедиться, что ты не собираешься убежать, да. Ты можешь выскочить отсюда в любой момент.

Я закатываю глаза и откусываю кусок побольше, кивая ему, чтобы он сделал то же самое. Он открывает пакет с чипсами и наклоняет его так, чтобы мы могли им поделиться.

Минуту или две мы спокойно едим.

Затем я разрушаю это замечанием.

— Знаешь, ты даже не поцеловал меня. По крайней мере... я имею в виду, не в губы.

Его карие глаза слишком веселые, когда он смотрит на меня.

— Я поцелую тебя прямо сейчас, если ты этого хочешь.

— Нет! — У меня перехватило дыхание.

Прежде чем он успевает ответить, на его столе звонит телефон, и он отвечает, нажимая кнопку, чтобы переключиться на громкую связь.

— Да?

— Лори и ребята пришли на встречу по качеству, — говорит Эйприл.

— О, — шепчу я, вскакивая, чтобы уйти.

Рука Уолта протягивается, чтобы поймать мою, так что я не могу уйти.

— Сядь, — говорит он мне.

— Что? — спрашивает Эйприл, сбитая с толку.

— Я закончу через десять минут, — говорит он ей, жестом предлагая мне сесть. — Они рано, а я все еще обедаю.

— Не беспокойся. Я дам им знать, — подтверждает она, прежде чем закончить разговор.

Я все еще стою.

Уолт все еще держит меня за руку, его пожатие твердое и теплое.

— Как ты и сказала, мы не виделись всю неделю, — указывает он. — Садись и поешь со мной.

Я медленно возвращаюсь на свое место, зная, что спорить с ним бесполезно. Он хочет, чтобы я осталась, и он привык добиваться своего, так что я буду сидеть, есть и вести себя так, как будто все нормально, хотя это определенно не так.

Нервно покачивая ногой вверх-вниз, я умудряюсь съесть скудную четверть своего сэндвича, прежде чем завернуть его.

Тем временем еда Уолта исчезает в мгновение ока. Он сметает крошки и помогает мне прибраться.

— Я отнесу остатки домой, — обещаю я, вставая, чтобы собрать все.

— Я опоздаю вечером. У меня встреча за ужином.

— О.

— Почему это тебя расстраивает?

Похоже, ему нравится эта идея.

Вместо того, чтобы потешить его эго, я делаю миру одолжение и равнодушно пожимаю плечами, направляясь к двери его кабинета.

— Это не так. Мне все равно нужно поработать.

Он кивает, хотя я думаю, что он видит меня насквозь.

Я собираюсь повернуть ручку и выйти, когда оглядываюсь и вижу, что он наблюдает за мной с понимающей улыбкой на его красивом лице.

Прежде чем он увидит, что я снова им увлечена, я выбегаю из комнаты.

Глава 23

Вернувшись в квартиру, я остаюсь в библиотеке, сосредоточенная на своей работе, нанося слои пастели. Время от времени мне кажется, что я что-то слышу — шаги в коридоре, открывающиеся двери лифта, — и я нетерпеливо оглядываюсь через плечо, разочарованно понимая, что это просто мой разум играет со мной злую шутку. Огромные часы, которые маячат в углу библиотеки, ужасно точны, тикают-тикают — отсчитывают минуты и напоминают мне, что Уолт все еще не вернулся домой. Боже, кто вообще изобрел время?

Прошло всего несколько часов, а уже кажется, что между настоящим моментом и всем, что произошло в офисе Уолта за обедом, лежит пропасть. Как будто он сделал это со мной много лет назад. Интересно, сожалел ли он после того, как я ушла, о том, как далеко мы зашли?

Это была не мелочь.

Мои трусики валялись на полу его кабинета.

О, боже милостивый.

Я бросаю пастель обратно в коробку и отхожу от мольберта. Этого достаточно на

сегодня.

Я все убираю и подготавливаю, чтобы завтра сразу вернуться к работе. После я принимаю душ и переодеваюсь в шелковую пижаму, не торопясь чищу зубы, оттягивая время.

Как поздно проходят рабочие встречи?

Вы действительно все еще обсуждаете бизнес в 10 вечера?

Вот о чем я размышляю, лежа в постели, пытаюсь заснуть на правом боку, потом на левом, потом на спине, хотя я никогда не засыпала на спине... гм, никогда. Мое тело говорит: «Хорошая попытка, перевернись». Так я и делаю, и я смотрю в окно, пока, наконец, сон не сжалился надо мной.

Я просыпаюсь, когда чувствую, как матрас проваливается позади меня.

Паника охватывает меня на миллисекунду, прежде чем я понимаю, что это Уолт.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что он сидит на краю кровати в спортивных штанах и больше ни в чем. Он почти самое замечательное зрелище, которое я когда-либо видела.

— Это то, что ты надел на ужин? — вот вопрос, который задает мой мозг.

Он смеется и качает головой.

— Я вернулся домой час назад и переоделся.

— О.

— Тогда я пришел проведать тебя, а ты уже спала, так что я не стал тебя беспокоить. — Он пожимает плечами. — Но, по-видимому, я не смог удержаться. Подвинься.

— Что? Зачем?

— Чтобы я мог лечь.

— В моей постели? — Это кажется абсолютно нелогичным.

— Технически, это моя кровать, — говорит он, мягко толкая меня в сторону, когда я не сразу двигаюсь.

— Это подушка, которую я люблю обнимать по ночам, — возражаю я, когда он начинает переставлять все так, чтобы он мог расположиться рядом со мной.

— Хорошо, но я не собираюсь просто лежать на матрасе, — говорит он, взбивая середину подушки, прежде чем положить на нее голову.

— Я не могу поверить, что ты здесь.

— Почему?

— Просто... Я не знаю. Я просто предположила, что тебе нравится твое личное пространство. Я прочитала много книг. Иногда угрюмые мужчины говорят героиням, типа: «Нет, извини. Я не могу спать с тобой в одной постели из-за моих глубоко укоренившихся эмоциональных проблем». Вот и подумала, что и ты тоже.

— Это... действительно специфично. Какие книги ты читаешь?

Я краснею в темноте.

— О... просто... классика.

Он мурлычет и поворачивается ко мне лицом. Я едва могу разглядеть его в лунном свете.

— Теперь ты можешь снова заснуть, — говорит он мне.

— Угу.

Он улыбается, и его ямочки убивают меня. Пуф — я пыль.

— Ты собираешься лежать так далеко? — я спрашиваю.

— Я рядом с тобой.

— Едва ли.

С притворным раздражением он протягивает руку и хватает меня, притягивая к себе, пока мы не сплетаемся конечностями.

— Боже, ты как печь. Ты всегда такой горячий? — спрашиваю я, и это звучит так, как будто мне это не нравится.

— Ты всегда так много говоришь в постели? Я начинаю сожалеть о своем решении.

Я сжимаю его, как осьминог, всеми конечностями, которые у меня есть.

— Не уходи.

— Я не уйду.

Я заставляю себя устроиться рядом с ним и расслабиться, хотя каждый нерв, кажется, напряжен до предела. Я медленно осознаю, что прикасаюсь к нему везде. Одна из моих рук покоится на его обнаженном бицепсе, красивом и объемном. Другая прижата к его твердой груди. Моя нога зажата между его ног.

— Разве это не кажется таким странным?

Он стонет и моргает, открывая глаза.

— Я только начал засыпать.

— О, извини. Я буду вести себя тихо.

Я поворачиваюсь и смотрю в потолок.

Он протягивает руку и касается моей щеки, заставляя меня снова посмотреть на него.

— Скажи это.

— Верно. Ну, просто это так странно, что мы спим вместе.

— На самом деле все просто. Я хотел быть с тобой, когда вернусь домой. Уже поздно. Нам нужно поспать, так что мы здесь. Больше в этом ничего нет.

— Больше ничего?

— Элизабет.

— Мне жаль. Я не смогла бы сейчас молчать, даже если бы от этого зависела моя жизнь, правда. Мои мысли гудят. Это просто совершенно дико для меня. Этим утром я даже в самых смелых мечтах не могла себе представить, что ты будешь спать со мной сегодня ночью.

— Но так ли это? Спать, то есть?

— Замечание принято. — Я изображаю, как мои пальцы сжимают губы, а затем выбрасываю ключ.

Его глаза снова закрываются, и я изучаю его, пока мое сердце колотится в груди. Я улыбаюсь, понимая, что я так счастлива, как никогда за долгое время. Я думаю, что могла бы бодрствовать всю ночь, наблюдая, как он спит, и все равно завтра вылезти из постели, чувствуя себя свежей, как маргаритка.

Думаю, я лукавлю, наблюдая за ним, едва шевеля мускулами, вплоть до того момента, как Уолт смиренно стонет, перекачивается через меня и прижимает меня к кровати.

Я вскрикиваю от шока.

Он позирует как голодный лев, который только что поймал свою добычу.

— Я чувствовал, что ты наблюдаешь за мной.

— Я уже собиралась закрыть глаза. Честно. Пожалуйста, не уходи. Смотри — теперь я буду спать.

Я зажмуриваю глаза, чтобы показать свое добросовестное усилие.

В тот момент, когда я это делаю, его губы опускаются на мои.

Мои глаза снова распахиваются, и он прерывает поцелуй.

Его взгляд прищурен, брови нахмурены, что выглядит как разочарование.

Я не издаю ни звука. Как будто его поцелуй был ядовитым дротиком, и теперь я парализована.

Затем, самостоятельно придя к какому-то выводу, он наклоняется и снова целует меня, на этот раз сильнее и дольше. Я приоткрываю губы, наши языки соприкасаются, и о сне официально не может быть и речи.

Руки Уолта сжимают мои, удерживая их прижатыми по обе стороны от моей головы, пока он ведет поцелуй, поворачивая голову, углубляя его, пока я тихо не застонала ему в рот. Мои бедра приподнимаются, чтобы найти его, и он вознаграждает меня, толкая их вниз, прижимая меня к матрасу. Моя шелковая пижама — идеальное дополнение к его спортивным штанам. Тонкий материал едва ли подходит ему, когда мои бедра раздвигаются, и он устраивается между ними, двигая и потираясь бедрами в ритме, который уколол все мои подавленные желания.

Его рот путешествует от моего рта вниз по моему телу, останавливаясь сбоку на моей шее, затем вниз к вырезу моей пижамы. Одной рукой он оттягивает материал ниже, обнажая более чувствительную кожу. Я не горжусь тем, какой слабой я чувствую себя под ним, какой податливой я стала. Я принадлежу ему в пугающем смысле.

Он подставляет одну из моих грудей прохладному воздуху, а затем горячим губам, движениям его языка, и затем я выгибаюсь на кровати, чувствуя так много всего сразу, что вскрикиваю.

Ему это нравится. Ему нравится слышать, что он делает со мной, потому что он продолжает, переходя на другую сторону, раздевая меня сверху вниз. Моя майка сбивается на талии, когда он отодвигает ее в сторону, деликатно проводя зубами по моему животу. Затем, как будто он не может ничего с собой поделать, он нежно кусает, и мои глаза закрываются. Утром от этого на мне останется светлая отметина. Боже, почему это так сексуально?

Он разговаривает со мной, двигаясь вниз по моему телу. Слова льются из него, как будто он забыл, что я их слышу. Незаконченные предложения, а просто мысли, которые запечатлеваются в моей памяти.

«Красивая».

«Бл*ть».

«Твоя кожа... словно бархат».

«Твои бедра».

«Черт».

Его пальцы погружаются в мои шорты, касаясь прямо моего центра. Он находит мое желание, и это как спусковой крючок; это разрушает его контроль. Он погружает в меня два пальца, и его рот снова находит мой. Его поцелуй горячий и нетерпеливый, когда он вводит и выводит пальцы, набирая темп, убеждаясь, что я готова для него. Я могла бы позволить ему продолжать в том же духе, и это было бы повторением того, что мы делали в его кабинете ранее. Я уже чувствую, как у меня начинают сводить пальцы на ногах, мое тело так жаждет нового оргазма, но на этот раз я хочу большего. Я хочу, чтобы он испытал все это вместе со мной.

Моя рука движется по его телу, спускаясь по позвоночнику и обхватывая талию, пока я не могу задеть край его спортивных штанов и боксеров и коснуться кончиками пальцев его

твердой длины. Он дергается в ответ и издает низкий стон мне в рот.

Я набираюсь смелости, обхватываю его рукой и начинаю скользить вверх и вниз. Его пальцы на мгновение остаются внутри меня, когда он позволяет мне делать свою работу. Его поцелуй прерывается, и его глаза закрываются, как будто он пытается сосредоточиться только на том, что моя рука делает с ним. На моем лице появляется победная улыбка. Мне это нравится.

Он позволяет мне провести рукой вверх и вниз по нему еще несколько раз, покачивая бедрами в такт моему темпу, а затем быстро хватая меня за запястье и останавливает мое движение. Его глаза открываются, и он пристально смотрит на меня. Моя улыбка медленно исчезает, когда он восстанавливает контроль над ситуацией, убирая руку из моих шорт и отодвигаясь от меня. Он возвышается надо мной на кровати, перемещая свое внимание вниз по моему телу. Он ведет себя так, как будто я буду находиться под ним всю оставшуюся вечность, как будто нет абсолютно никакой спешки, когда он не торопясь изучает меня. Моя кожа вспыхивает, когда он облизывает нижнюю губу и опускает свой горячий взгляд вниз, туда, где он прижимается коленями, прямо к моим бедрам. Я следую его примеру, подтягивая свой тонкий топ и задранные шорты.

Он начинает стаскивать мою одежду вниз по бокам и бедрам, забирая все, что на мне надето. Я лежу голая на кровати, когда он бросает мою одежду на пол и отступает, чтобы посмотреть на меня.

Я ничего не скрываю. Я даже не хочу этого делать. Не тогда, когда он так на меня смотрит. Не тогда, когда у меня в руках вся власть.

— Я сейчас вернусь, — говорит он мне, выскальзывая из комнаты, но через мгновение возвращается с презервативом в руке. Я смотрю, как он раздевается, разрывает фольгу и сжимает ее в кулак.

У меня отвисла челюсть, когда я смотрю на него, полностью возбужденного.

Однако он даже не замечает моей реакции на него, слишком занятый тем, что восхищается мной таким же образом. Его взгляд скользит по моему телу, как будто он ребенок в кондитерской, слишком ошеломленный, чтобы решить, какое лакомство он хочет лизнуть первым.

Он надевает презерватив, а затем двигается, чтобы снова залезть на меня сверху.

Я сглатываю внезапный приступ нервного возбуждения.

Его взгляд скользит по моему с вопросом согласия. Я поднимаюсь, обхватываю его руками за шею и опускаю его на себя. Это «да», сказанное моим телом, мольба о том, чтобы он продолжал. Его рот прижимается к моей шее сбоку, а затем он проводит губами по моей челюсти и вверх к моему рту, устраиваясь между моих ног. Я осторожно раздвигаю бедра, позволяя ему войти.

Он выравнивает нас и начинает вдавливать свою длину в меня.

Это больше, чем я ожидала, и мое тело напрягается само по себе. Он замирает и откидывается назад, пытаясь посмотреть на меня. Я не позволяю ему. Я крепче обнимаю его за шею и снова целую, расслабляя свое тело, сильнее раздвигая бедра, отдаваясь ощущениям.

Он погружается все глубже и глубже, медленно, чудесно, до конца, и глубокий стон вырывается из него, как будто он только что обрел нирвану.

На мгновение он остается совершенно неподвижным внутри меня. Я думаю, он дает мне время привыкнуть к нему, и затем, наконец, он начинает медленно двигать бедрами, немного отодвигаясь, а затем снова толкаясь в меня. Он делает это снова и снова, с каждым

разом наращивая темп все больше и больше, пока не начинает входить в меня все сильнее и быстрее. Его рука опускается вниз, чтобы схватить меня за бедро, и он двигает моей ногой. Он прижимает ее к моему животу и смотрит вниз. Он как будто ушел в себя — полностью захвачен зрелищем того, как мы соединяемся вместе.

Я слишком возбуждена от того, как он прикасался ко мне раньше, чтобы продержаться долго. Я кончаю слишком быстро, дрожа и сжимаясь вокруг него. Он чертыхается и сильнее толкается внутри меня, проводя пальцами по моей чрезмерно чувствительной коже, как будто одного раза было недостаточно.

Один раз была разминка.

Он хочет добиться от меня еще одного оргазма, и его большой палец творит волшебство между моими бедрами, кружась и потираясь в местах, которые заставляют меня вздрагивать от натиска покалывания. Затем, словно доводя свою мысль до конца, его рот опускается к одной из моих грудей, чтобы он мог дразнить меня своим языком.

И это все — самое восхитительное чувство на земле.

У меня нет защиты, нет способа удержать его на расстоянии. Тихий крик вырывается, когда мое тело напрягается, а затем разлетается. Я снова кончаю, крепко зажмурив глаза и впиваясь ногтями в его бицепсы. Я дрожу от удовольствия, и Уолт прямо здесь, похоронен внутри меня, сильно толкается и теряет себя. Мы обнимаем друг друга, как будто цепляемся друг за друга изо всех сил. Его горячее дыхание на моей шее, его рот едва касается моей кожи. Блаженные толчки замедляются, пока мы переводим дыхание, пытаюсь собрать себя воедино настолько, чтобы отпустить друг друга.

Он двигается первым, отталкиваясь от меня, его взгляд сразу же ищет мой. Он выглядит обеспокоенным за меня, но не должен. Это было... чудесно.

Я улыбаюсь, и он отвечает своей собственной ленивой улыбкой.

— Хорошо, — говорю я, дружески похлопывая его по груди. — Теперь я устала. Хорошая работа.

Глава 24

Я улыбаюсь в свою кофейную чашку. На самом деле ухмыляюсь, как дурочка.

— Хочешь немного яиц? — спрашивает Уолт, привлекая мое внимание к тому месту, где он примостился у плиты. Он одет в боксерские трусы и больше ничего. Его бедро опирается на стойку. Его пресс — это новая секси-униформа «шеф-повара». Это именно то, что он должен носить ежедневно. Никаких надоедливых рубашек для этого парня. Давайте сожжем все его галстуки прямо здесь, прямо сейчас.

— Элизабет?

Я перестаю смотреть на его пресс и качаю головой.

— Нет, спасибо.

— Гост?

Я сдерживаю смех.

— Ты уже приготовил мне хлопья.

— А ты к ним почти не притронулась.

— Я съела первую миску, которую ты мне приготовил, а потом ты добавил еще.

— Хорошо, хорошо, если ты проголодаешься, дай мне знать.

Он снова поворачивается к плите, чтобы заняться яичницей, и я снова сдерживаю улыбку.

Мгновение спустя он выключает газ, загружает свою тарелку и подходит, чтобы сесть

рядом со мной. Мы сидим бок о бок на табуретках у стойки. Я наблюдаю за ним краем глаза, когда он кладет яичницу на тост и откусывает кусочек. Он замечает, что я наблюдаю за ним, и я улыбаюсь вместо того, чтобы отвести взгляд.

— Что?

— Я хочу перекусить прямо сейчас.

Он протягивает мне свой тост, и я откусываю от уголка.

Прошлой ночью мы с ним оба спали в моей постели. Я просыпалась примерно тысячу раз, проверяя, там ли он еще. Однажды я проснулась и обнаружила, что он лежит на животе, наполовину на мне. Затем снова, несколько часов спустя, я обнаружила, что прижимаюсь к его груди. В какой-то момент я пускала слюни ему на руку.

Как только солнце поднялось над горизонтом, я подумала, что он будет настаивать на том, чтобы проснуться и воспользоваться днем, чтобы снова поработать, но мы остались в постели намного дольше, чем обычно, потягиваясь и отпрянув, когда какая-нибудь конечность случайно выскальзывала из-под одеяла.

— Здесь слишком холодно, — пожаловалась я в какой-то момент.

Он застонал в знак согласия, глубже зарывая нас под одеяла.

В конце концов, когда в животе у него громко заурчало, он ушел первым, но быстро вернулся с одной из своих старых студенческих кофт.

— Означает ли это, что у нас все идет по нарастающей? — я пошутила, но тут же возненавидела себя за то, что пошутила о чем-то подобном. Что, если он подумает, что я давлю на него, требуя большего после прошлой ночи? Что, если он подумает, что это мой способ начать тот самый разговор?

К счастью, он только закатил глаза.

— Да. Ты пойдешь со мной на выпускной вечер?

— Я думала, ты никогда не спросишь.

Я все еще в его толстовке, наслаждаясь ее теплом.

Его нога касается моей, и я не отстраняюсь. На самом деле, я поворачиваюсь к нему ровно настолько, чтобы убедиться, что мы сохраняем эту связь.

Такое чувство, что мы сидим здесь и просто наслаждаемся. Время от времени, пока он ест, я ловлю Уолта на том, что он смотрит вниз, туда, где толстовка заканчивается на верхней части моих бедер. Мои пижамные шорты спрятаны под ней, но если вы этого не знаете, то это выглядит так, как будто я голая под ней. Я поправляю толстовку, скрещиваю ноги, и он откашливается.

С другой стороны, мне трудно перестать смотреть на него, пока он ест. В этом мужчине все прекрасно. То, как он разрезает еду краем вилки, подчеркивает мускулы его рук. Его челюсть напрягается, когда он пережевывает очередной кусок. О БОЖЕ, теперь он пьет свой кофе, как будто я не должна находить это безумно привлекательным?!

Я почти задыхаюсь к тому времени, как он заканчивает и отодвигает свою тарелку.

Я тоже отодвигаю миску с хлопьями.

Затем он ставит свою кофейную чашку.

Я поставила свою следующей.

Его взгляд скользит по мне.

Я поворачиваюсь к нему.

— Должны ли мы... — спрашиваю я.

— Давай.

А потом он стаскивает меня со стула и сажает на край столешницы, как бы говоря: «Ну, я покончил с одним блюдом и переходим к следующему!»

Наши губы соединяются в страстном поцелуе, и кого, черт возьми, волнует запах кофе? Я даже не могу сосредоточиться ни на чем из этого так долго, потому что мы уже двигаемся дальше. Для нас это не просто поцелуи. У нас все было хорошо уже несколько часов. Мы спали так, как и должны были. Мы съели свой завтрак и убрали тарелки, и теперь это наша награда. Он прерывает наш поцелуй и начинает стягивать с меня пижамные шорты. В то же время я срываю с себя толстовку и швыряю ее через всю кухню.

Его рот уже движется вниз по моему телу, по ключице, вниз по груди и пупку.

Затем он целует ниже, в углубление моего бедра, раздвигая мои ноги.

— Держись за столешницу, — требует он с горячностью.

— Я пытаюсь!

Он слишком чертовски нетерпелив, чтобы убедиться, что я правильно приподнята. Я почти переворачиваюсь через край, когда его рот опускается между моих раздвинутых бедер.

У меня перехватывает дыхание, когда он оттягивает мои трусики в сторону и пробует меня на вкус одним долгим облизыванием.

Я стону, когда одна из моих рук перемещается за спину, чтобы поддержать мой вес на стойке. Другая ныряет в его волосы.

Моя нога натывается на один из табуретов у стойки, и я едва удерживаю равновесие — не то чтобы его это волновало! — как он продолжает.

Мольбы вырываются из меня тихими стонами.

Я совершенно не готова к тому, как реагировать на то, что его рот находится у меня между ног.

Он такой старательный. «Высший класс», — говорю я ему, и он хихикает, прежде чем вернуться к делу. Он сосредоточен на задании, и я в его власти.

Я двигаю рукой, которая находится за моей спиной, и случайно опрокидываю свою пустую кофейную чашку. Уолт даже не вздрагивает, когда его рука скользит вниз по моему бедру, соединяясь с его ртом.

Я разлетаюсь на куски в считанные минуты, дрожа, пока Уолт выжимает из меня все до последней капли удовольствия. Затем он встает и стягивает свои боксерские трусы, возбужденный и горячий, когда начинает двигать рукой вверх и вниз по всей длине.

Он тянет меня к концу стола, идеально расположенному для того, чтобы он мог войти в меня. Он почти делает это, прежде чем я хлопаю его по плечу.

— Презерватив. Презерватив! — я говорю ему.

Он чертыхается и выбегает из кухни.

— Не двигайся, бл*ть! — кричит он мне в ответ.

— Не буду! — уверяю я его, смеясь.

Он бежит по коридору и натывается на что-то, из него вырывается еще одно проклятие, а затем он возвращается с целой коробкой презервативов, нетерпеливо высыпая их на стол.

— Я собираюсь разместить их повсюду. По коробке в каждой комнате, — говорит он, вскрывая один и заставляя меня смеяться.

Мы безумно занимаемся сексом на краю его кухонного стола, как будто у нас нет целого дня вместе, как будто нам придется ждать месяцы после этого.

Его рот на изгибе моей шеи. Он прижимает мое тело к своему, пока двигает бедрами и толкается в меня. Когда он кончает, я чувствую это каждой частичкой себя. Его зубы

впиваются в мое плечо. Его руки вдавливаются в мои бедра. Я так измучена. Восхитительно уставшая. Выжатая досуха.

Нам действительно удастся ненадолго расстаться. У него рабочие звонки около 14:00, а мне нужно уделить немного времени своей коллекции, чтобы не отстать от графика.

Поздним вечером я все еще прячусь в библиотеке, немного потерявшись в своем собственном мире, когда он входит со своим ноутбуком. Я не удивлена, что он забрел сюда. В комнате уютно, свет приглушен, а в камине горит огонь.

— Мне нужно сосредоточиться еще немного, просто чтобы растушевать эту краску до того, как она высохнет, — говорю я ему.

— Хорошо. Я не буду тебя беспокоить.

Он садится в удобное кресло в углу, кладет лодыжку на колено и ставит ноутбук на колени.

— Мне тоже нужно работать, — сообщает он мне, выгнув бровь.

Верно. Я отворачиваюсь от него и возвращаюсь к своему искусству. Я снова теряю счет времени, когда растушевываю, тщательно работая с краской, и испытываю облегчение, когда начинаю видеть, как мое видение оживает. В какой-то момент мое тело замечает внимание Уолта, и дрожь пробегает по моей спине.

— Ты меня отвлекаешь, — говорю я ему, не отрывая глаз от своего холста.

— Я не сказал ни слова.

— Тебе и не нужно этого делать.

Проходит еще несколько минут, и он отвлекает меня не меньше. Я вздыхаю и поворачиваюсь обратно, чтобы увидеть, что его ноутбук закрыт, а руки скрещены на груди. Он выглядит таким совершенно довольным, сидя там и наблюдая за мной, и это наводит меня на мысль.

— Ты когда-нибудь позировал кому-нибудь раньше? — спрашиваю я, кладя кисть обратно на палитру.

Он делает такое лицо, словно я шучу.

— Да ладно, ты все равно там сидишь, — подначиваю я.

— Я бы не стал хорошим объектом, — утверждает он.

— Пффф.

Как мило с его стороны не понимать, что он, по сути, создан для искусства. Каждая деталь его лица так и просится быть отмеченной карандашом и бумагой, и я с радостью докажу ему это, если ему это понадобится.

— Оставайся на месте, — инструктирую я, подходя к нему. — Но убери ноутбук.

Я тянусь за ним, прежде чем он успевает возразить, и кладу его на столик рядом с его креслом.

— Сколько времени это займет? — спрашивает он, внимательно наблюдая за мной, когда я отступаю от него.

Сначала я думаю, что ему интересно, потому что он нетерпелив и не хочет сидеть там долго, но потом я ловлю его взгляд на своих голых ногах и понимаю, что на самом деле у него могут быть другие планы на уме.

— Недолго, — обещаю я, возвращаясь за своим альбомом для рисования и угольными карандашами. — Я предпочитаю делать, что называется рисование непрерывных линий или контуров. Это делается довольно быстро.

Я ставлю стул в нескольких футах от него, а затем сажусь, открывая свой альбом для

рисования на новой странице.

— Ты не отрываешь карандаш от бумаги, когда рисуешь, — объясняю я, взглянув на него, когда начинаю работать. — Таким образом, рисунок, по сути, выполняется одной длинной линией.

— Зачем делать это таким образом?

Я пожимаю плечами.

— Я ценю то, как это выглядит. Вместо детального рисунка ты можешь быстро набросать силуэт, сосредоточившись на наиболее характерных чертах объекта. — Мой карандаш скользит по бумаге. — Ты позволяешь карандашу перемещаться так же, как твои глаза перемещаются по объекту, двигаясь медленно и позволяя карандашу почувствовать все детали, которые видят ваши глаза.

— Я должен оставаться совершенно неподвижным? — спрашивает он.

Я улыбаюсь и быстро опускаю взгляд на свой альбом для рисования, прежде чем снова посмотреть на него.

— Это не имеет большого значения. Пока ты остаешься в этом кресле. Не мог бы ты немного посмотреть налево?

— Вот так? — спрашивает он.

Я киваю, чтобы лучше рассмотреть его выступающие скулы.

— И немного приподними подбородок.

Мой карандаш рисует, вырисовывая линии его лица. Я царапаю его черные, как сажа, ресницы и четко очерченные брови. Затем моя непрерывная линия медленно опускается вниз, имитируя переносицу и мягкий изгиб верхней губы.

Мне не требуется много времени, чтобы запечатлеть на бумаге его характерные черты. Здесь вообще нет штриховки, никаких теней или бликов, никаких мельчайших деталей, и все же, я думаю, любой, взглянув на мой альбом для рисования, сразу поймет, что я нарисовала Уолта. В этом вся прелесть этого типа рисунка.

Я встаю со стула и подношу свой альбом для рисования, чтобы показать ему.

Я протягиваю его, и он восхищенно усмехается.

— Выглядит точь-в-точь как я.

Я улыбаюсь, и он протягивает руку, чтобы схватить меня за бедра, притягивая к себе на колени. Я позволяю ему, с удовольствием подтягиваю ноги к груди и сажусь рядом с ним. Он берет у меня из рук альбом для рисования и начинает его листать. Я стону и пытаюсь забрать его у него.

— Да ладно, ты не можешь! Это все равно что читать чей-то дневник!

Но он мне его не возвращает.

Он отодвигает его в сторону, чтобы я не могла до него дотянуться, и начинает листать страницы.

— Это не похоже на мои лучшие хиты или что-то в этом роде! Это просто то, что я делаю для развлечения! Ладно, хорошо, видишь ли, я изучала руки в тот день в парке, и ни один из этих набросков не особенно хорош.

— Элизабет, — говорит он с упреком в голосе.

В конце концов я сдаюсь, понимая, что мои попытки отобрать у него альбом для рисования будут тщетны.

— Отлично. Ладно. Смотри все. Там есть некоторые рисунки тебя, на первых страницах. — Я прикрываю глаза рукой, потирая виски большим и средним пальцами. — В

конце концов, ты до них доберешься, так что я могу просто сказать тебе, что они там.

— Меня?

— Не говори так удивленно, — стону я, позволяя своей голове упасть ему на плечо.

— Покажи мне, — говорит он, возвращая мне альбом для рисования.

Я делаю, как он просит, листая страницы, пока не найду несколько его набросков в начале. Я не думаю, что они очень впечатляют, учитывая, что они были сделаны по памяти. Детали всегда теряются, когда объект рисования находится не прямо передо мной. Я объясняю это Уолту, но он как будто даже не слышит меня. Он наклоняет страницу и приглядывается внимательнее.

В конце концов, он спрашивает:

— Почему ты нарисовала меня?

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю... Я всегда находила тебя неотразимым, с того самого дня, как мы поженились.

— Неотразимым?

— Да, даже когда ты вел себя как отстраненный придурок со всем этим «связывайся со мной только в случае крайней необходимости». — Я поддразниваю его, но он не смеется. Он продолжает просматривать эскизы, перелистывая страницы, как будто пытается читать между строк. Я не уверена, что он надеется там найти. Я не вносила в альбом какие-либо секреты.

Он смотрит на меня, закрывая мой альбом для рисования и возвращая его обратно.

— Я признаю, что это было странное соглашение, — отмечает он. — Но мы поженились так, как поженились.

Я киваю.

— Правильно.

— И, честно говоря, я все еще не уверен, что с этим делать. До этой недели, ну... Я мог четко определить нас в своей голове. Все обрело смысл. Мы поженились по очень специфическим причинам.

— Да. Не волнуйся — я не забыла о солидном контракте, который подписала.

Он берет мою руку в свою, переплетая наши пальцы.

— Но... все, очевидно, изменилось.

Я смотрю, как он сглатывает, внезапно беспокоясь о том, что с нами будет.

— Элизабет! Уолт! — голос гремит по коридору. — Кто-нибудь из вас когда-нибудь отвечает на свои чертовы звонки?!

Глава 25

Я чуть не выпрыгиваю из своей кожи, когда Мэтью входит в библиотеку, размахивая телефоном в воздухе. Затем он оглядывается, останавливается как вкопанный и хлопает свободной рукой по глазам.

— Вы занимаетесь сексом?! Пожалуйста, боже милостивый, не говорите мне, что вы занимаетесь этим прямо сейчас.

— Расслабься, — говорит ему Уолт.

Я пытаюсь соскочить с колен Уолта, но он лишь крепче держит меня.

Я бросаю на него свирепый взгляд, и он смягчается, поднимая руки и позволяя мне встать.

Пальцы Мэтью прикрывают глаза так, чтобы он мог смотреть сквозь них. Как только он

видит, что я снова на ногах, он со вздохом облегчения опускает руку.

— Фух. — Он ухмыляется. — Для этого мне потребовалось бы много терапии.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Уолт, судя по голосу, не очень-то рад видеть своего брата.

Мэтью пожимает плечами, ничуть не смущенный холодным приветствием, и входит, чтобы осмотреть комнату и изменения, которые Уолт внес в нее с тех пор, как я впервые переехала.

— Просто проверяю, как вы, ребята. Я давно ничего не слышал от Элизабет, и я хотел убедиться, что вы двое все еще живы. — Затем он указывает на Уолта. — И ты, между прочим, никогда не отвечаешь на мои сообщения.

— Потому что ты любопытный.

— Эй, я задавал вопросы только от имени Элизабет. Злись и на нее тоже.

Уолт переводит взгляд на меня, и я невинно улыбаюсь. Затем, пожав плечами, он отвергает требование своего брата.

— О, я понимаю, — говорит Мэтью, указывая между нами. — Вы двое теперь команда, а я один на своем собственном одиноком острове?

— Не знаю, могу ли я назвать нас командой, — говорю я.

— Мы как раз обсуждали это, — добавляет Уолт, пытаюсь заставить меня снова встретиться с ним взглядом. Вместо этого я беру свой альбом для рисования и подхожу, чтобы положить его обратно среди всех своих принадлежностей.

Мэтью смеется и подходит, чтобы сесть рядом с Уолтом.

— Есть шанс, что ты предложишь мне выпить? — спрашивает Мэтью.

— У тебя есть ноги.

— Какое гостеприимство. Как ты это делаешь?

Я улыбаюсь.

— Я принесу тебе что-нибудь. Чего ты хочешь?

Мэтью ухмыляется.

— Виски. Только неси аккуратно, пожалуйста, не сбалтывай.

— Уолт? — спрашиваю я, выходя из комнаты.

Он кивает.

— Конечно. Спасибо.

Когда я возвращаюсь в библиотеку с их напитками в руках, они, похоже, возвращаются к своему разговору.

— Так в чем же дело? Вы двое?.. — Мэтью использует свист в качестве эвфемизма для вопроса, который он хочет задать.

Уолт полностью игнорирует его, предпочитая вместо этого сделать небрежный глоток своего напитка. Затем Мэтью смотрит на меня, и я пытаюсь изобразить такой же невозмутимый вид, но это бесполезно. Я ерзаю на месте, отвожу взгляд и краснею, как спелый красный помидор.

Мэтью смеется.

— Тогда ладно. Думаю, это хорошо, учитывая, что ты женат и все такое. Подождите. — Его взгляд мечется между нами. — Как это работает? Встречаться, когда вы уже женаты, должно быть, очень странно. Как долго вы, ребята, должны продолжать этот фарс в любом случае?

— Шести месяцев должно быть достаточно, чтобы отозвать траст, — небрежно

отвечает Уолт.

Я вздрагиваю, совершенно ошеломленная.

Шесть месяцев? О чем он говорит?

В юридических документах, которые прислали его адвокаты, не было оговорено никаких сроков для нашего брака. Я поняла это так, что мы будем женаты на всю жизнь или, по крайней мере, на всю жизнь траста. Это означало, что до тех пор, пока будут деньги, которые можно будет распределить между бенефициарами, мы с Уолтом будем женаты. К лучшему или к худшему, пока мы оба будем жить.

— Отозвать его? — спрашиваю я, сбита с толку.

— Да, — говорит Уолт с твердым кивком. — Я работал со своими юристами и финансовыми консультантами, и мы пришли к решению, которое должно подойти для всех. Траст, в его нынешнем виде, имеет строгие параметры в отношении того, когда можно получить доступ к активам — вот почему нам с тобой пришлось пожениться, — но теперь, когда я стал доверенным лицом, у нас есть пространство для маневра с точки зрения его отмены. В обычных обстоятельствах было бы невозможно отозвать безотзывный траст, как следует из названия, но это чрезвычайные обстоятельства, и я убежден, что траст больше не служит той цели, для которой он был предназначен. Именно это мы и будем оспаривать в суде.

Все эти причудливые слова, похоже, не заставляют меня меньше волноваться.

— Разве для отзыва траста не потребуется единодушное согласие бенефициаров? — спрашивает Мэтью.

Уолт тихонько посмеивается, глядя на свой стакан.

— Не тогда, когда бенефициары доказали, что они не в своем уме.

— Мои родители?

Его жесткий взгляд встречается с моим, и я борюсь с желанием отступить.

— Они как клептоманы, Элизабет, хочешь ты этого или нет. У них есть пристрастие тратить деньги, которых у них нет.

— Так ты их отрезаешь?

— Нет, я никогда этого не говорил. По сути, я создаю новое доверие. То, над которым у меня будет больше контроля.

— Таким образом, вы двое сможете развестись и вернуться к нормальной жизни, — добавляет Мэтью.

— Точно, — говорит Уолт.

Именно это слово, кажется, вибрирует внутри меня, как живое существо, которое я только что случайно проглотила. Это наполняет мой желудок, заставляя его сжиматься от беспокойства.

— Когда траст будет аннулирован и распущен, я также хотел бы выплатить тебе единовременную сумму, Элизабет. Сумма достаточно большая, чтобы ты могла сразу купить квартиру в городе, а не арендовать ее.

Развод и единовременная выплата — решение всех его проблем.

Я понятия не имею, почему я смагиваю слезы. Все, что я знаю, это то, что я благодарна, что стою достаточно далеко от него в тускло освещенной библиотеке, чтобы он не мог понять, насколько эта новость потрясла мой мир.

Кажется, для меня это откровение, а для Уолта — пустая болтовня, как будто он потрудился сказать это только сейчас, потому что Мэтью спросил об этом. В его голосе нет

чувства срочности, нет понимания того, насколько сильно каждое из этих заявлений может изменить мою жизнь.

Мэтью смеется и протягивает свой стакан виски, чтобы кивнуть Уолту.

— Я должен был знать, что ты найдешь способ выпутаться из этой передрыги рано или поздно. А теперь выпей, потому что у меня есть еще одна причина, по которой я зашел. — Он поворачивается ко мне. — Я пытался связаться с вами, ребята, потому что Надежда хотела, чтобы я пригласил вас на открытие выставки артиста, которого она представляет. Это сегодня вечером. Началось примерно тридцать минут назад.

Он смотрит на меня, ожидая ответа.

Я нахожусь в густом тумане, слишком поглощенная всем, что только что сказал Уолт, и едва могу кивнуть в ответ. Конечно, я хочу пойти на открытие. Это просто то, что мне нравится делать обычно.

Мэтью допивает остатки своего напитка.

— Хорошо. Тогда пошли.

Я съеживаюсь, глядя на свою одежду для отдыха.

— Дай мне десять минут, чтобы надеть какую-нибудь приличную одежду.

— Думаю, ты прекрасно выглядишь, — добавляет Уолт с загадочной улыбкой.

Кажется, я не могу ответить ему тем же, прежде чем спешу в свою спальню, уже мысленно просматривая свой шкаф с одеждой, хватаясь за эту задачу и надеясь, что это отвлечет меня от разговора, который мы только что вели в библиотеке.

Галерея Штейн находится в Челси, прямо рядом с Хай-Лайн. Я не была в галерее целую вечность, с первого года обучения в RISD, когда я приехала в Нью-Йорк, чтобы посмотреть коллекцию в качестве классного задания.

Помещение двухэтажное, с черными решетчатыми окнами, простирающимися от тротуара до крыши. Крупногабаритная промышленная входная дверь открывается по оси, так что в такие вечера, как этот, когда в Нью-Йорке хорошая погода, она может оставаться открытой, смешивая внутреннее и наружное пространство. Место переполнено, приглашенные гости и пресса высыпают на улицу перед современным пространством.

Уолт, Мэтью и я направляемся ко входу и обнаруживаем Надежду, разговаривающую в группе.

Как и в первый раз, когда я встретила ее, мне нравится ее стиль. Сегодня на ней небесно-голубой платок и легкое платье-рубашка в тон, подчеркивающее талию в стиле ампир. Я выбрала облегающее кашемировое платье длиной до середины бедра. Обычно я ношу его с колготками, но так как на улице тепло, мои ноги обнажены между подолом платья и ботинками.

Надежда видит, что мы приближаемся, и отделяется от своей группы, чтобы поприветствовать нас.

— Я так рада, что вы, ребята, смогли прийти, — говорит она, наклоняясь и обнимая каждого из нас, и целуя в щеку. — Зайдите и осмотритесь. Там есть напитки и еда, если вы все голодны. — Она протягивает ладонь, чтобы сжать мою руку. — Я приведу Аню через несколько минут, чтобы я могла представить вас двоих. Думаю, тебе было бы полезно с ней познакомиться.

Эта перспектива сразу же возбуждает меня.

— Ой! Это было бы здорово!

Аня — художница, представленная сегодня на выставке, и она привлекла немало

внимания своей серией абстрактных фотографий. На белых стенах галереи висят огромные фотографии в рамках, каждая из которых представляет собой взрыв геометрии и цвета. Просмотрев первые несколько фотографий из серии, я сразу понимаю, почему Надежда решила, что было бы неплохо, если бы я пришла на эту выставку. Аня черпала вдохновение у культовых художников примерно так же, как я пытаюсь это сделать в своей нынешней коллекции. Ее первая фотография — адаптация картины Пикассо «Авиньонские девицы» (*прим. первая картина кубического периода Пикассо, написана в 1907 году*). В ней использованы все те же цвета, что и на картине, но Аня уменьшила количество культовых женских фигур и заменила их урезанными геометрическими фигурами. Исчезли мазки кисти Пикассо. Аня сделала фотоколлаж из ярких цветов, так что абстрактные формы накладываются друг на друга, заставляя мой взгляд безумно блуждать по фотографии. Если бы я могла себе это позволить, я бы купила эту вещь на месте.

Уолту, похоже, это нравится так же сильно, как и мне. Он стоит рядом со мной, пристально глядя на нее.

— Хорошая, правда? — я спрашиваю.

Он кивает.

— Мне очень нравится.

— Давай, пошли посмотрим на остальные.

Мэтью уходит, чтобы пойти выпить, а мы с Уолтом следуем вдоль ряда фотографий вдоль стены, рассматривая их в тишине. Мне приходит в голову, что мы могли бы использовать это время, чтобы вернуться назад и продолжить тот разговор, который он начал с Мэтью в библиотеке. Страх еще не полностью покинул мой желудок, и мне так много хочется спросить его, надавить на него, но, похоже, сейчас неподходящее время и место. Я здесь прежде всего из-за своей работы. Я хочу произвести хорошее впечатление на Надежду.

Я сосредотачиваюсь на коллекции, пока она ведет нас по небольшим боковым комнатам вокруг галереи. Фрагменты увеличиваются в размерах, и серия заканчивается в главной комнате адаптацией «Кресла» Ван Гога. Фотография размером шесть на шесть футов заполнена накладывающимися друг на друга белыми квадратами и прямоугольниками на черном фоне. Я все еще изучаю ее, пытаюсь разобрать детали, которые Аня запечатлела с картины Ван Гога, когда Надежда снова находит нас.

Она сжимает мою руку, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть, что она стоит с женщиной, в которой я узнаю Аню. Ее снимок головы сопровождался небольшими описаниями, помещенными рядом с каждой из ее фотографий в серии, хотя теперь, когда я вижу ее в реальной жизни, я понимаю, что это не воздало ей должного.

Вероятно, ей около 30 или 40 лет, ее рыжие вьющиеся волосы собраны в беспорядочный пучок на макушке, завитки торчат во все стороны вокруг ее нежного лица. Почти без следа макияжа ее бледная кожа сияет в свете галереи. Ее большие зеленые глаза кажутся карикатурно большими и невероятно яркими. Черты ее лица каким-то образом одновременно красивы и странны.

Она смотрит на Уолта, улыбается, слегка прищурившись в уголках глаз, изучая его, пока Надежда представляет нас.

— Приятно познакомиться, — говорит она ему, как будто меня там нет.

— Это Элизабет, художница, о которой я тебе рассказывала, — говорит Надежда, указывая в мою сторону.

Аня смотрит на меня, хмурится, а затем раздражается смехом, как будто я очень забавная.

— Ты что — ребенок-протеже?

Больше никто не смеется. Повисает напряженное неловкое молчание, пока Надежда не прочищает горло.

— Да, она молода.

— Думаю, что когда я была в твоём возрасте, я встречалась с кем попало в Бразилии, — добавляет Аня со смехом, оглядываясь на Уолта.

— Я никогда там не была, — отвечаю я с натянутой улыбкой.

Она чувствует, что, возможно, совершила ошибку, потому что машет рукой, как бы говоря: «Твои чувства — не моя проблема».

— Давно ли твои работы выставлены на продажу?

Я качаю головой.

— Совсем недавно. Я окончила RISD несколько месяцев назад.

Это не производит на нее впечатления.

— Вы извините мое удивление. Просто среди артистов, которых я знаю, широко распространено убеждение, что для того, чтобы стать великим в чем-то, требуется время, что твой голос и целеустремленность развиваются медленно, и артист может не сказать ничего достойного, пока не проживет достаточно.

Неуверенность пронзает меня до костей, пытаюсь заставить мой позвоночник согнуться, а плечи ссутулиться.

Она хочет, чтобы я преклонялась ее возрасту и опыту.

Уолт пытается положить руку мне на поясницу, вероятно, в знак солидарности, но я отстраняюсь. Если бы на меня надавили, я бы не смогла точно определить причину своего поступка. Может быть, я все еще подавляю в себе гнев из-за разговора в библиотеке. Может быть, я хочу стоять на своих собственных ногах, когда сталкиваюсь с таким человеком, как Аня. Как бы то ни было, напряжение в нашем маленьком кругу внезапно становится ощутимым.

Я киваю.

— Это интересная идея, и я сама много раз рассматривала ее, хотя, очевидно, я предпочитаю смотреть на нее под другим углом. Думаю, что именно Марта Грэм сказала: «Ни один художник не опережает свое время. Он — это его время. Просто другие отстали от времени».

Мое оскорбление попадает в цель.

Улыбка Ани становится шире, но приятнее от этого не становится.

— В чем заключается твое искусство? Чем ты занимаешься? — спрашивает она, нетерпеливо махая рукой.

— В основном смешанная техника на холсте.

Она в замешательстве смотрит на Надежду.

— Галереи все еще интересуются холстами?

Такое чувство, что мои ребра сжимаются, когда фраза «искусство кофейни» с ревом возвращается в мое сознание.

— Я думаю, что работы Элизабет будут очень хорошо продаваться на парижском рынке. Ее работы — это переосмысление классики. Как и ты, она борется с традициями, разрушающая популярные представления о том, что такое великое искусство и каким оно

может быть, не говоря уже о том факте, что ее работы во многом повторяют твои кубистические идеалы.

Я понимаю, прежде чем это делает Надежда, что ее объяснение моего искусства только еще больше разозлит Аню. Ни один художник не хочет слышать, что его работа сравнима с чьей-то другой. Это сталкивает их с пьедестала, лишает их представления о том, что они творческие гении.

— Как очаровательно, — говорит Аня, ее тон сочится презрением.

Мужчина подходит к ней сзади и похлопывает по плечу.

— Аня, у тебя есть минутка?

Я испытываю облегчение, когда он уводит ее, и в ту секунду, когда она оказывается вне пределов слышимости, Надежда поворачивается ко мне со стиснутой улыбкой.

— Ладно, что ж, все пошло не так, как я думала.

— Все в порядке, — уверяю я ее.

— Я знаю, что она может быть немного сварливой...

Я пожимаю плечами.

— Не беспокойся. Я не из тех, кому обязательно должен нравиться художник, чтобы оценить его искусство. У нее замечательная коллекция.

Она с облегчением прижимает руку к животу.

— Хорошо. Я рада, что ты не убегаешь отсюда обиженной, потому что я хочу познакомить тебя с несколькими концепциями, которые, по моему мнению, могли бы сработать для твоей выставки в Париже.

Я с энтузиазмом киваю, и Уолт отступает назад, давая мне понять, что он собирается найти Мэтью.

Надежда знакомит меня с фотографиями Ани, указывая на детали показа, которые она хотела бы воспроизвести, когда мы представим мою коллекцию. Галерея Штейн в Париже намного меньше, говорит она мне, поэтому мои работы нужно будет разместить на меньшем количестве стен, а это значит, что каждая работа в серии действительно должна быть красиво представлена рядом с той, что была до и после нее. Мы с ней обсуждаем, как лучше всего этого добиться — обсуждаем достоинства нестандартных рамок и освещения, — затем я замечаю знакомого мужчину через ее плечо.

Глава 26

Моему мозгу требуется мгновение, чтобы сопоставить Оливье как человека, с которым я познакомилась и танцевала на благотворительном вечере по сбору средств, и, кажется, ему тоже требуется мгновение, чтобы узнать меня. Я смотрю, как его бледно-голубые глаза изучают меня, а затем прищуриваются от узнавания, когда он улыбается.

Он такой же красивый, каким я его помню, его черные волосы чуть менее уложены, чем на благотворительном вечере, более длинные пряди задевают воротник его пальто. Его щетина тоже стала гуще, как будто прошел день или два с тех пор, как он в последний раз пользовался бритвой.

— Надежда, у тебя всегда был хороший вкус в выборе друзей, — говорит он, прерывая наш разговор.

Ее фраза обрывается, когда она оглядывается, чтобы увидеть Оливье, и радостно смеется.

— Оливье! Я надеялась, что ты придешь сегодня вечером!

Он наклоняется, чтобы поцеловать ее в щеку, его глаза остаются прикованными к моим.

— Я бы ни за что на свете не пропустил это, — говорит он ей. — Хотя теперь я понимаю, что мне следовало уйти с работы еще раньше.

Надежда проследила за его взглядом на меня, удивленная, я уверена, осознанием того, что мы знаем друг друга. Ее губы приоткрываются, и она собирается что-то сказать, но Оливье опережает ее.

— Элизабет, — говорит он, тихо щелкая пальцами, как будто мое имя только что вспомнилось ему.

— Да. Привет, — говорю я, покачиваясь на каблуках. — Приятно снова тебя видеть.

Оливье чувствует интригу Надежды, отвечая на ее вопрос еще до того, как она успела его задать.

— Я недавно познакомился с Элизабет на благотворительном вечере. Она перекупила у меня Магритта, и я до сих пор обижен на это.

Брови Надежды удивленно поднимаются.

— О, правда? Я слышала, что он был выставлен на аукционе.

— Это мой муж перекупил его у тебя, — уточняю я.

— Да, верно. Этот твой надоедливый муж, — говорит он таким тоном, как будто все это очень забавно. Он бросает быстрый взгляд через мое плечо, прежде чем снова поймать мой взгляд. — Где он, в любом случае? Сделай мне этот вечер и скажи, что он позволил тебе прийти сюда одной.

— Он где-то здесь, — говорю я, взволнованная его способностью так беззастенчиво флиртовать.

— Оливье, веди себя хорошо, — дразнит Надежда.

— Я всегда мил. Послушай, я докажу это. Элизабет, Надежда, кто-нибудь из вас хочет выпить?

Надежда делает шаг назад.

— Вы двое, идите вперед. Мне нужно продолжать совершать обход. — Она нежно сжимает мое предплечье, прежде чем уйти. — Продолжай думать о том, о чем мы говорили, и мы сможем снова связаться с галереей через день или два.

Когда она уходит, Оливье, кажется, наслаждается тем фактом, что мы остались одни.

— Знаешь, я только выпил один бокал, но еще не ужинал. Давай, пройдемся со мной.

— Я должна найти Уолта.

Он мягко поворачивает меня, надавливая на плечо, и ведет нас дальше, глубже в толпу гостей, столпившихся вокруг столов с едой и напитками.

— Зачем? Разве ты недостаточно видишь его? Кроме того, я хочу услышать о том, что вы с Надеждой обсуждали, когда я подошел. Я и не знал, что ты художник.

— Так и есть. Но не волнуйся. Я еще неизвестный художник.

Он на мгновение задумывается над этим, берет две тарелки и начинает ходить вдоль небольшого буфета с едой.

— Разве самые выдающиеся художники по-настоящему не ценятся только посмертно?

Я смеюсь.

— О, хорошо, значит, я должна умереть, прежде чем меня примут всерьез?

— Боюсь, что так. Вот, хочешь крабовый пирог? — Когда я не отвечаю, он снова смотрит на меня. — Что?

— Это просто... ты такой... — я в замешательстве качаю головой. — Я действительно не могу решить, нравишься ты мне или нет.

Он ухмыляется и добавляет еще еды в тарелку, которую готовит для меня.

— Позволь мне угостить тебя вторым куском крабового пирога и посмотреть, поможет ли это тебе принять решение.

— Я даже не голодна.

— Не заставляй меня есть в одиночестве.

Я не знаю, как мы оказались в одной из боковых комнат с тарелками и напитками в руках, рассматривая фотографии Ани. Я продолжаю пытаться ускользнуть, придумывая оправдания, но он слишком обаятелен для его же блага.

— Просто останься на минутку. Я не хочу выглядеть грустным и одиноким здесь с этими тарелками с едой.

Я вздыхаю и отказываюсь от попыток убежать от него.

Я указываю подбородком на одну из фотографий.

— Ты ее знаешь? Аню? — я спрашиваю.

— Мы встречались раньше, в галереях и тому подобном. Мир искусства в Нью-Йорке меньше, чем ты думаешь.

— И? Что ты о ней думаешь?

— О, она полная задница. Все это знают, но посмотри на ее работу. — Он указывает на стену. — На самом деле не имеет значения, что я думаю о ней. Ее фотографии говорят сами за себя.

— Да, у меня была такая же мысль.

— Впрочем, тебе не придется беспокоиться об этом, — говорит он.

Я чувствую его пристальный взгляд на своем лице, пока мое внимание остается на фотографиях Ани.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, набираясь смелости повернуться к нему.

— Ну, мы наслаждаемся искусством Ани, несмотря на то, какая она. С тобой... тебя будут обожать. Люди захотят, чтобы твое искусство было у них дома, потому что они захотят обладать крошечной частичкой тебя, как бы они ее ни получили.

Он произносит эти слова, и его голубые глаза невероятно серьезны, что не имеет абсолютно никакого смысла. Очевидно, он плебей, таким уверенным он кажется. Он как раз из тех людей, которых хочется поставить на место.

— Ты не можешь просто так говорить такие вещи.

Он смеется.

— Ты думаешь, я все это выдумываю, но это правда. Я бы купил твою работу, не видя ее. Я хлопаю себя ладонью по лбу.

— Как ты не понимаешь, как оскорбительно это говорить художнику?

Он ухмыляется, ничуть не смущаясь.

— Так ли это?

— Да, — отвечаю я резким тоном, предполагая, что он отступит.

— Отлично. Дай мне как-нибудь посмотреть на твое искусство, и, может быть, я передумаю, — флиртует он. Затем его взгляд устремляется через мое плечо, и его улыбка лишь слегка тускнеет. — Ах, вот облом.

— Что такое?

— Твой муж наконец-то нашел нас, — говорит он, сделав глоток своего напитка. — Я думал, что спрятал нас достаточно далеко, чтобы ты была в моем распоряжении еще немного.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, и, конечно же, Уолт и Мэтью заходят в боковую комнату рядом с главной галереей. Я ожидаю, что Уолт будет выглядеть расстроенным или, по крайней мере, раздраженным, обнаружив меня здесь, разговаривающей с Оливье. Но его темные глаза встречаются с моими, и он улыбается, по-видимому, счастливый, что нашел меня. Затем его взгляд переходит на Оливье, и улыбка на мгновение исчезает.

— Оливье, не так ли? — спрашивает он, когда они приближаются.

Оливье кивает.

— Рад снова тебя видеть. Как там Магритт?

— Его должны доставить на следующей неделе.

Взгляд Оливье падает на меня, когда он отвечает:

— Я ревную.

Я смотрю вниз, на землю, чувствуя себя почему-то виноватой.

— Мне рано вставать. Ты готова идти, Элизабет? — спрашивает меня Уолт, уже отступая от группы и поворачивая голову в сторону входа в комнату.

— Ты работаешь по воскресеньям? — спрашивает Оливье, выглядя менее чем впечатленным.

Уолт смотрит на него с легким нетерпением.

— Я делаю это, когда должен. Наш старший вице-президент, курирующий китайский регион, завтра днем вылетает обратно в Шанхай. Мне нужно встретиться с ним до этого. — Затем он смотрит на меня, его нетерпение по поводу Оливье передается и мне. — Если ты хочешь остаться, я попрошу своего водителя вернуться за тобой. — Какая-то часть меня одновременно испытывает облегчение от того, что он хочет отвезти меня домой, и злится, что он предложил мне остаться. Слишком сбитая с толку противоречивыми эмоциями, я просто киваю.

— Было приятно снова увидеть тебя, — говорю я, вежливо улыбаясь Оливье.

— То же самое касается и меня. И я имел в виду то, что сказал — я бы с удовольствием посмотрел твои работы.

Я киваю и поворачиваюсь к Уолту, ожидая, что он сделает. Половина меня ожидает, что он схватит меня за руку и потащит из комнаты, но он только жестом показывает мне идти впереди него, когда мы покидаем галерею. Я машу Надежде, когда мы проходим мимо, она разговаривает в группе, изображая телефон у моего уха, чтобы дать ей знать, что мы будем на связи, а затем слишком скоро мы выходим на тротуар, загружаясь в заднюю часть внедорожника Уолта.

Я проскальзываю внутрь первой, а Уолт занимает место у другого окна. Мэтью прыгает впереди.

— Не возражаете сначала отвезти меня обратно в мою квартиру? — он спрашивает, и мы оба соглашаемся.

Уолт молчит по дороге, поглядывая на свой телефон и просматривая электронную почту. Похоже, утром ему нужно поработать, поэтому я стараюсь не беспокоить его, пока мы петляем по улицам Нью-Йорка.

Я рада тишине, когда смотрю в окно и размышляю последние несколько часов. Почти сразу же, как я пристегнула ремень безопасности, разговор в библиотеке снова всплыл на передний план моих мыслей. Вся неуверенность и растерянность, кажется, только усилились за те часы, что прошли с тех пор, как Уолт впервые заговорил о расторжении траста и нашего брака.

Когда мы возвращаемся в нашу квартиру, уже поздно. Мы благодарим водителя Уолта и направляемся в тихий вестибюль нашего здания. Двери лифта немедленно открываются перед нами, и мы заходим внутрь.

— Это была интересная коллекция, — говорит Уолт, проводя своей карточкой-ключом по этажу пентхауса. — Я бы хотел обратиться к своему консультанту по поводу приобретения нескольких фотографий для квартиры.

Это первая существенная вещь, которую он сказал мне с тех пор, как мы покинули галерею, и по какой-то причине это последнее, что я хочу услышать.

Я напеваю и смотрю на цифры, загорающиеся над дверями лифта, пока мы продолжаем подниматься по этажам.

— Элизабет?

Я снова напеваю. Кажется, это единственное общение, на которое я способна в данный момент.

— Ты расстроена?

Я продолжаю смотреть, как загораются эти цифры, жду, жду, жду, пока они не достигнут 35, а затем двери лифта распахиваются, и я отвечаю простым «Да», прежде чем выйти.

Уолт выходит за мной ленивой походкой, следуя за мной, пока я иду к своей комнате. Я не утруждаю себя включением света. Из коридора и так достаточно света.

Я захожу внутрь и сажусь на кровать, наклоняясь, чтобы начать расшнуровывать ботинки. Я снимаю их, а когда поднимаю глаза, то вижу Уолта, стоящего в дверном проеме. Его широкие плечи заполняют пространство. Его хитрые глаза устремлены на меня. Он не выглядит ни в малейшей степени расстроенным или печальным, просто... терпеливым. Как будто у него есть все время в мире, чтобы ждать, пока я перестану капризничать.

Почему-то от этого моя кровь становится только горячее.

— Не хочешь рассказать мне, почему ты расстроена? — спрашивает он.

— Не особенно.

Он хмурится, явно расстроенный моей неспособностью пойти ему навстречу.

Он отталкивается от дверного косяка и идет ко мне. Я встаю и вытягиваю шею, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Это был долгий день, — говорю я, надеясь, что это сработает. — Я думаю, я просто хотела бы немного поспать, если ты не против.

Я пытаюсь обойти его, но он преграждает мне путь, его рука опускается к центру моей груди. Он не хочет, чтобы это было властно. Это нежное прикосновение, и все же сам размер его руки по-прежнему ошеломляет. Я смотрю на него, пока он говорит.

— Тебе грустно, что я оторвал тебя от Оливье? — спрашивает он, наклоняясь, чтобы попытаться поймать мой взгляд.

Я морщю лицо в замешательстве.

— Что?

Этот вопрос совершенно нелеп.

— Просто кажется, что ты была достаточно счастлива с ним, и теперь, когда ты дома со мной, ты расстроена. Я же сказал, что ты можешь остаться в галерее.

— Да, ты дал мне такую возможность, и это было очень вежливо с твоей стороны.

Я говорю «вежливо», как будто это унижительно.

Левая сторона его рта дергается, как будто он борется с улыбкой.

— Ты злишься на меня за то, что я был вежлив?

— Думаю, да, — говорю я, снова пытаюсь обойти его.

Его руки тянутся, чтобы сомкнуться на моей талии, удерживая меня на месте между ним и моей кроватью. Он хватает меня за платье, сминая ткань, когда его большие пальцы касаются моих тазовых костей.

— Я думала, тебе рано вставать, — говорю я, мое дыхание слегка прерывается. Меня раздражает, что мой голос звучит не так безумно, как я себя чувствую. — Разве ты не должен быть сейчас в постели?

— Я бы так и сделал, если бы только ты согласилась сотрудничать, — говорит он, сжимая мои бедра.

Мои глаза сужаются.

— Я не в настроении сотрудничать.

— Я это вижу.

Тогда он проигрывает битву со своей улыбкой. Его глубоко посаженные ямочки дразнят меня.

— Так ты расстроена тем, как я вел себя там, в галерее? Должен ли я сказать тебе, что это абсурд, или это только разозлит тебя еще больше?

Мои руки тянутся к его груди, чтобы я могла оттолкнуть его, но вместо этого я сжимаю в кулаке ткань его рубашки, используя ее, чтобы притянуть его к себе.

— Оставь меня в покое.

— Элизабет.

— Что? Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Правда в том, что я просто так расстроена, и я не могу сказать тебе почему. Так что уходи.

— Почему ты не можешь мне сказать?

— Потому что у меня в голове все перемешалось.

Одна из его рук оставляет мою талию, чтобы он мог убрать волосы с моего лица. Его рука скользит обратно по моей голове, так что моя голова естественным образом наклоняется к нему. Когда он хватает меня за затылок, он смотрит на меня сверху вниз, его глаза бегают взад и вперед между моими.

— О чем мы здесь спорим, Элизабет? Думаешь, мне понравилось застать тебя в той комнате наедине с Оливье? Ты думаешь, я не видел вас, когда он флиртовал с тобой прямо у меня на глазах? То, что я не показывал ревность, не значит, что я этого не чувствовал.

Мое сердце сжимается от его признания, как будто это какой-то грандиозный романтический жест любви, колотится в моей груди, когда я смотрю на него снизу-вверх. Я хочу сказать, что обожаю его. Я нахожу его совершенно очаровательным. Приводящим в ярость. Красивым. Воплощением всего, что я хочу видеть в муже.

Мои губы приоткрываются, и эти слова вертятся на кончике моего языка, но они не покидают его. Они никогда не будут сказаны в слух. Страх — это настоящий токсин. Как только он отравляет кровь, он предъявляет права на каждое действие. Страх удерживает меня от того, чтобы сказать Уолту правду. Страх заставляет меня вытолкнуть его из своей комнаты, пожелать ему спокойной ночи и закрыть дверь, чтобы он не вошел.

Страх — это защитный механизм, с которым я, похоже, не могу расстаться. Это пережиток моего раннего детства. Будучи вторым ребенком по старшинству в семье с девятью детьми, я никогда не чувствовала себя особенно нужной или ценной. Моя мама родила моего брата всего через одиннадцать месяцев после моего рождения. Поскольку

Шарлотта была старшей дочерью, а Джейкоб — первенцем, я провалилась в глубокую пропасть между ними. С тех пор все становилось только хуже, брат за братом пополняли ряды. Няня за няней добавлялись в список людей, приходящих и уходящих из моей жизни. Я чувствовала себя одинокой в своей переполненной семье точно так же, как кто-то чувствует себя одиноким в переполненном зале. Было так легко остаться незамеченной и забытой, потому что у меня не было никаких превосходных степеней, которые привлекли бы внимание моих родителей. Я никогда не была самой шумной, или самой сильной, или самой милой, или самой умной. Я не старалась изо всех сил искать привязанности, а взамен они давали мне пространство.

Моя склонность дистанцироваться от окружающего мира привела к тому, что даже в школе у меня никогда не было много друзей. Быть призраком относительно легко. На самом деле, гораздо труднее избавиться от этой тенденции, как только она становится второй натурой.

Но я думала, что все может измениться, когда моя мама позвонила мне ни с того ни с сего, умоляя о помощи и прося меня выйти замуж за Уолта. Маленький ребенок внутри меня, тот, кто так отчаянно нуждался в любви своей мамы, ухватился за шанс стать жизненно важным. Вот так, подумала я, мы с ней наконец-то соединимся. Теперь наша связь будет крепнуть. К сожалению, эта детская надежда рухнула, когда она и моя сестра приехали в город за покупками. В тот вечер за ужином я поняла, что была для своей мамы не более важна, чем когда-либо, даже с моей новой фамилией. Для нее я была средством достижения цели.

Однако в ту ночь произошло кое-что еще. Неожиданно Уолт оказался рядом со мной, утешая меня. Когда я заплакала и рассказала ему о своей семье, он остался и выслушал, и мое сердце глупо решило, что все еще есть возможность, что, возможно, он, из всех на этой земле, понял, что мне нужен кто-то, кто хотел бы меня безоговорочно, любил меня без причины.

С одной стороны, я даже не осознавала, насколько сильно привязалась к нему, потому что это происходило так постепенно. А с другой стороны, я несколько не удивлена, что оказалась в таком положении: влюблена в мужчину, с которым играла в дом. Конечно, я смотрела на него как на своего спасителя, потому что он был им во многих отношениях.

Это кульминация всех этих глубинных проблем, любви, смешанной с надеждой, смешанной с отчаянием, что значительно усложнило то, что он так легкомысленно говорил о нашем разводе с Мэтью в библиотеке. Небрежная манера, с которой он обсуждал отношения со мной — как будто я была еще одним пунктом в его контрольном списке, — заставила меня снова почувствовать себя тем маленьким ребенком, совершенно одиноким.

С иллюзией этого брака покончено окончательно и бесповоротно.

Глава 27

Я всегда помнила о том, что временно находилась в квартире Уолта. Я должна была пробыть здесь несколько дней, а потом меня отвлек «Банкетный натюрморт». На самом деле, это не мой дом. Уолт не приглашал меня жить с ним постоянно. Я не могу оставаться здесь, притворяясь, что все нормально. Я не могу оставаться здесь, обманывая себя, заставляя поверить, что я на самом деле жена Уолта. Боже, я хотела этого. Я хотела быть жизненно важной и незаменимой для него, и это желание размыло границы для меня.

Очевидно, мне пора съезжать.

Несмотря на искушение, я не покидаю квартиру Уолта в ту ночь. Я не набираюсь

смелости до следующего дня, когда просыпаюсь и обнаруживаю, что квартира пуста, а на кухне для меня оставлена записка. Уолту пришлось бежать в офис, и он вернется только после обеда, поэтому я начинаю собирать свои вещи. Думаю, что было разумно дать себе ночь, чтобы обдумать свое решение, и в свете нового дня я все еще знаю, что будет лучше, если я съеду до того, как он попросит меня уйти. Одной мысли о том, что мне придется терпеть разговор, в котором он вежливо предлагает мне обзавестись собственной квартирой, достаточно, чтобы мой желудок сжался от беспокойства. Я представляю, как бы все прошло, какие оправдания он бы использовал:

«Думаю, тебе было бы так удобнее».

«Я хочу для тебя самого лучшего».

«У тебя будет больше места для твоего искусства».

Он мог бы обставить это миллионом разных способов, но факт в том, что он хочет, чтобы я убралась с его квартиры — отсюда и упоминание о той единовременной выплате — и последнее, чего я хочу, это злоупотреблять гостеприимством.

К счастью, у меня еще есть немного денег в моих сбережениях. Уолт так и не обналичил чеки, которые я выписала, чтобы покрыть арендную плату и стоимость поврежденного ковра, а это значит, что у меня все еще достаточно денег, чтобы оплатить проживание в отеле на некоторое время, пока я не решу, что делать дальше.

Мне не требуется много времени, чтобы собрать свои вещи. Я оставляю прекрасное платье со сбора средств и все другие вещи, которые я купила, которые были необходимы только для этой новой жизни с Уолтом. Моя старая одежда прекрасно помещается в моем старом чемодане. К сожалению, именно мое искусство будет труднее всего транспортировать. Я могу достаточно легко упаковать свои принадлежности в картонные коробки, но мои холсты для Надежды представляют собой особую проблему.

Я звоню ей и рассказываю о ситуации. Я не вдаюсь в мельчайшие подробности о том, почему я переносу свои работы из квартиры Уолта, просто говорю, что это так. Именно ей пришла в голову идея перенести их в нью-йоркскую штаб-квартиру Штейн Галереи. На самом деле, она находит мне помощь в виде команды из трех парней. Они приходят в квартиру к 10:30 утра, чтобы помочь упаковать мои картины с осторожностью, чтобы они не повредились при транспортировке.

Террелл в вестибюле, когда я спускаюсь с ними, чтобы помочь погрузить мои вещи в кузов их фургона.

— Что это все? — спрашивает он, глядя на плоские деревянные ящики, защищающие каждое из моих полотен.

— Мое искусство. — Я улыбаюсь.

Его брови взлетают вверх.

— Ого! Это круто. Жаль, что я не смог увидеть кое-что из этого до того, как вы упаковали это в коробку.

Позже, после того, как я заканчиваю собирать последние вещи из квартиры Уолта, я беру лист бумаги для принтера из офиса Уолта и делаю набросок Террелла по памяти, добавив небольшую записку с благодарностью для него внизу страницы.

Он уже у двери, когда я ставлю свои чемоданы в вестибюле.

— Отправляетесь в путешествие? — спрашивает он с нежной улыбкой.

— Да, — вру я, беспокоясь, что если я посвящу его в то, что я на самом деле делаю, он может вовлечь Уолта.

— Когда вы вернетесь?

— О, я не уверена. — Я протягиваю ему листок бумаги. — Но это для тебя. За то, что помог загружать те коробки раньше.

Он смотрит на рисунок, который я протягиваю ему, и улыбается от уха до уха.

— Что?! Выглядит точь-в-точь как я! Но как вы это сделали? — он изумленно смеется. — Это безумие.

Он аккуратно складывает его и демонстративно засовывает в передний нагрудный карман форменной куртки. Затем он похлопывает по нему ладонью для сохранности.

— Я оставлю это здесь, при себе, — говорит он, придерживая для меня дверь. — Мне вызвать такси?

Я оглядываю улицу, понимая, что совершенно не представляю, куда иду.

— Нет, все в порядке. Я дойду.

Он кивает и направляется обратно в вестибюль, спеша помочь другому жильцу.

Не имея привязки к определенному району города, я решаю остановиться в бюджетном отеле в Мидтаун-Ист, чтобы в любое удобное для меня время я могла дойти до МоМА пешком.

Мой гостиничный номер находится на десятом этаже, тихий и наполненный затхлым воздухом. Кровать скрипит, когда я сажусь на край, и даже с раздвинутыми шторами естественного света почти нет, так как окно выходит на кирпичное здание по соседству.

Несколько минут, пока я сижу там, я чувствую себя бесцельно. От беспокойства у меня туго сжимается желудок. Я напоминаю себе, что уже бывала здесь раньше, одна в Нью-Йорке, но это не помогает. Я уже скучаю по Уолту.

Я занимаю себя тем, что сосредотачиваюсь на последней картине, которую мне нужно закончить для моей коллекции. Трудно создать рабочую студию в отеле, особенно учитывая, что мне пришлось оставить свой мольберт у Уолта. Я подтаскиваю маленький столик к окну и набрасываю на него полотенце, чтобы он не запачкался.

Я расстегиваю молнию на своем чемодане, набитом художественными принадлежностями, и начинаю раскладывать нужные мне предметы, занимая свой мозг повседневными делами в надежде, что он перестанет возвращаться к мыслям об Уолте.

После обеда он звонит.

Я смотрю на его имя на экране моего телефона, и мое сердце колотится от предвкушения и страха. Мои пальцы покрыты пастельной пылью. Я не смогла бы ответить на него, даже если бы захотела.

Я смотрю на свой телефон, пока он не перестает звонить, а затем экран становится черным. Ни голосовой почты, ни текстовых сообщений. Я почти могу убедить себя, что он вообще никогда не звонил.

Позже, когда я ем салат из супермаркета дальше по улице и просматриваю плохие фильмы по телевизору, мне звонит Надежда.

— Привет. Хорошие новости: твои работы прибыли в галерею в целости и сохранности. Я открыла несколько ящиков, чтобы все осмотреть, и... Элизабет, все хорошо. Лучше, чем я думала, хотя пусть это тебя не обижает.

Мое сердце трепещет в груди, пробуждаясь к жизни.

— Что это значит? Ты действительно покажешь их в парижской галерее?

— Безусловно. Я вылетаю завтра, и как только я встречу с командой, я сообщу тебе конкретные сроки, когда, по моему мнению, мы проведем сбор. Есть небольшой шанс, что

это произойдет скорее раньше, чем позже. Это может показаться безумием, но, по слухам, художница, которую мы должны были показать через две недели, переживает экзистенциальный кризис. Она хочет сохранить свою работу и пересмотреть размер комиссионных с галереей. Ее адвокаты... — она стонет, по-видимому, измученная. — Хорошо, извини. Я могла бы болтать об этом вечно, но я не хочу тратить твое время впустую. Просто придержишься гибкого графика, пока я не сообщу тебе новости.

— Безусловно. Я могу это сделать

— Хорошо. Держи свой телефон при себе в течение следующих нескольких дней, и я буду на связи. Нам предстоит проделать тонну работы, если ты собираешься появиться через две недели. Кроме того, обрати внимание на электронное письмо с официальным контрактом Штейн. Попроси адвоката просмотреть его и отошли мне обратно, когда сможешь, но, пожалуйста, не затягивай с этим.

Это все безумие.

Я вешаю трубку и смотрю на свой телефон, пытаюсь решить, не выдумала ли я весь этот разговор у себя в голове. Мне так отчаянно нужно было услышать немного хороших новостей после последних двадцати четырех часов, что часть меня не верит, что это реально. Я проверяю журнал звонков и вижу имя Надежды, затем сдерживаю улыбку, когда на моем телефоне появляется входящее электронное письмо. Это от нее, и она приложила контракт, о котором только что упомянула. Она также приложила PDF-файл из галереи, в котором содержится подробная информация о том, как они будут каталогизировать и оценивать мою коллекцию.

Я немедленно достаю свой ноутбук из чемодана и устраиваюсь на гостиничной кровати. Я открываю Google и начинаю искать юриста, который специализируется на продаже и приобретении произведений искусства.

У меня открыта дюжина интернет-вкладок, каждая из которых ведет на веб-сайты разных фирм. Я уже общалась с адвокатом одной из них, молодой чернокожей женщиной, которая готова работать с моим сложным графиком. Она пообещала, что сможет просмотреть мой контракт сегодня вечером и вернуть его мне с любыми предложенными изменениями к завтрашнему утру.

Я так сосредоточена на электронном письме, которое пишу ей, что выпрыгиваю из своей кожи, когда звонит мой телефон.

Это Уолт.

Снова.

На этот раз я знаю, что должна ответить. Я не могу продолжать игнорировать его звонки. Более того, я не хочу игнорировать его звонки.

Я тянусь к телефону и быстро провожу пальцем по экрану, прежде чем успеваю отступить. Звонок соединяется, и мой желудок сжимается.

— Уолт?

Я слышу, как он вздыхает на том конце, как будто он рад, что наконец-то дозвонился до меня. Затем, так же быстро, он говорит тоном, полным негодования.

— Элизабет. Иисус. Где ты?

— Я...

Где? Где я нахожусь? Я не могу заставить себя произнести слово — отель, и это к лучшему, потому что Уолт уже задает другой вопрос.

— Ты сегодня съехала с квартиры?

Я делаю глубокий вдох, прежде чем спокойно ответить.

— Да.

— Почему? Я не... Я просто в замешательстве. Ты все еще в Нью-Йорке? Что-то случилось? С твоими родителями все в порядке?

Мое сердце разрывается.

— Нет-да. Все хорошо. Я имею в виду, я предполагаю, что с ними все в порядке. Я просто...

— Что?

— Я все еще в городе.

— Ладно...

После этого никто из нас не произносит ни слова. Я не спешу заполнять тишину, и ему требуется время, чтобы переварить новость. Затем он грустно смеется, и я вздрагиваю.

— Я думал, что ошибся, — продолжает он. — Я предполагал, что ты никогда так не поступишь — дождешься, пока я уйду на работу, соберешь свои вещи и уедешь, даже не попрощавшись.

Я сглатываю, понимая, что с его точки зрения все это выглядит не очень хорошо. Конечно, он искажает это, злясь на меня, но я помогла ему, помогла нам сделать все это проще.

— Это кажется бессердечным, когда ты так говоришь, но ты должен понять, я подумала, что это лучший вариант после прошлой ночи.

— Лучшим вариантом было бы прямо противоположное, Элизабет, — упрекает он. — Телефонный звонок в мой офис, и я бы немедленно был дома. Мы могли бы поговорить о том, что происходит. Я знаю, ты была расстроена прошлой ночью, и я дал тебе пространство. Я предполагал, что мы все обсудим сегодня.

Снова этот страх, поднимающий свою уродливую голову. Для него это имеет такой большой смысл. Давай поговорим, чтобы я мог объяснить тебе ситуацию и посмотреть, как я разобью тебе сердце. В чем может быть проблема?

— Я не хочу об этом говорить, — тихо отвечаю я.

— Так... что? Ты убегаешь? Террелл сказал, что ты уехала в путешествие? Помоги мне разобраться в этом.

— Я не убегаю. Я обзаведусь собственным домом в городе, продолжая придерживаться плана, который был у меня, когда я впервые приехала в Нью-Йорк, до того, как я вышла замуж за тебя в здании суда.

— Верно. Я догадался об этом, когда нашел твое кольцо у себя на столе.

Мой подбородок дрожит, когда я тру ладонью место, где расположено сердце.

Я оставила кольцо там сегодня утром, и теперь я представляю, как он крутит его в пальцах, изучая. Мысль о том, что я могла непреднамеренно причинить ему боль, наполняет меня такой болью, что я закрываю глаза, надеясь, что все это исчезнет.

— Мне показалось неправильным брать его с собой.

Он выпускает тяжелый вздох.

— Так это... разрыв?

— Мы все равно собирались развестись, — указываю я.

— Развестись? — в его голосе звучит почти облегчение, когда он спешит продолжить. — Так вот в чем дело? Разговор в библиотеке прошлым вечером? Господи, ты могла бы просто сказать что-нибудь...

— Прекрати так говорить! — я взрываюсь. — Я знаю, ты думаешь, что мне было бы так легко просто сказать об этом, сказать правильные вещи в нужный момент, но я не какой-то идеальный робот, Уолт. Я могу существовать только так, как умею. Я такая, какая есть.

— Пожалуйста, попытайся объяснить мне, что происходит, — умоляет он с отчаянием.

— Я не хочу сидеть здесь и говорить о нашем разводе. Неужели ты этого не понимаешь? Неужели ты не понимаешь, что, возможно, я действительно испугалась, осознав, что влюбилась в мужчину, который только притворялся моим мужем? Последние несколько дней, ты и я... мы...

— Элизабет.

Он произносит мое имя так же, как любовник ласкал бы мою щеку, и я знаю, что если открою рот, мои слова будут сопровождаться слезами, а я не хочу, чтобы это произошло. Последнее, чего я хочу, — это казаться в его глазах еще более инфантильной.

— Мне нужно идти, — быстро говорю я.

— Не вешай трубку! — гремит он.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала?! — Я вскидываю руками в воздух, когда правда начинает извергаться из меня. — Мы фиктивно поженились! Мы произнесли клятвы в здании суда, и они ничего не значили. Ты думаешь, я этого не знаю? А теперь посмотри на меня! Я была той идиоткой, которая случайно забыла возненавидеть тебя. Моя бдительность ослабла, и день за днем ты просто... ты делал невозможным не влюбиться в тебя. Я на самом деле подумала про себя: это ведь правильно? Любить человека, за которым я замужем, — разве не так это должно быть?!

Он пытается прервать меня, но на данный момент меня невозможно прервать. Он открыл клапан, и теперь все выливается из меня одним большим катастрофическим потоком.

— Когда я подписывала те дурацкие бумаги, которые прислали твои адвокаты, я думала, что мы будем женаты вечно. — Я саркастически смеюсь, а по моему лицу текут слезы. — Какая же я тупая?!

— Не могла бы ты, пожалуйста, остановиться? Ты не тупая...

— О боже мой. — Я чувствую, что задыхаюсь, когда смущение перерастает в печаль. — Я не могу поверить, что я действительно так подумала. — Я быстро соскальзываю с кровати, начинаю расхаживать по комнате, прижимая ладонь ко лбу, когда, кажется, ко мне приходит все это осознание сразу. — Я не могу поверить, что предполагала, что такого мужчину, как ты, просто заставят жениться, и у него не будет запасного плана. Ты, наверное, с самого начала знал, что это не продлится долго. Какими были для тебя последние несколько дней? Небольшое приятное развлечение? Способ скоротать время, пока твои адвокаты готовят документы о разводе?

Мне вдруг становится плохо. Мой желудок скручивается, и я вешаю трубку, бросаю телефон на кровать и бегу в ванную. Я умываюсь в туалете, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Если бы у меня был коричневый бумажный пакет, я бы вдыхала и выдыхала в него, чтобы подавить свое беспокойство. Вместо этого я заставляю себя сосредоточиться на пятне на бочке унитаза и делаю глубокие вдохи, пытаюсь успокоиться.

Что происходит?

Что, черт возьми, я наделала?

Я соскальзываю на пол и обхватываю ноги руками, чтобы уткнуться лбом в колени.

Это было плохо.

То, что только что произошло по телефону, прямо противоположно тому, чего я хотела. Сегодня я ушла из квартиры Уолта, потому что не хотела, чтобы он видел меня такой. Я даже не узнаю эту версию себя.

Я смеюсь, потому что все это так истерично. Я в истерике.

Я в истерике, потому что влюблена.

Я влюблена в мужчину, на которого только что несколько раз накричала, прежде чем повесить трубку.

Это так плохо. Хуже, чем плохо. Катастрофически.

Глава 28

В ту ночь мне нелегко заснуть. Я запутываюсь в простынях, перекатываюсь взад-вперед, на один бок, потом на другой, смотрю в потолок, умоляя свое тело сотрудничать. В конце концов, я засыпаю, полулежа поперек кровати, настолько глубоко отключившись, что сначала звук моего телефонного звонка включается в мой сон.

Затем, с приливом адреналина, мой мозг кричит: «Проснись! Возьми свой телефон!»

Мои глаза распахиваются, когда я протягиваю руку через кровать, чтобы схватить его и прочитать экран, только чтобы вздохнуть с облегчением, когда я вижу, что это Надежда, а не Уолт.

— Выставка начинается! — говорит она, когда звонок соединяется.

— Что? — спрашиваю я, стирая сон с глаз.

— Да! Мы меняем расписание, подбираем другого художника и оформляем твои холсты, пока мы разговариваем.

Я резко принимаю сидячее положение, прикрывая рот рукой.

— Срань господня! — я съеживаюсь. — Прости! Притворись, что я этого не говорила.

Надежда смеется.

— Послушай, у меня есть несколько вещей, которые мне нужны от тебя. Сначала короткая биография. Возможно, ты видела у Ани такое прошлым вечером. Если нет, загляни на наш веб-сайт — он даст тебе представление о нужном нам формате. У меня также есть несколько французских журналистов, которые хотели бы взять у тебя интервью, чтобы сопроводить свои статьи. Я знаю, это может показаться невеселым, но это лучший способ заявить о себе, так что тебе просто нужно улыбаться и терпеть это

— Все в порядке. Я справлюсь.

— Кроме того, я знаю, что ты все еще просишь своего адвоката просмотреть наш контракт...

— Она сказала, что сможет отправить его мне раньше, чем ожидалось. Надеюсь, я подпишу его для тебя уже сегодня.

— Отлично. Еще я отправлю тебе по электронной почте подтверждение твоего рейса, как только мой помощник закажет билет. Думаю, тебе следует быть в Париже по крайней мере за несколько дней до выставки, чтобы ты могла акклиматизироваться и помочь с окончательными деталями.

— Так это происходит на самом деле? — мой голос звучит ошеломленно.

— Да, — подчеркивает она. — Это происходит. Когда ты сможешь достать мне последний фрагмент, над которым ты работаешь?

— Завтра. Я думаю. Сегодня я буду работать как сумасшедшая.

— Хорошо. Позвони в Штейн Галерею, когда закончишь, спроси Марка. Он попросит одного из парней прийти и упаковать холст для отправки. Позвони, если я тебе

понадоблюсь, но я, возможно, не смогу быстро ответить, так как сейчас собираюсь садиться на свой рейс.

Я желаю ей счастливого пути, а затем мы вешаем трубку. Секунд тридцать, максимум минуту, я в восторге от этой новости, мечтая увидеть свои работы, висящие в галерее Штейн в Париже. Затем я поднимаю взгляд от телефона, и мой холодный, пустой гостиничный номер смотрит на меня в ответ. Мой взгляд перебегает с моей импровизированной студии у окна на мой чемодан с одеждой, сваленной в кучу на нем.

Волнение от моего телефонного разговора с Надеждой, похоже, не обладает той стойкостью, на которую я надеялась. Моя нынешняя ситуация отказывается игнорироваться.

«Париж!» — напоминаю я себе.

«Уолт», — парирует мой мозг.

Этот одинокий гостиничный номер снова погружает меня в дурное настроение, от которого я, кажется, не могу избавиться. Я соскальзываю с кровати и раздвигаю занавески, надеясь увидеть проблеск солнечного света. Но сегодня туманное пасмурное утро, погода вполне соответствует моему настроению.

Мне нужно много поработать над последней картиной, но сначала мне нужно что-нибудь съесть. Я надеваю штаны для йоги и толстовку и спускаюсь в вестибюль отеля, чтобы выбрать их предложения на завтрак. Водянистые яйца и полуфабрикаты — практически мой единственный выбор, поэтому я кладу несколько яиц на тарелку и наливаю в пенопластовую чашку столько кофе, сколько в нее вмещается.

За столиком в углу я ем и листаю газету «Нью-Йорк Таймс», которую кто-то оставил. В разделе «Искусство» я не так уж удивлена, увидев небольшую заметку о выставке Ани, которая была два дня назад. К ней прилагается сетка фотографий с мероприятия, которые освещают ее работу, а также известных жителей Нью-Йорка, которые присутствовали на мероприятии. Мое сердце замирает, когда я вижу фотографию Уолта и меня. Я наклоняюсь, чтобы изучить изображение. В нем мы смотрим на последнюю работу Ани — ее адаптацию Ван Гога. Фотограф поймал нас сбоку. Я занимаю большую часть кадра, но Уолт возвышается на голову выше меня с другой стороны, его рука прижата к моей пояснице. Я наклонилась к нему, чего не помню, чтобы делала в то время. Мы выглядим расслабленными вместе, нам комфортно в объятиях друг друга.

Подпись гласит просто:

— Мистер и миссис Уолтер Дженнингс II.

Я отодвигаю газету в сторону и откусываю кусочек яичницы.

После этого еда кажется еще хуже, если это вообще возможно. После первого кусочка я игнорирую свою тарелку и сосредотачиваюсь на своем кофе. Я очень стараюсь больше не смотреть на газету. В основном мне это удастся, но время от времени мои глаза меня предают.

Я снова подтягиваю газету к себе и, прищурившись, смотрю на нас. Боже, мы выглядим очаровательно. Влюбленными.

Я намеренно ставлю свою кофейную чашку поверх изображения, закрывая его от моего взгляда. Это хорошо работает, пока я не захочу сделать еще глоток кофе.

Мой телефон вибрирует рядом с газетой от звонка Мэтью.

Я не отвечаю на него. Вместо этого я постукиваю пальцами по столу, ожидая, пока он перейдет на голосовую почту, а затем сразу же прослушиваю сообщение, которое он мне оставил.

— Элизабет, привет. Это Мэтью. Я знаю, что ты, возможно, не захочешь говорить со мной прямо сейчас, но послушай, я надеюсь, что с тобой все в порядке. Уолт позвонил мне вчера вечером, беспокоясь о тебе. Он спросил, видел ли я тебя, что не имело никакого смысла, пока он не сказал мне, что ты съехала. Я что-то пропустил? Вы, ребята, казались довольно счастливыми прошлой ночью... Я не знаю. Я, наверное, последний человек, с которым ты хочешь разговаривать, но если ты действительно хочешь поговорить, я здесь. Клянусь, я твой друг, а не просто информатор моего брата. — Он смеется. — В любом случае, да, серьезно, я надеюсь, что ты в порядке. Верно. Пока.

Мне стыдно за то, что я проигнорировала его звонок, поэтому я отвечаю ему.

Элизабет: Привет, спасибо, что написал. Я в порядке.

Мэтью: Привет. Ты уверена?

Элизабет: Да, просто выясняю кое-какие вещи для себя. Все хорошо.

Мэтью: Мой брат действительно беспокоится о тебе. Не хочу совать свой нос куда не следует, но я никогда не видел его таким.

Часть меня хочет попросить его рассказать подробнее. Что он делает? Он сердится? Ему грустно? Насколько грустно? Но я знаю, что это не очень хорошая идея. Вместо этого я отключаю телефон, убираю со стола и возвращаюсь наверх в свою комнату, чтобы приступить к работе.

Остаток дня я больше не смотрю на свой телефон. Я должна сосредоточиться на этой заключительной части моей выставки, и последнее, что я хочу сделать, это отвлечься и не выполнить свое обещание Надежде сделать это вовремя. Такая возможность выпадает раз в жизни для моей карьеры, и как бы мне ни хотелось задернуть шторы и свернуться калачиком в своей постели, я должна просто все разделить. Работаю сейчас, впадаю в отчаяние после моей выставки в Париже.

Только когда я лежу в постели в 23:32 вечера, собираясь заснуть, я снова проверяю свой телефон и вижу пропущенный звонок от Уолта.

После этого он отправил сообщение.

Уолт: Наверное, я должен дать тебе пространство, но я не могу. Встретимся за ужином? Нам нужно поговорить, и завтра утром я уезжаю на конференцию по устройствам в Калифорнию.

Вместо того, чтобы ответить ему, я прокручиваю список своих недавно пропущенных звонков и навожу большой палец на его имя. Боже, я хочу поговорить с ним. Я так скучаю по нему, что мне больно лежать здесь, зная, что он всего в десяти минутах езды.

Я нажимаю большим пальцем на его имя, прежде чем успеваю передумать, а затем мое сердце учащенно бьется, когда идут гудки. Предвкушение заставляет мой пульс ускориться. Через мгновение я услышу его голос. Я закрою глаза и буду слушать, как он говорит, и притворяться, что все будет хорошо. Мы с ним во всем разберемся.

Но звонок не соединяется. Уолт, должно быть, уже спит. Я кладу телефон на прикроватный столик, отворачиваюсь от него и закрываю глаза.

Утром я проверяю свой телефон, чтобы увидеть первое из серии пропущенных соединений.

Уолт: Эй, я спал, когда ты позвонила. Мне нужно было быть в аэропорту в 4:45 утра, поэтому я лег пораньше. Позвони мне, когда проснешься.

Я звоню ему, но он, должно быть, все еще в самолете.

Позже, когда я в душе, он перезванивает. Я проклинаяю все, абсолютно злясь на

Вселенную за то, что она делает это с нами.

Когда я перезваниваю ему, он отвечает после первого гудка.

— Элизабет.

— Уолт. Привет. Извини. Мы...

— Скучаем друг по другу. Я знаю. Послушай, через несколько минут я собираюсь выйти на сцену с основным докладом.

— Мистер Дженнингс, — говорит мужчина на заднем плане. — Нам нужно проверить микрофон.

Он вздыхает, и это звучит так, словно он в тупике.

— Элизабет, я позвоню тебе позже, когда вернусь в свой гостиничный номер. Держи свой телефон при себе.

— Хорошо.

Я делаю в точности так, как он говорит. Я включаю громкость своего телефона на самую громкую настройку и держу его при себе весь день, пока рисую, пока переписываюсь с Надеждой по электронной почте, пока согласовываю с Марком из Галереи Штейн время получения готового последнего холста, пока иду, чтобы купить дешевый ужин в закусочной на вынос дальше по улице, пока я ем на скамейке в парке, наблюдая, как дети играют в пятнашки.

Он не перезванивает, пока я не оказываюсь в постели, просматривая Reddit на своем телефоне (*прим. сайт, сочетающий черты [социальной сети](#) и [форума](#), на котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию в интернете и обсуждать её*).

Я отвечаю немедленно, облегчение переполняет меня.

— Кажется все против нас.

Он вздыхает, когда на заднем плане хлопает дверь.

— Я только что вошел в свой гостиничный номер. Боже, это был долгий день.

Я представляю, как он в изнеможении проводит рукой по волосам.

— Ты уже поужинал? — я спрашиваю.

— Я собираюсь заказать доставку еды в номер.

— О. Я могла бы отпустить тебя, чтобы ты...

— Элизабет.

— Я просто...

— Да, я знаю, что ты предлагаешь, но нет. Мы не положим трубку, пока ты меня не выслушаешь.

Я сажусь в постели, откидываясь на подушки.

— Но просто дай мне две секунды. Где их чертово меню? — Я слышу, как он шаркает по комнате, хватая телефон отеля, затем отчетливый звук, когда он набирает номер для обслуживания номеров. Кто-то, должно быть, отвечает довольно быстро, потому что Уолт говорит сразу же, заказывая чизбургер.

Они, должно быть, спрашивают о напитке, потому что Уолт отвечает:

— Вода подойдет. Добавьте салат на гарнир, пожалуйста.

На мгновение воцаряется тишина, а затем он благодарит человека на другом конце провода и вешает трубку.

— Элизабет? Ты здесь?

— Да.

— Хорошо. На это у них уйдет около двух часов.

Я улыбаюсь.

— Почему обслуживание номеров всегда занимает целую вечность?

— Я понятия не имею, но это универсальный закон. Подожди, дай мне переодеться. Я был в этом весь день. Фу, мне бы не помешал душ.

— Так прими душ.

— Верно, и шанс потерять тебя?

— Я останусь на телефоне, клянусь.

— Хорошо, но я возьму тебя с собой в ванную, — говорит он.

Я слышу, как открывается дверь, а затем включается душ. Вода разбрызгивается по кафелю и стеклу, а это значит, что он, должно быть, в действительно хорошем отеле. Никакой пластиковой бежевой занавески для душа для него.

— Ты меня слышишь? — спрашивает он.

— Едва ли.

— Я буду быстр.

Это настоящая пытка — разговаривать по телефону с Уолтом, слушая, как он раздевается. Мои уши покалывает от каждого малейшего звука: щелчка молнии, шуршания одежды, звона металла о кафель. Звук душа становится громче, когда он открывает дверь и заходит внутрь. Его тело частично перекрывает поток, заглушая звук. Я закрываю глаза и слушаю, представляя, как он выглядит, вода стекает по его мышцам, когда он намыливает свое тело.

Так проходит еще несколько минут, и я нетерпеливо ерзаю на кровати, пытаюсь не обращать внимания на то, что мои щеки начинают гореть.

Вода отключается, и дверь душа снова открывается. Новый мысленный образ заменяет предыдущий: Уолт выходит из душа, блестящий, мокрый, голый и чистый. Вода капает с его темных волос, капли скатываются по шее и груди. Я слышу, как он разворачивает полотенце и начинает вытираться.

— Элизабет?

Я сглатываю.

— Я здесь.

— Хорошо. Позволь мне захватить какую-нибудь одежду.

— Все это было частью твоей уловки? — спрашиваю я, лишь отчасти поддразнивая.

— Что?

— Чтобы дозвониться до меня и заставить выслушать это?

Он хихикает.

— Уверяю тебя, все это было сделано совершенно невинно. Хотя, честно говоря, я бы никогда не смог слушать, если бы ситуация была обратной.

Дрожь пробегает у меня по спине, и вместо того, чтобы еще больше увлечь меня запретными темами, это заставляет меня вернуться к текущей проблеме.

— Ты хотел поговорить со мной о том дне? Прояснить ситуацию? — спрашиваю я, мой тон меняется на что-то более серьезное.

— Да, хотя я не уверен, как начать с этого вот так. Мне так странно разговаривать с тобой таким образом. Я бы хотел, чтобы ты приехала в Калифорнию. Сможешь ли ты? Придешь? Я пробуду здесь до воскресенья.

Смех вырывается из меня, потому что это так абсурдно.

— Нет. Я... нет, Уолт. Вообще-то я лечу в Париж в субботу.

Помощник Надежды прислал мой номер подтверждения и информацию о рейсе ранее сегодня днем.

— Париж? — спрашивает он, выглядя озадаченным, и что ж, в этом есть смысл.

— Да. Для моей выставки в Галерее Штейн.

— Какой выставки?

Я объясняю ему изменение в расписании, как Надежда поместила меня на место, которое было ранее заполнено, не в силах сдержать улыбку на моем лице, когда я перехожу к деталям. Даже после всего, мне приятно поделиться этим с ним. Теперь я понимаю, что он единственный человек, которому я хотела рассказать это.

— На самом деле это все было неожиданно и быстро. Я узнала об этом только вчера, поэтому стараюсь завершить все как можно быстрее.

— Это... — его голос замолкает, как будто он не уверен, что сказать. — Элизабет, это... Поздравляю. Ты должна по-настоящему гордиться собой.

— Так и есть. Да. Спасибо.

— Как долго ты там пробудешь?

— Думаю, неделю. Как раз достаточно времени, чтобы помочь с окончательными решениями о выставке, а затем, конечно, присутствовать на ней. Мне нужно сделать кое-что для прессы, ничего серьезного, но да...

— Вау.

— Да, это будет большая работа.

— Похоже на то...

Наступает долгая пауза, пока я смотрю на потолок, не зная, что сказать дальше.

— Уолт, как ты думаешь, может нам стоит поговорить, когда я вернусь из Парижа? Попробуем разобраться во всем этом позже? Таким образом, у нас будет немного времени, чтобы все обдумать? Я просто... Я не горжусь своим поведением той ночью...

— Здесь нечего стесняться.

И все же мои щеки краснеют.

— Знаю, просто...

На самом деле я не могу объяснить ему, каковы мои мотивы откладывать этот разговор, потому что это не то, чем я особенно горжусь. Просто для меня пространство равносильно надежде... надежде, что мы с ним действительно сможем уладить весь этот бардак после моей выставки. Я беспокоюсь, что если мы с ним сейчас поговорим, если наши пути разойдутся, я могу провести следующие две недели в подавленном состоянии, не в состоянии насладиться этим важным моментом в моей карьере.

— Две недели — это не так уж много, — продолжаю я. — Давай просто... Мы поговорим, когда я вернусь. Хорошо?

Я даже не понимала, что хочу, чтобы он не согласился и форсировал спор, признался в своей любви прямо здесь и сейчас, но я слышу:

— Хорошо.

Я чувствую, как будто мое сердце раскалывается надвое.

— Удачи в Париже.

— Спасибо. Я... да, я поговорю с тобой после.

— После, — повторяет он мне, прежде чем я вешаю трубку.

Глава 29

Моя выставка занимает большую часть моего внимания на следующей неделе, но не все. Я все еще каким-то образом нахожу время, чтобы погуглить Уолта и прочитать скучные технические статьи о конференции, которую он посещает. Журналисты узнали подробности о будущем «Диомедики». Судя по всему, они только что завершили клинические испытания новой инсулиновой помпы, и цены на акции стремительно растут. Уолт ведет Твиттер вместе с Илоном Маском и Джеффом Безосом (прим. [американский предприниматель, основатель интернет-компании Amazon.com](#), основатель и владелец [аэрокосмической компании Blue Origin](#), владелец издательского дома [The Washington Post](#)). Мне приятно, что я вообще знаю его, не говоря уже о том, чтобы притворяться его женой.

Меня немного раздражает, что Уолт дает мне пространство, о котором я просила. От него нет ни звука, ни звонков, ни сообщений, пока я готовлюсь к своей поездке в Париж.

Я собираю свой чемодан и договариваюсь с работником стойки регистрации в моем отеле. Он позволит мне оставить мой чемодан с художественными принадлежностями в одном из шкафов отеля на неделю, пока меня не будет, в обмен на 50 долларов. Я надеюсь, он не понимает, что принадлежности в чемодане стоят намного больше, хотя я не уверена, что существует огромный черный рынок в основном использованных пастельных карандашей.

Мы с Надеждой находимся в постоянном контакте, пока я готовлюсь к отъезду. Штейн поселит меня в отеле рядом с галереей, а также позаботятся о моем перелете. Я нахожусь в кресле первого класса по пути сюда, что кажется чудесным. Мне действительно удастся немного поспать, после того как я говорю себе перестать листать Твиттер в поисках дополнительной информации о времени, проведенном Уолтом в Калифорнии.

Я говорю себе, что перестану думать о нем, как только приземлюсь в Париже. Я даже делаю это своей личной миссией, и мне это почти удается. Когда Надежда встречает меня в аэропорту, она вовлекает меня в бурную деятельность. Воскресенье и понедельник мы проводим в Галерее Штейн, сосредоточив внимание на порядке моих работ и подтверждая, что нам нравится общий ход коллекции. Во вторник я встречаюсь с прессой в отеле, перескакивая с одного интервью на другое, так что к концу дня мой голос кажется хриплым. В среду утром Надежда пригласила профессионального фотографа встретиться со мной в моем гостиничном номере, чтобы она могла сделать несколько моих снимков. Пиар-команда Штейн отправит лучший снимок во французскую прессу и использует его в выставке.

— Ты устала? — спрашивает меня Надежда в четверг вечером, когда мы сидим в ресторане в ожидании нашей еды.

Мы не одни. За нашим столом есть еще несколько человек из Штейн, которые помогают координировать мою выставку. Я должна была бы стараться произвести хорошее впечатление, но, честно говоря, я могла бы заснуть на столе в любой момент.

Я съезживаюсь.

— Это так заметно?

— Только слегка.

Я смеюсь.

— Завтра у тебя будет легкий день. Нам нужно будет встретиться в галерее утром, чтобы убедиться, что все готово, но потом у тебя будет свободный день. Не трать его в пустую. Исследуй город. Или, черт возьми, вздремни.

Я последовала ее совету, проигнорировав соблазн крупных музеев, таких как Лувр и

д'Орсе, в пользу посещения Фонда Картье, музея, основанного брендом роскошных часов, в котором представлено современное искусство.

К услугам гостей большой современный сад, утопающий в зелени. Как и в Нью-Йорке, в Париж пришла весна. В легкой куртке я могу посидеть на каскадных пологих ступенях, наслаждаясь сочетанием пышного сада и индустриального фасада музея. Это первый значительный промежуток времени, который я действительно провела наедине с собой с тех пор, как приехала сюда, и я не удивлена, что меня встречает зов одиночества. У меня с собой альбом для рисования, поэтому я вытаскиваю его из сумки, перелистывая последнюю страницу, и понимаю, что ничего в нем не рисовала с тех пор, как сделала набросок Уолта в его квартире. Я смотрю на его рисунок, и мне кажется, что моя тоска носит физический характер, проявляясь в виде боли в груди, которую я, кажется, не могу унять даже после того, как закрываю свой альбом для рисования.

Я отказываюсь от идеи рисовать, и вместо этого смотрю на людей в саду. В начале дня здесь тихо. Семья занимает место рядом со мной, их двое малышей беснуются. Одна из них, маленькая девочка с короткими светлыми волосами и в цветастом платье, убегает от своей сестры, дико хихикая, прежде чем врезаться прямо в меня. Я протягиваю руку, ловя ее осторожно, чтобы она не упала со ступенек.

— Простите! — говорит ее мать, спеша забрать своего ребенка.

— Нет. Нет, все в порядке, — говорю я, улыбаясь, чтобы дать ей понять, что меня это несколько не беспокоит.

Она верит мне на слово и садится обратно. Я отпускаю малышку, как только понимаю, что она твердо стоит на ногах.

Маленькая девочка указывает на мой альбом для рисования и говорит что-то по-французски.

— Dessine une image (*прим. фран. рисуете картинку*)?

Я хмурюсь, не понимая.

Она указывает сильнее, повторяя снова:

— Image. Image.

Поняв намек, я открываю альбом, чтобы показать ей свои рисунки, и ее большие карие глаза расширяются. Не спрашивая, она начинает перелистывать страницы. Я поднимаю взгляд и вижу, что ее мама наблюдает за нами, одаривая меня благодарной улыбкой.

— Хочешь, я тебя нарисую? — я спрашиваю.

Маленькая девочка выглядит смущенной, поэтому я открываю чистую страницу и машу карандашом. Она сразу же понимает намек.

— Dessin! Dessin (*прим. фран. рисунок*)!

Я пытаюсь нарисовать ее, хотя это дается ей нелегко. Вместо того, чтобы позировать, она танцует передо мной по саду, устраивая шоу. Я быстро рисую, мой карандаш летает по странице, запечатлевая вихрь ее движений, взмах ее юбки, когда она радостно кружится.

Ради потомков я подписываю внизу и вырываю страницу из альбома для рисования, чтобы передать его девочке. Она бросается показывать его своей матери, и женщина смотрит на меня, говоря на ломаном английском.

— Возможно... вы... однажды станете знаменитым художником, — говорит она с улыбкой.

Я улыбаюсь в ответ, надеясь, что она права.

Я едва могу заснуть в ночь перед моим выступлением. Я лежу в постели, просматривая

свое расписание и пытаясь вспомнить какие-нибудь детали, которые я могла забыть в последнюю минуту. Мое платье уже висит на обратной стороне двери в ванную. Я решила надеть то же платье с леопардовым принтом, которое носила, когда выходила замуж за Уолта. Я подумывала о том, чтобы пойти и купить что-нибудь новое для выставки, но я не хотела создавать у кого-либо ложное впечатление о том, кто я на самом деле, не говоря уже о том, что я предпочла бы не тратить те небольшие деньги, которые у меня есть, на какой-нибудь безвкусный блейзер и брюки. Кроме того, мне нравится это платье, и мне особенно нравится, когда оно сочетается с моими ботинками «Док Мартенс».

Я надеваю его на следующий день, когда готовлюсь, и начинаю подбирать к нему свои украшения. Я бережно отношусь к бабушкиным часам и своему крошечному медальону. Мне неприятно, что я замечаю, каким «голым» теперь кажется мой левый безымянный палец.

В Париже я придерживалась своего оружия, в основном избегая социальных сетей и Google, чтобы не сводить себя с ума новостями об Уолте. Я уже несколько раз чуть не написала ему эсэмэску. Трудно не думать о нем в городе, столь известном своим искусством. Я вижу за каждым углом что-то, что ему понравилось бы, картину или скульптуру, которые, я знаю, он хотел бы увидеть.

Я бы хотела, чтобы он был здесь, со мной.

Я бы хотела, чтобы он был рядом со мной сегодня вечером, но я горжусь собой за то, что справилась сама.

Я смотрю на себя в зеркало в отеле и встряхиваю руками.

— Вот оно, — говорю я своему отражению.

Это единственный в жизни шанс сделать себе имя как начинающему молодому художнику. Не облажайся. Я смеюсь про себя и качаю головой, хватая сумочку и телефон, прежде чем спуститься в вестибюль отеля. Надежда уже ждет меня, к ней присоединилась Аньес, глава отдела по связям с общественностью парижской галереи Штейна. Они обе аплодируют моему наряду.

— Это идеально. Очень по-американски, — говорит Аньес с усмешкой.

Я понятия не имею, что она имеет в виду, но я воспринимаю это как комплимент.

Мы садимся в машину у отеля и едем до галереи. Заходящее солнце заливает каменные фасады парижских зданий Османа золотистым светом. Вдоль Сены мы проезжаем мимо торговцев с сувенирами. Туристы толпятся вокруг них, обменивая евро на маленькие безделушки. Мотоцикл проносится перед нами, отвлекая мое внимание от реки, когда мы замедляем ход и останавливаемся перед галереей.

Отель Штейн Paris расположен в старом здании с видом на Сену. В нем есть старинные двойные двери, выкрашенные в темно-зеленый цвет, а окна украшены декоративными перилами из кованого железа. Здесь уже собрались люди, несколько журналистов с камерами, висящими на шее. Команда поставщиков провизии заканчивает установку бара на открытом воздухе.

Каждый раз, когда я приходила в галерею на этой неделе, чтобы помочь с настройкой и окончательным решением макета, это казалось таким же сюрреалистичным, как и в прошлый раз. Даже сейчас мне хочется ущипнуть себя. Почему я здесь? Как я вообще могу быть достойна такого шоу, как это?

Кофейня арт.

Верно.

Ладно, посмотрим, что произойдет дальше.

— Мы выходим. Не забудь улыбаться, — говорит мне Аньес, прежде чем открыть заднюю дверцу машины.

Я последняя, кто выходит на тротуар, и чувствую, что все взгляды устремлены на меня, когда я направляюсь ко входу в галерею. Я даже не на каблуках, и все равно я боюсь, что споткнусь и упаду.

— Элизабет. Можем мы перекинуться парой слов? — спрашивает журналист, останавливая меня прежде, чем я успеваю зайти внутрь. Я смотрю на Аньес, и она кивает в знак подтверждения.

Сразу же меня окружает небольшая группа из журналистов, атакующих миллионами разных вопросов. Они хотят знать, как я себя чувствую сегодня вечером, что значит для меня эта коллекция. Я понятия не имею, как мне ответить. Слова просто вырываются из меня, и когда я ухожу несколько минут спустя, я пытаюсь вспомнить, что, черт возьми, я говорила. Я вообще связывала воедино законченные предложения? Аньес уверяет меня, что все было хорошо.

— Я, кажется, нервничала?

— Совсем немного, — говорит она, подмигивая.

Верно.

Я делаю глубокий вдох и захожу в галерею, застыв в недоумении, когда впервые рассматриваю свою законченную коллекцию. Мои холсты висят ровными рядами вдоль белых оштукатуренных стен, заключенные в декоративные рамы, изготовленные на заказ. Антикварные латунные светильники галереи освещают каждый из них, подчеркивая детали многослойной пастели и краски. Моя работа воплотилась в жизнь.

Слезы наворачиваются в уголках моих глаз. Надежда хватает меня за руку и сжимает. Кто-то делает снимок, и я осознаю, что за мной все еще наблюдают. На самом деле, весь вечер за мной будут следить.

— Двери официально откроются через десять минут, — говорит нам Аньес. — Прогуляйся по комнате, как только начнут прибывать люди. Не прячься в углу.

Я смотрю на Надежду, и она улыбается.

— Не волнуйся, я буду рядом с тобой.

Верная своему слову, она не покидает меня, как только двери открываются для публики. Я выжидающе смотрю на вход, но там нет толпы людей, пытающихся попасть внутрь. Большинство репортеров ушли теперь, когда они получили то, что им было нужно. Пара забредает внутрь, с любопытством оглядывается, как будто они не уверены, что именно происходит, а затем быстро уходит. Надежда ободряюще смотрит на меня.

Постепенно люди начинают прибывать, а затем в течение получаса полдюжины посетителей превращаются в дюжину, и так далее, пока не набирается столько народу, что я не остаюсь одна надолго.

Языковой барьер не так уж и велик. Надежда говорит по-французски, поэтому помогает переводить. Большинство посетителей говорят на отрывочном английском, что облегчает разговор о моем творчестве.

В первый раз, когда я вижу четкую черную надпись — продано, размещенную рядом с одним из моих полотен, я чувствую, как мое тело вибрирует. Это настоящий выброс адреналина. Этот холст был выставлен на продажу за 1400 долларов. После того, как галерея и Надежда получают свою долю, у меня все равно останется приличная сумма денег. Хотела бы я сказать, что это не имеет значения, что я создаю искусство для своей души и ничего

больше, но правда в том, что если я хочу, чтобы искусство было моей работой, а не просто хобби, мне нужно зарабатывать деньги.

Я думаю, что Надежда была права насчет цен и размеров моей работы. Как только первое произведение продается, возникает эффект домино, как будто теперь, когда мое искусство признано — достойным, люди, не колеблясь, скупают его. В дальнейшем рядом с почти всеми холстами размещены таблички — продано. Покупатели просят меня попозировать для фотографий перед моими работами. Я улыбаюсь, хотя чувствую легкое оцепенение. Я сомневаюсь, что смогу по-настоящему понять все это, пока позже не вернусь в свой гостиничный номер одна.

— Не могли бы вы, пожалуйста, подписать мою программу? — спрашивает женщина с американским акцентом, протягивая маленький белый буклет, в котором подробно описан каждый предмет коллекции.

Я киваю.

— Конечно. Да.

Я похлопываю себя по платью, как будто ищу призрачные карманы, затем морщусь.

— У меня нет ручки.

— О, подождите, я посмотрю, — говорит она, начиная копаться в своей сумочке.

Я поворачиваюсь к Надежде, чтобы спросить, есть ли она у нее, и когда я это делаю, мой взгляд падает на вход в галерею, точнее, на мужчину, стоящего там.

Трудно понять, что я вижу в те первые несколько секунд, когда в поле зрения появляется Уолт, окруженный дверным проемом, освещенный мягким светом улицы. Сена течет позади него, и он стоит абсолютно неподвижно, рассматривая меня.

В левой руке он сжимает букет цветов, завернутый в коричневую бумагу. Выражение его лица непроницаемо. Его темные брови сведены вместе, рот слегка изогнут в хмурой гримасе. На секунду мне кажется, что он может быть расстроен. Потом я понимаю, когда он сжимает цветы в кулаке... он нервничает.

Он выглядит так же, как в тот первый день у здания суда. На нем темно-синий костюм без галстука. Его часы выглядывают из-за манжеты пиджака. Его волосы идеально уложены, ни одна прядь не выбивается из прически. Он поднимает правую руку и машет, и это самое искреннее выражение надежды, которое я когда-либо видела.

То, что он сделал, поражает меня сразу.

Он прилетел в Париж, пришел на мою выставку, остался со мной, несмотря на все, через что мы прошли. Слезы наворачиваются в уголках моих глаз в тот самый момент, когда женщина похлопывает меня по руке.

— Нашла! — говорит она, размахивая ручкой передо мной, как только я поворачиваюсь к ней лицом.

Она замечает выражение моего лица и хмурится, вероятно, неправильно истолковав мое настроение.

Я быстро подписываю ее программу, позирую для фотографии, а затем пытаюсь выйти из взаимодействия, но затем она задает вопрос о моем искусстве. Я даже не улавливаю этого. Мои уши наполнены звуком моего сердца, бьющегося тяжело и быстро.

Надежда замечает Уолта, улыбается, а затем начинает действовать.

— Я бы с удовольствием показала вам несколько ее работ, — говорит она женщине. — Я Надежда, представитель Элизабет в Штейн. Вы уже сказали мне свое имя?

Она уводит женщину с плавной грацией, и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, как Уолт

пересекает комнату, чтобы добраться до меня. Я тоже направляюсь к нему, встречая его на полпути. Он подавляет все мои чувства сразу. Я улавливаю его характерный запах, и моя грудь сжимается от желания. Мы не прикасаемся друг к другу. Мы стоим на расстоянии фута друг от друга, пока я пристально смотрю на его грудь, особенно на пуговицу его накрахмаленной белой рубашки, и жду, когда он заговорит.

Проходит секунда, и я поднимаю на него взгляд.

Его карие глаза смотрят на меня с такой беззастенчивой тоской, что у меня горят щеки.

— Поздравляю, — говорит он, протягивая мне цветы.

Я принимаю их, бережно баюкая в своих руках. Они прекрасны, брызги ярких цветов, но они затмевают его запах, поэтому я позволяю им упасть рядом со мной, подальше от моего пути.

— Ты приехал в Париж, — говорю я ошеломленно, когда снова смотрю на него.

Он кивает.

— Я прибыл несколько часов назад.

— О. Держу пари, ты устал.

Он не отрывает от меня взгляда и качает головой.

— Нет.

— Ты приехал в Париж, — повторяю я.

Уголок его рта приподнимается в неуверенной улыбке.

— Для твоей выставки.

Я киваю, внезапно настолько ошеломленная, что не могу подобрать слов. Я снова смотрю на цветы, и слеза скатывается по моей щеке. Он протягивает руку, чтобы обхватить мое лицо, чтобы вытереть ее. Он выглядит совершенно раздавленным, когда наши глаза снова встречаются.

— Пожалуйста, не плачь.

— Я ничего не могу с этим поделать, — шепчу я.

Я никогда не видела, чтобы кто-то делал для меня что-то настолько самоотверженное. Чтобы кто-то бросил все и прилетел сюда... удивил меня вот так...

Я делаю шаг вперед в порыве храбрости и обхватываю его руками за талию, сжимая его, когда моя голова падает ему на грудь. Я погружаюсь в его запах, и это так же успокаивает, как падение в постель после тяжелого дня.

— Поздравляю с твоей коллекцией, — говорит он, целуя меня в волосы. — Я так горжусь тобой. Посмотри вокруг. Там не осталось ни одной картины для продажи.

Я улыбаюсь и отступаю назад, махая рукой в зал.

— Пойдем, пойдем. Посмотри на все.

Я вкладываю свою руку в его, и он крепко сжимает ее, пока я провожу его через выставку от начала до конца, подтверждая то, что он мне только что сказал. Рядом с каждой моей работой есть табличка — продано. Он рассматривает мое искусство с вдумчивым вниманием, как будто стоит перед такими впечатляющими работами, как «Мона Лиза». Он говорит мне, какая картина его любимая, та, в которой использованы тяжелые синие и серые пигменты, нанесенные толстым слоем и текстурированные на холсте.

— Я бы купил ее, если бы кто-то не опередил меня.

Я прячу улыбку и веду его за собой. Как только мы доходим до конца, я не могу подавить чувство гордости, наполняющее меня сверху донизу. Идти рядом с ним, показывать ему свою работу таким образом — это осуществленная мечта. Каждый художник хочет быть

там, где стою я, и я стараюсь позволить себе по-настоящему проникнуться этим, чтобы этот момент навсегда запечатлелся в моей памяти.

— Ты сенсация, — говорит он, когда мы дошли до конца.

Я даже не опровергаю это. Я не хочу преуменьшать это достижение.

— Тебе нужно возвращаться к Надежде? Вернуться к фотографиям и все такое?

Произнося ее имя, он как будто только что вызвал ее из воздуха. Она подлетает к нам, сияя Уолту.

— Я так рада, что ты смог прийти, — говорит она, и на ее лице нет и намека на удивление.

Я смотрю на Уолта, и он подтверждает мои подозрения, когда наклоняет голову в ее сторону и говорит:

— Надежда помогла мне устроить сюрприз. Я связался с ней, как только узнал, что у тебя будет выставка.

Я смотрю на нее, и она гордо улыбается.

— Ты ничего мне не сказала!

— Да, ну, я хорошо умею хранить секреты. Теперь, ты, конечно, можешь остаться, но все твои работы проданы, и мероприятие сворачивается. Мне кажется, будет лучше, если ты не будешь задерживаться слишком долго. Оставь людей желать большего, — говорит она, подмигивая.

Я киваю, и она тянется, чтобы сжать мою руку.

— Поздравляю. Я знала, что у тебя все получится, но это лучше, чем мы ожидали. Ты должна по-настоящему гордиться.

Я горжусь этим. Я едва чувствую, что этот вечер реален, когда Уолт идет со мной, чтобы забрать мою сумочку. Мы покидаем галерею и выходим в парижскую ночь. Сена блестит отраженным светом от соседних зданий. Неподалеку возвышается Эйфелева башня, сияющая золотом, ее прожектор кружится над горизонтом. Машина проносится мимо по улице, когда мы выходим на тротуар, за ней следует звон велосипедного звонка мужчины, когда он огибает группу девушек, смеющихся, когда они идут плотной группой. Я бросаю взгляд на Уолта и обнаруживаю, что он сосредоточен на мне, а не на Париже.

— Может, нам вернуться в мой отель? — спрашивает он с искушающим взглядом.

Я сглатываю, а затем поворачиваю подбородок в сторону реки.

— Хорошо, но давай пройдемся. Еще рано, а я никогда не гуляла по ночному Парижу.

Он кивает и протягивает мне руку. Я позволяю ему отвести меня через улицу на тротуар, идущий вдоль берега реки. Сначала мы не разговариваем, но ночь далека от тишины. Вдалеке раздается звук машины скорой помощи — явное напоминание о том, что мы не в Штатах. Когда мы проходим мимо групп, раздаются взрывы болтовни и отрывочные фразы по-французски. По реке курсируют лодки, перевозящие пассажиров для ночных круизов.

Я впитываю все это, ценю каждую мелочь, все время сосредоточив свое внимание на Уолте. Его большая рука тверда и спокойна, она легко сжимает мою. Я думаю, он идет медленнее, чем обычно, пытаясь убедиться, что я не чувствую спешки.

В конце концов я спрашиваю его о его перелете и о конференции в Калифорнии. Он спрашивает меня о моей неделе в Париже и о том, каково было готовиться к моей выставке. Разговор настолько далек от того, что я хотела бы обсудить, что даже не кажется вполне уместным. Кого волнуют перелеты и недели, которые мы провели вдали друг от друга?

Мои нервы напрягаются внутри меня, пока мы идем. Кажется, с каждым шагом я все больше раскачиваюсь. Уолт говорит мне, что его отель не так уж далеко впереди.

— Ты дойдешь или возьмем машину? — спрашивает он, а я киваю.

Это странное чувство: я могла бы идти вечно, и в то же время у меня есть нелепое желание пробежать последние несколько ярдов. Это воюющий конфликт внутри меня, беспокойство, смешанное с надеждой.

Я не удивлена, обнаружив, что его отель намного лучше даже того, где я сейчас остановилась. Его вестибюль отделан мрамором, а кессонные потолки (*прим. состоит из впадин, балок и ячеек*) украшены тяжелыми хрустальными люстрами. Уолт точно знает, куда меня отвести, прямо к лифтам и на пятый этаж.

Его номер в конце коридора. Он проводит своей карточкой-ключом, и двойные двери открываются в большой люкс с полностью оборудованной обеденной зоной, мини-кухней, гостиной и боковой спальней, спрятанной за закрытой дверью.

Я могла бы потратить час, осматривая комнату, изучая искусство и дизайн интерьера. Это замечательно, все выполнено в нейтральных кремовых и черных тонах, антикварные предметы сочетаются с современной мебелью. Затем я поворачиваюсь к Уолту и вижу, как он проводит рукой по волосам, и я понимаю, что мы достаточно долго откладывали неизбежное.

— Я не думаю, что когда-нибудь буду полностью готова к этому разговору, так что мы вполне можем начать. Я буду относиться к этому так, как будто срываю пластырь.

Его брови в замешательстве хмурятся.

— Думаешь, это будет так плохо?

Мой желудок скручивается в узел.

— Жизнь приучила меня готовиться к худшему, так что это именно то, что я делала на этой неделе. Я подавила все надежды, изо всех сил стараюсь сохранить самообладание.

Его губы растягиваются в удивительно красивой улыбке.

— Тебе не кажется, что пришло время отбросить здравый смысл? Я прилетел в Париж, Элизабет. Я пришел сюда, чтобы поговорить с тобой. Как ты думаешь, я бы сделал это, если бы принес плохие новости?

— Думаю, нет.

Он делает шаг ко мне, а я стою совершенно неподвижно.

— Так почему бы тебе не расслабиться хоть немного? Ты топчешься возле двери, как будто собираешься сбежать.

Я и не подозревала, что это так. Я шагаю дальше вглубь номера, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

— Вот, — говорит он, протягивая руку за цветами. — Давай я поставлю это в воду.

На приставном столике уже стоит приготовленная ваза, и он разворачивает цветы из бумаги и ставит их внутрь.

После этого он поворачивается ко мне, встречается со мной взглядом и просто спрашивает:

— Как кто-то должен признаваться в своей любви? Должен ли я был заказать для нас ужин или десерт? Ты уже поела? Я даже не подумал спросить.

— Что?!

— Я просто... я не тот человек, у которого вошло в привычку говорить людям, что я их люблю. Я не могу вспомнить, когда в последний раз говорил это даже Мэтью, так что,

скорее всего, я все неправильно сделаю.

Я открываю рот, чтобы попытаться заговорить снова, но он опережает меня.

— Я знаю... но я люблю тебя, Элизабет. Несмотря на то, как мы начинали. Несмотря на наше трудное начало — мое трудное начало.

Он выглядит настолько глубоко обеспокоенным своим признанием, что я не могу удержаться от смеха.

Он неправильно это понимает. Со вздохом он подходит к телефону, стоящему рядом с огромной вазой с белыми пионами.

— Боже, я знал, что сделаю это неправильно. Позволь мне заказать шампанское и еду. Ты любишь стейк?

Он поднимает телефон и начинает набирать номер, но я подбегаю, чтобы остановить его, забираю телефон у него из рук и кладу его обратно.

— Уолт...

— Ты не голодна? — спрашивает он, нахмурившись.

— Уолт, — повторяю я, пытаюсь заставить его посмотреть на меня.

Когда он, наконец, это делает, я вижу беспокойство, запечатленное на его точеных чертах.

— Ты любишь меня?

Он хмурится.

— Я только что сказал, что люблю.

Из меня вырывается еще один смешок.

— Ты не должен выглядеть таким грустным из-за этого.

— Мне совсем не грустно, — говорит он. — Я...

— Напуган.

Он делает глубокий вдох, зажмурил глаза.

Это такая странная смена ролей — стоять перед ним с уверенно поднятым подбородком, быть той, кто привстает на цыпочки и обнимает его за шею.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я ему.

— Я рад это слышать, — говорит он, высвобождаясь из моих объятий и снова отступая назад.

Мое заявление не облегчает его беспокойство так, как я ожидала.

Теперь я снова начинаю нервничать. Что не так? Что может быть такого плохого?

— Боюсь, это только часть проблемы, — говорит он, потирая затылок. Теперь он начинает ходить взад-вперед, по-настоящему напрягаясь. — Наш брак... Мне не нужно напоминать тебе, что все начиналось скорее как договорное соглашение. Брак по расчету.

Я киваю, чтобы он продолжал.

— С самого начала моим намерением было вытащить тебя из этой ситуации, освободить тебя, как я мог. Я никогда не хотел принуждать тебя к чему-либо надолго, особенно после того, как услышал, как ты обсуждаешь это со своей мамой и сестрой. Вот почему я работал со своими адвокатами. Вот почему я сказал то, что сказал в библиотеке тем вечером. Я думал, ты хочешь отказаться от этого соглашения.

Несмотря ни на что, мне все еще больно слышать, как он упоминает о конце нашего брака, фиктивного или нет.

— Но... слушать тебя по телефону той ночью, быть без тебя последние несколько недель...

Он позволяет фразе повиснуть на волоске, продолжая расхаживать по комнате, его шаги ускоряются, когда он потирает лицо.

— Пожалуйста, просто скажи это!

Он резко останавливается и резко поворачивается ко мне.

— Я не хочу развода. Я хочу, чтобы это был настоящий брак, Элизабет. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Отныне и навсегда.

Из меня вырывается звук, наполовину смех, наполовину рыдание. Я прикрываю рот рукой, когда Уолт бросается ко мне.

— Скажи мне, что ты хочешь того же, — говорит он, обнимая меня за шею, наклоняясь, чтобы встретиться со мной взглядом. — Пожалуйста.

Я быстро киваю, слишком подавленная, чтобы говорить.

Я двигаю рукой, и он наклоняется и прижимается поцелуем к моим губам, решая нашу судьбу. Я целую его в ответ, прижимаясь к его телу. Его руки перемещаются с моей шеи, скользят вниз по моему телу, сжимая мою талию, чтобы он мог направить меня обратно в спальню. Мы целуемся на ходу, торопливые и безумные. После двух недель разлуки ни один из нас не хочет отпускать другого. Он протягивает руку назад и открывает дверь в спальню люкса.

— Элизабет? — спрашивает он, ища согласия.

Я целую его еще сильнее, в губы и щеки. Я чувствую вкус соленых слез и понимаю, что он, возможно, тоже плачет. Я снова говорю ему, что люблю его, когда он начинает раздевать меня, быстро разбираясь с моим платьем и ботинками. Его костюм оказывается более сложным. Я дергаю за пуговицы, и мне лишь частично удается раздеть его, прежде чем мы падаем обратно на кровать.

Боже, я люблю его. Я люблю его тело. Мне нравится тяжесть его рук, когда они скользят по моей обнаженной коже. Мне нравится, как он прокладывает поцелуями дорожку вдоль моего пупка и бедра, ощущение его языка, когда он раздвигает мои бедра и устраивается между ними.

Он остается там до тех пор, пока я не становлюсь настолько возбужденной, что начинаю дрожать, пока я не начинаю кричать и прикрывать рот. Я дергаю его за волосы, и его пальцы впиваются в мою кожу, удерживая меня распростертой для него, когда он садится. Осознание появляется на его лице, когда он говорит мне, что забыл упаковать в чемодан презервативы.

На мгновение возникает нерешительность, мы обмениваемся взглядами.

Меня это ни капельки не волнует. Ни в малейшей степени.

Когда я говорю ему это, он подползает ко мне, прижимается своими губами к моим и крепко целует меня. Когда он прерывает поцелуй, он начинает благоговейно шептать, и сначала трудно разобрать слова. Затем я понимаю, что он произносит клятвы, обещая заботиться и обнимать меня, лелеять меня, поддерживать меня в болезни и в здравии. Он повторяет все слова, которые не имел в виду, когда мы были в зале суда, когда он наваливается на меня всем своим весом и мягко вдавливаясь в меня, скрепляя нас вместе.

Я смотрю на него снизу вверх, мое зрение затуманено слезами.

— Пока смерть не разлучит нас, — добавляю я с безумно счастливой улыбкой.

— Пока смерть не разлучит нас, — подтверждает он, прежде чем наклониться и завладеть моими губами.

Эпилог

Уолт

Я делаю снимок на свой телефон, когда Элизабет идет впереди меня с нашими двумя дочерьми. Они ведут себя глупо, держась за руки и преувеличенно размахивая руками взад-вперед. Элизабет идет посередине, Лана и Изабель по обе стороны от нее. Близнецы так похожи на Элизабет, но в тоже время и не похожи. Их характеры схожи — все они болтушки, так что в нашем доме я едва успеваю вставить хоть слово.

Мы в Париже, в отпуске, которого с нетерпением ждали почти год. Я знал, что Элизабет понравится временная выставка Сезанна в музее д'Орсе. Я удивил ее билетами на нашу годовщину в прошлом году.

Девочки, вероятно, слишком маленькие, чтобы по-настоящему оценить поездку, в которую они отправляются, но Элизабет на седьмом небе от счастья, находясь здесь, в своем любимом городе, с нашими дочками.

Это прекрасный весенний день, и город наводнен людьми, жаждущими оценить его по достоинству.

Музей находится прямо впереди, перед ним выстроилась очередь. Скоро мы к ним присоединимся.

Изабель оглядывается и машет мне, чтобы я догонял ее.

— Ты идешь слишком медленно, папа!

Я делаю глупое лицо, и она смеется.

Лана поворачивается и возвращается за мной, хватая меня за руку, чтобы потащить за собой.

— Мама говорит, что мы можем получить угощение после музея. Это правда?

— Если мама так скажет.

— Она так сказала.

Тогда это закон.

По крайней мере, так это работает в нашем доме.

Мы с Ланой догоняем Элизабет и Изабель в конце очереди, чтобы войти в музей. Элизабет поворачивается и улыбается, и солнце подчеркивает яркий зеленый цвет ее глаз. Прежде чем я могу остановить себя, я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, и, как и ожидалось, наши дети ведут себя так, как будто они никогда не видели ничего более отвратительного в своей юной жизни.

— Взрослые не должны целоваться, — говорит Изабель поучительным тоном.

— Это так отвратительно! — вмешивается Лана.

Элизабет подмигивает мне.

— Слышал это? Мы отвратительны.

— О, как изменились времена, — говорю я, ведя нас вперед, когда очередь двигается.

Я обнимаю ее за талию, и она наклоняется ко мне.

— Мои ноги убивают меня, — жалуется она.

— Мы можем взять такси и вернуться в отель.

— Только после того, как мы получим угощение! — Лана напоминает мне.

— Блинчики? — спрашивает Элизабет, наклоняя голову, чтобы посмотреть на меня.

— Мы еще не были в Бонтемпе, — замечаю я. — Это как раз в третьем округе.

— Это то место, куда мы ходили...

— На следующий день после твоей первой выставки, — говорю я, кивая.

Она улыбается при этом воспоминании.

— У них была лучшая кондитерская.

Такое чувство, что только вчера мы впервые были в Париже. Мы провели здесь неделю вместе после того, как я удивил ее на ее выставке. Сначала мы отсиживались в нашем гостиничном номере, почти не вставая с постели. Я бы с удовольствием остался там навсегда, но Элизабет в конце концов уговорила меня подняться и отправиться в город. Мы ходили в музеи, ездили на поезде в Версаль и лениво ужинали на берегу Сены. Мы гуляли и разговаривали, бесцельно блуждая по городу, теряясь в разных районах и спрашивая дорогу на плохом французском. Однажды утром Элизабет оставила на моей подушке записку с указаниями, где я должен встретиться с ней за поздним завтраком. Адрес ни о чем не говорил, когда я оделся и отправился в город. Я шел медленно, чувствуя необъяснимое одиночество после недолгого отсутствия Элизабет. Тогда меня поразило, насколько важной она стала для моей жизни.

В то весеннее утро дул легкий ветерок, которого было достаточно, чтобы взъерошить мои волосы, когда я завернул за угол и убедился, что нахожусь в том месте, где она сказала мне встретиться с ней. Я посмотрел на здание позади меня, хотя магазин все еще был закрыт. Затем я повернулся лицом к пешеходному мосту, пересекающему Сену, и увидел Элизабет, стоящую на полпути по нему рядом с фонарным столбом из кованого железа.

Она улыбнулась, увидев, что я направляюсь в ее сторону.

Там уже были туристы, стекавшиеся к мосту, чтобы сфотографироваться.

Когда я подошел к Элизабет, она улыбнулась и спросила меня, знаю ли я, где стою.

Я огляделся вокруг, пытаясь понять, на что она намекает. На другом конце моста был Лувр, а справа от нас Иль-де-ла-Сите с Нотр-Дамом, возвышающимся над горизонтом.

— Это мост влюбленных, — сказала она, сжалившись надо мной. — Помнишь? Раньше к боковым перилам были прикреплены тысячи висячих замков, прежде чем городу пришлось их снять. Они разрушали мост. Можешь себе представить? Думаю, вся эта любовь была довольно тяжелой.

Я замычал от осознания.

— Я и забыл об этом.

— Сейчас это уже не так культово. — Она пожала плечами. — Просто обычный старый мост. Я вспомнила об этом, когда вынашивала свой план сегодня утром.

Мои брови нахмурились в замешательстве, когда она улыбнулась и разжала руку.

— Я бы опустилась на одно колено, но, поскольку мы уже женаты, я не уверена, каков протокол для такого рода вещей, — сказала она с дразнящей улыбкой, держа простое старинное золотое кольцо.

Ее рука дрожала от волнения.

Я стоял, уставившись на него, не находя слов.

— Это обручальное кольцо, — сказала она, поднося его ближе ко мне. — Для тебя.

Это кольцо все еще у меня на левой руке. Несколько лет назад мне пришлось сдать его в ремонт. В одном месте оно стало таким тонким, что я испугался, как бы оно не сломалось. Ювелир заменил эту часть кольца новым более толстым куском золота. В то время Элизабет предложила мне просто купить новое кольцо получше. Но я не хотел заменять старое, оно стало мне дорого сердцу.

Я никогда не думал, что буду стоять здесь сегодня, спустя десять лет с тех пор, как я впервые женился на Элизабет в здании суда. Я никогда не забуду, как подошел и увидел ее в тот день, одетую в короткое платье и тяжелые ботинки. Ей следовало бы убежать в горы,

когда я приблизился, но она посмотрела на меня, ее зеленые глаза сияли. Она была так беззащитно полна надежд, так упряма. Я постоянно думал о ней, даже в первые дни, еще до того, как она переехала в мою квартиру.

Я уже говорил ей об этом раньше, делился с ней тем, как быстро у меня появились к ней чувства. Она смеется каждый раз, когда я напоминаю ей об этом, как будто это снова и снова шокирует ее.

— Ты точно так себя не вел! — любит повторять она мне.

— Да, хорошо, а что я должен был делать? Это все пугало меня.

Мы с ней должны были легко договориться. Я собирался изменить условия траста, расторгнуть наш брак и вернуться к жизни, какой я ее знал. Предполагалось, что она будет следовать правилам контракта и связываться со мной только в случае крайней необходимости, а не переезжать в мою свободную спальню и выговаривать мне за мою сварливость.

Я радуюсь каждый чертов день, что она не отступила, когда должна была.

— Ты помнишь, что мы ели там в прошлый раз? — спрашивает она теперь, имея в виду кондитерскую. — Я помню, у них был шоколадный торт, из-за которого мы чуть не подрались, верно? Боже, там было так хорошо.

Я киваю, улыбаясь ей сверху вниз.

— Что? — спрашивает она, тыча меня в живот. — Почему ты так на меня смотришь?

Я качаю головой.

— Ничего. Давай, очередь движется.

— Окей, чудак.

Я наклоняюсь и целую ее в волосы, крепче обнимая ее.

— Я люблю тебя, — говорит она мне с легкой улыбкой.

— Я тоже тебя люблю.

Девочки стонут.

— Родители! Пожалуйста, пойдете уже!

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net